

I Җеңке-ле

Җеңке-
ле

ПОЭМА XV ВЕКА

Рейнеке- лше

ПОЭМА XV ВЕКА

*В переводе
Льва
Гинзбурга*

И (Нем)

Р35

Reinke de Vos

1498

Художник
Л. Чернышев

На фронтисписе воспроизведена гравюра из первого издания «Рейнеке-лиса» (Любек, 1498).

© Издательство «Художественная литература», 1978 г.

© Скан и обработка: *glarus63*

Р $\frac{70404-333}{028(01)-78}$ 168.77

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

История о лисе стара, как мир. Она берет свое начало в баснях Эзопа, в XIII веке во Франции возник прозаический «Роман о Лисе», перекочевавший в XV веке в Нидерланды — две стихотворные версии, издание одной из которых принадлежит Хинрику ван Алькмару. От этой версии сохранилось лишь несколько разрозненных глав. В том же XV веке исчезнувший было «Лис» перепрыгнул в Нижнюю Саксонию. В 1498 году в Любеке было напечатано произведение неизвестного автора «Reinke de Vos»: возникла новая, оригинальная, уже немецкая поэма, ставшая одной из любимейших народных книг немцев.

«Рейнеке» привел в восторг Лютера. Неистовый реформатор покатывался со смеху, читая о похождениях рыжебородого мошенника, облаченного то в рясу монаха, то в рубище пилигрима, о продажности папской курии, о волчьих законах, царящих в феодальном мире, действительно похожем на дремучий лес, населенный всевозможными хищниками.

Как следовало понимать этот «животный эпос»? То ли, что животным придаются человеческие черты и признаки, то ли, что люди, потеряв человеческий облик, все больше напоминают лис, обезьян, волков?..

Новое время рождало новый социальный тип хитроумного проходимца, способного противопоставлять волчьей хватке, грубой медвежьей силе, львиному царственному величию свою изворотливость, циничную сметку.

Вы еще услышите или прочтете,
В каком сегодня большом почете
При дворах монархов или князей

Лис и орава его друзей.
Такой, как наш Рейнеке, всюду нужен,
Он с королями и папами дружен,
Везде и повсюду из-за кулис
Всем верховодит Рейнеке-лис,—

сказано в финале поэмы. Всемогущие коронованные львы, вельможные леопарды, ягуары и прочие все больше подпадают под «лисье» и «обезьянье» влияние — нарастает распад, разложение рыцарских феодальных устоев. Однако в поэме присутствует и другая мысль: новые хищники оказываются не менее жестокими и кровожадными, чем прежние, с утроенной алчностью питаюсь чужою кровью, чужим мясом.

В поэме слышался гул народного возмущения, надвигавшейся Реформации, Крестьянской войны.

В XVI веке «Рейнеке-лис» получил широчайший отклик, им зачитывались читатели, его безымянному создателю подражали поэты, и популярность поэмы переступила границы Германии.

Три века спустя Гете окончательно закрепил славу «Рейнеке-лиса» в одноименной поэме-пересказе, заковав в гекзаметры то, что некогда клокотало в корявых, ритмически неорганизованных строках балаганного райка — «книттельферза».

По замечанию русского профессора Н. И. Стороженко, история о Рейнеке-лисе росла «постепенно, привлекая к себе много литературных сил... подобно средневековым готическим соборам, строившимся на общественный счет в продолжение столетий».

Взаимоотношения между поэмой XV века и произведением Гете принципиально интересны. Не выходящая народного духа первоисточника, Гете приглушил средневековое неистовство, лексически облагородил текст, сгладил наиболее острые или чересчур уж фривольные места, придал поэме новую интонацию.

Содержание поистине кроется в слове — в том, как оно поставлено, повернуто. Тон делает песню.

Ритм несет на себе не только звуковую, но и смысловую нагрузку. При текстуальном сходстве (а иногда и прямом совпадении) с первоисточником гекзаметр придавал поэме размеренность, рассудительность. Строгий веймарский классик возвращал историю о лисе к естеству, к античной гармонии. Поэма была написана в 1793 году, в разгар Великой французской революции, после битвы при Вальми. Среди мирового хаоса Гете искал успокоения в мудрости древних, в старине, в фольклоре. В его поэме хохот уступил место улыбке, негодование — критике общественных пороков и нравов. Он сам признавался: «Я предпринял эту работу, чтобы отвлечься от созерцания мировых событий, и это мне удалось...»

И все же ни отвлечься от мировых событий, ни уйти от исходного материала поэмы Гете, конечно, не смог. Настроения XV—XVI веков переплелись с идеями девятости третьего года. Извлеченный как бы из небытия, из прозаического пересказа Готшеда (1752), «Рейнеке» вновь полыхнул своим огненно-рыжим хвостом, побуждая к смелым мыслям о том, как устроен мир.

Предлагаемый читателю перевод сделан по книге Карла Зимрока, искусного мастера поэтической реставрации, который в 1845 году бережно восстановил на современном верхненемецком языке поэму XV века, написанную в подлиннике на нижненемецком.

Сопоставление исконного текста и перевода убеждало в надежности избранного мною источника.

В балаганном многословии и балагурстве, в недрах раешного стиха таилась смысл бессмертной поэмы. Воскресали бесчисленные эпизоды, отмеченные остроумием и неистощимой выдумкой. В повествование вступал пестрый мир бродячих сюжетов, басен, сказок,

входили персонажи масленичных и ярмарочных представлений — все эти средневековые доктора, пускающие кровь и ставящие клистиры, шельмы-судейские, простодушные мужики, плотоядные священнослужители... Грызались между собой звери, вставляя в непристойную порой брань ученые латинские изречения. На протяжении четырех книг поэмы разворачивалось великое действо: жизнь.

Как было «уловить» эту жизнь, этот мир в переводе? Был ли смысл переводить текст поэмы слово в слово, строку за строкой? Разумеется, я стремился держаться возможно ближе к подлиннику и все же в ряде глав, особенно в первой книге, сознательно шел на стихотворный пересказ, перепев ради того, чтобы точнее и достовернее передать атмосферу оригинала, его звучание, его дух. В переводе старинной фольклорной поэзии приходится порой «раздвигать» текст (или, напротив, «сжимать» его), как бы «ретушировать» стершиеся места, усиливать голоса, отзвучавшие много столетий тому назад. Впрочем, подлинник давал достаточно оснований и для озорных словесных ходов, и для резких психологических характеристик, и для стилистического разнообразия.

За строками поэмы смутно виднелся безымянный автор. Его едва заметное присутствие ощущалось и в прямом общении с читателем в ходе повествования, и в иронических подзаголовках, и в замечаниях, помещенных в скобки. Работая над переводом, надо было постараться услышать его голос, понять его характер, сойтись с ним как можно ближе.

С такими внутренними установками я и приступил к своему труду с тем, чтобы древний «Рейнеке» пришел к русскому читателю как созданное самим народом живое произведение, вдохновившее великого Гете.

Лев Гинзбург

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*О том, как Нобель —
король всех зверей —
решил созвать свой
двор и велел скликать
своих подданных*

То было в Троицу весной,
Все засветилось новизной,
Леса и доли зазеленели,
Птицы запели, ручьи зазвенели.
Приправлен запахом растений
Был пленительный воздух весенний.
Погода дивною была:
День лучезарен, даль светла.
Н о б е л ь — могучий король зверей —
Велит свой двор созывать скорей.
По всей земле рассылает гонцов,
Скликает вассалов со всех концов.
Много прибыло народа —
Особы княжеского рода,
Которые известны нам
По славным, доблестным именам:

Л ю т к е — журавль, М а р к в а р т — сойка.
Кричат, воркуют, щебечут бойко.
Все так ярко, торжественно, пышно,
Много радостных возгласов слышно.
Нобель-король при своих вассалах
Равно приветил больших и малых.
Даже самые мелкие звери
С почетом входили в дворцовые двери.
И только не было здесь его —
Р е й н е к е -лиса одного!
Да и как бы он смел заявиться сюда,
Столько всем причинив вреда?!
Нечистая совесть света страшится.
Вот Рейнеке-лис и не мог решиться
Прийти на это высокое сборище,
Где о нем говорили, как о позорище.
Лишь собрались — загудели о Рейнеке,
Как о воре, грабителе и мошеннике.
И только барсук не бранил еще оного
Рейнеке-лиса, лжеца прожженного.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как Рейнеке-лис был обвинен волком Изегримом и многими другими зверьми и как они пожаловались на него королю

Первым слово взял волк И з е г р и м.
Друзья и сородичи шли за ним.
Представши пред королевским тронем,
Изегрим вымолвил со стоном:

«Ваше величество! Наши бедствия
Находятся в явственном несоответствии
С моралью, с законами государства!..
Я — жертва злокозненности и коварства
Рейнеке-лиса — прошу возмещения
За поступки, достойные возмущения.
Ставлю Рейнеке-лису в вину,
Что он обесчестил мою жену!
(При этом замечу: вполне вероятно,
Что он это делал неоднократно.)
Он прямо в лицо напрудил моим деткам —
Особо подчеркиваю: малолеткам!
Трое из них лишились зрения.
(Что ждет их в старости? Дом призраний?)
Да что там! Меня он провел без стыда!
Когда назначен был день суда,
Где в ходе судебного разбирательства
Рейнеке-лис обещал обстоятельства,
Его обеляющие, изложить
И тем оправдание заслужить,
Он предпочел вообще не явиться —
В замке своем родовом резвится!
О чем известно в целой округе.
Вот мои родственники и слуги,
Поборники чести и добродетели,
Здесь, перед вами, стоят как свидетели.
Оглашенья злодейств, означенных в деле,
Могло бы занять не меньше недели.
Ах, если б все гентское полотно
Вдруг стало пергаментом, все равно
Его б не хватило для описаний
Совершенных разбойником злодеяний.
Поэтому вынужден сократиться.
Но жажда возмездия не укротится
В этой груди с зияющей трещиной,
В связи с супругой моей обесчещенной!»

Вслед за волком вошла с прошеньцем
Собачка с французским произношеньцем —
Горемычная госпожа В а к е р л о с,
И рассказала, как ночью, в мороз,
У нее, оставшейся неимущей
(Случай воистину вопиющий!),
Рейнеке стибрил кусочек колбаски
(Это теперь подлежит огласке),—
Кусочек колбаски, причем единственный,
Использовав некий способ таинственный.

«Ах,— говорит она,— ох!..» И вот
Вышел разгневанный Г и н ц е-кот!
«Ваше величество! Ваши сиятельства!
Все это сущее надувательство!
Конечно, Рейнеке — плут и вор,
Он мерзкий прохвост. Но об этом ли спор?
Прямо скажу: мы его боимся
Больше, чем вас. От него таимся.
Но то, что здесь плетет Вакерлос,
Никак нельзя принимать всерьез.
Колбаса-то моя! Не уйдешь от факта!
Забрел я ночью на мельницу как-то.
Мельник спал. Раздавался храп.
Я — шмыг на кухню, колбаску — цап!
И смылся. Теперь рассудите здраво,
Какое имеет законное право
Вакерлос на мою колбасу?
Я беззаконья не перенесу».

Пантера сказала: «В такую пору,
Право, не место пустому спору!
Надеюсь, что мы понимаем все —
Дело, конечно, не в колбасе.
Не в колбасе, повторяю, дело,

А в том, что нам лиса терпеть надоело.
Он нарушает наш покой,
На него управы нет никакой.
Он жулик, он вор, он убийца даже!
Кругом — злодеянья, кругом — покражи.
И все это, без сомнения — он!
Да что там! Если б монарший трон
Вдруг зашатался и все мы вместе
Лишились вдруг достоянья и чести,
Его бы это вполне устроило —
Пусть нам бы это и жизни стоило.
Лишь бы плотней ему брюхо набить!
Ну, сами подумайте, как нам быть?
Опасность страшнее с каждой минутою:
С коварством его, с кровожадностью лютою
Я только вчера еще встретился сам,
Хоть и не верил своим глазам.
Заяц Ля м п е сюда мной приведен,
Который вчера чуть им не был съеден,
Когда он случайно Рейнеке встретил
И тот его льстивой речью приветил:
«Хочешь познать законы Христовы?
Я сам тебе преподам основы,
И выйдет из тебя капеллан
(Такой, значит, был у Рейнеке план).
К делу давай приступим без лени!
Сперва опустимся на колени
И пропоем для начала «Сгедо»¹...
(Рейнеке чувствовал близость обеда).
Только заяц стал подпевать,
Рейнеке зайца за шиворот — хватъ!
В горло когтями ему вонзился
И, наверно, недолго бы с ним возился...
Ну, есть ли предел коварству и низости?

¹ Верую (лат.).

К счастью, я оказался поблизости.
Рейнеке выпустил зайца из лап,
И хоть господин Лямпе весьма ослаб
И у него изранена шея,—
Он все же вырвался от злодея
(Благодаря чистой случайности),
Чему все мы рады до чрезвычайности.
Вот — царапина: следы
Едва не случившейся беды.
Каким же надо быть изувером,
Чтоб столь откровенно гнусным манером
Напасть на смиреннейшее существо!
Взгляните, пожалуйста, на него!
Однако посмотрим на вещи пошире:
Король издал о всеобщем мире
Между зверьми августейший указ.
Здесь нарушение указа как раз!
Когда вы спросите: кто ж нарушитель?—
Отвечу: Рейнеке, вор и душитель!
Вы спросите: что же нам предпринять?—
Отвечу: проклятого лиса унять!
Вы скажете: это в державной воле
Монарха, сидящего на престоле.
Все это верно. Однако скажу,
Хоть на престоле и не сижу:
Может, злодей от того и злодействует,
Что кто-то, кто действовать должен, бездействует,
Тень бросая на самый трон
И кое-кому нанося урон».

Молвил Изегрим: «Спорить нечего!
Надо скорей сбросить с наших плеч его!
Конечно, если б он сам подох,
Подобный исход был бы неплох.
Однако, поскольку он не подыхает,

Пусть жажда возмездия полыхает!
Мы не разбойники и не воры,
Нам нужен мир, а ему — раздоры.
И как бы жертвой его не стало бы
Лицо, что не верит во все наши жалобы».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*О том, как барсук
Гримбарт вступился
перед королем за своего
дядю Рейнеке-лиса
и обвинил волка Изегрима
в целом ряде
совершенных им преступлений*

Барсук — племянник обвиняемого —
Воскликнул: «И мы еще обвиняем его!
Его обвиняет волк Изегрим!
Ну что же, извольте, поговорим.
Впрочем, когда я в слова ваши вник,
Я понял, что вражий язык — клеветник.
К монарху будучи приближенным,
Чего ж над обиженным, над униженным
Не поглумиться, не покуражиться?
Ведь так легко на это отважиться!
Вы множество старых обид перечислили
(Не меньше причем двух третей домыслили),
Явившись к монарху со старыми сплетнями,
Давними сплетнями, многолетними,
При этом пряча в надежном укрытии
Новейшие, смею сказать, события:

Давно ли, ответствуйте, ада исчадие,
Вы заключили союз с моим дядею,
Обязуясь действовать с ним сообща
И всегда друг в дружке поддержку ища?!
Но вот она волчья-то мораль!..
Суровый стоял на дворе февраль,
Катила телега, рыбой груженная,
Волк Изегрим — бестия, трижды прожженная,—
Пожелал, разумеется, рыбки поесть.
Но денег нет, а желанье — есть.
Он молвит дядюшке: «Вытянув ноги,
Ложись-ка, дружок, поперек дороги,
Прикинься, дружок, говорит, мертвецом.
Возница спрыгнет и — дело с концом!
От рыбки его ничего не останется.
Вся рыбка его нам с тобою достанется».
Дядюшка, жизнью своей рискуя,
Лег на дороге, по рыбе тоскуя.
Возница видит: лежит себе лис.
Возница спрыгнул с телеги вниз,
Тесаком на лежащего замахнулся,
Но дядя даже не шелохнулся.
Тогда возница схватил его сдуру,
Приняв за готовую лисью шкуру,
Швырнул на телегу, сам снова сел.
Вы скажете: дядя всю рыбу съел?!
Как бы не так! Он сбрасывал рыбку
(Конечно, он совершил ошибку)
Дружку-прохвосту, бежавшему сзади,—
Правила дружбы священны для дяди.
И ждал он честного дележа,
А не бесчестного грабежа.
Меж тем, по вполне достоверным сведениям,
Весь «улов» оказался съеденным!
Все сожрал господин Изегрим,
Которого мы в обвинителях зрим!

А дяде — лишь косточки обглоданные!
Ну? Что вы скажете, верноподданные?!
Дядя, в эту историю втянутый,
Побрел восвояси, голодный, обманутый,
Охваченный крайне мрачною думою,
О пагубе алчности, хитрости думая,
Терзаясь от страшной душевной боли,
Что «дружба» для многих — лишь звук, не боле.
А волк, обожравшись рыбой, потом
Долгое время страдал животом.
К нему врачи знаменитые хаживали,
Питьем да примочками отхаживали.

Еще один прискорбный случай,
Весьма возмутивший наш род барсучий:
Пронюхал дядюшка про семью,
Где только что закололи свинью.
Да, закололи за милую душу,
На кухне коптили свиную тушу.
Рейнеке другу шепнул: «Идем!
Я сквозь окошко проникну в дом,
А ты пока обожди снаружи,
Затянем пока ремешки потуже».
Рейнеке-лис хватает свинью,
Волку в окно подает и — адью!
Но тут напали овчарки на Рейнеке
(На ночь с них снимали ошейники),
Однако, наперекор испугу,
Дядя на волю вырвался к другу,
Хоть мех его получил повреждения
(В деле имеются подтверждения).
Но я не к тому... Волк, нажравшись, хрипит:
«У тебя разыгрался небось аппетит?
Хвала небесам, ты вышел на волю,—
Сейчас свою ты получишь долю!»

«Да, — заявляет мой бедный дядя,
Взглядом голодным на волка глядя,—
Дай-ка, дружище, и мне кусок».
Волк куда-то в сторонку скок:
«Сейчас объешься, брат, поросятиной!»
И — возвратился с пустой рогатиной,
На которой хозяин свинью коптил.
Дядя, бедняга, слюну проглотил,
Но ничего сказать не решился
Потому, что вмиг языка лишился:
Такое коварство, такой обман,
Такая подлость — большее ран,
Страшнее злых собачьих укусов,
Хотя дядюшка мой отнюдь не из трусов!
Скажите, заслушав сии показания,
Кто же заслуживает наказания?
Кто здесь рыцарь? Кто — подлая тварь?
Не нам рассуждать. Пусть решит государь.

Теперь о следующем эпизоде:
Волк при всем честном народе,
Как низкий преступник и лиходея,
Глумился над честью супруги своей,
Распространяя позорные слухи
О ней как о самой позорной шлюхе.
И это — заступник! И это — муж!
И это — еще дворянин к тому ж!
Что ж было? Все разъясню в секунду.
Дядя прелестнейшую Г и р м у н д у
Встретил семь лет назад на балу.
Чувство взяло его в кабалу.
Он этим чувством поныне лучится.
Очаровательнейшая волчица
Однажды восторг разделила с ним
(Когда в отсутствии был Изегрим),
Оставшись довольной до исступления.

В чем же тут состав преступления?
Это и есть уважение к даме.
Так ведь?.. А, впрочем, судите сами.
Была бы у Изегрима совесть,
Он предпочел бы забыть эту повесть.

Теперь разберем пресловутую байку
Про якобы чуть не погибшего зайку.
На корточки якобы он присел,
Его дядя якобы чуть не съел,
Якобы чуть не подверг растерзанию!
Скажем иначе: подверг наказанию!
С каких это пор невозможно слегка
Отшлепать тупицу ученика,
Тупицу и лодыря, не желающего
Проникнуться смыслом внушений внушающего?
Как же тогда нам учить сорванцов,
Не в меру зарвавшихся наших юнцов?!

Теперь о вас, господин Вакерлос,
Нас утопивший в потоке слез!
Похитив чужое, бессовестно даже
Провозглашать себя жертвой кражи!
Male quaesitum, male perditum¹ —
С чего вы стали таким сердитым?
Вору поделом и мўка.
Видно, вам впрок не пошла наука.
Итак, мой дядя, как видите, чист,
Что установит любой юрист!
Так может ли угрожать расправа
Не просто поборнику — *рыцарю* права?!
С тех пор, как объявлен мир между нами,
Он только мирными занят делами,
Он только об одном печется,

¹ Латинская поговорка, соответствует русской «что посеешь, то и пожнешь».

Что ему, верить осмелюсь, зачтется.
Давно оставив прежние шутки,
Он постится, он ест раз в сутки,
Он себя изнуряет постом
И не виляет при этом хвостом.
Мяса не видел он больше года.
Что ему современная мода,
Когда он надел на себя власяницу?
Да! Он не ест ни рыбу, ни птицу.
М а л е п а р т у с — роскошный замок свой,
Старинный замок родовой,
Он променял на темную келью:
Вот вызов разнузданному веселью!
Часовню построить он обещал.
Он слаб, он бледен, он отощал.
Он, вопреки всем лжепоказаниям,
Отныне живет одним покаянием.
Но вы уж, пожалуйста, не взъщтите,
Когда его вынудят к самозащите!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как петух в великой скорби предстал перед королем, чтобы принести жалобу на Рейнеке-лиса и уличить его в ужасающих преступлениях

Жар этой речи еще не потух,
Как появился Г е н н и н г — петух,
Ведя за собой все свое потомство,
Познавшее дикое вероломство.

В зал королевский носилки внесли
С жертвой, которую не спасли.
Это была госпожа Крацфус — наседка,
Рейнеке-лису она — соседка.
Ах, все описать это — выше сил:
Ей Рейнеке голову откусил
(Причем недавно, прошлую ночью).
Пусть король увидит это воочью!
Плача, петух подошел к властителю:
«Счастье мое навсегда похитили!»
Два петуха стояли рядом
С опущенным книзу могильным взглядом.
Оба они обливались слезами,—
Король это видел своими глазами.
Первый был знаменитый Крейант
(Может быть, самый большой талант
Из существующих талантов
От юга Франции до Нидерландов —
В кукареканье). А второй —
Был Кантарий, певун и герой.
Оба держали зажженные факелы,
Оба, как сказано выше, плакали,
Оба родными братьями были
Крацфус, которую так любили.
Два других петуха, что носилки держали,
Тоже к близким родственникам принадлежали
И также с лицами похоронными
Зал оглашали плачем и стонами.

«Ваше величество, — начал петух,—
Все, что я думаю, выскажу вслух,
В глубокой надежде, что на виноватого
Тотчас обрушите тяжесть расплаты вы.
Неужто мне все это не приснилось?!
Зимнее время весной сменилось,
Цвели цветочки, росла трава,

Весна вступила в свои права.
И мне было радостно, не скрою,
Веселой вешнею порою
Средь дочерей и сыновей
Внимать, как свищет соловей.
Что деткам не покуролесить?
Сыночков было дважды десять,
А дочек было дважды семь.
Так жили мы семейством всем.
Мы жили, горести не зная.
Стена — двойная, крепостная
Надежно защищала нас
От злых гостей в недобрый час.
За монастырскую стеною
Я проживал с детьми, с женою,
Забывши горести и страхи,
Не обижали нас монахи.
Корм себе добывали мы сами.
Двор был охраняем псами:
Вернее, чем любой засов,
Шесть сильных, шесть большущих псов.
Рейнеке рыскал вдоль стен монастырских,
Но не ушел от псов богатырских.
Так ему потрепали шубу,
Что казалось: конец пришел душегубу.
Все же он, к сожалению, спасся,
А спасенный, терпением подзапасся.
Мнилось: исчез навсегда. Но на днях
Видим: бредет к нам какой-то монах.
Да уж не Рейнеке ль это часом
Подкормиться хочет куриным мясом?
Не он ли это, чертов предатель?!
«Чего тебе надобно? Эй, приятель!»
Но Рейнеке тут достает как раз
Подписанный вами монарший указ:

Мол, все враждующие звери и птицы
Должны немедленно мириться,
Мол, сим указом война запрещается,
А кто в чем виновен — вина прощается.
«Ну что ж, — говорю, — указ неплохой.
Но ты, — говорю, — кто такой?
С чего ты стал на себя непохожим?»
«Я, — говорит, — стал слугою божьим.
Забудьте, — говорит, — ваши прежние страхи,
Я, — говорит, — пошел в монахи,
Я, — говорит, — день и ночь молюсь,
Едва от усталости не валюсь,
Но все же молюсь, вопреки усталости,
Чтоб господь простил мне былые шалости.
Итак, — говорит, — живите с миром.
А я, — говорит, — расстался с миром.
Я, — говорит, — больше мяса не ем.
Я, — говорит, — стал другим совсем!»
Выразив отвращение к мясу,
Он дал мне пощупать нарамник, рясу,
А это, говорит, власяница —
Носить нелегко, да сподручней виниться.
А вот — свидетельство от настоятеля...
Спрашивается: мог устоять ли я?
Ах, я брата узрел в нем, в грабителе,
Поверил, что он обитает в обители.
«Ну, — говорит, — храни вас бог
От всяких напастей! А я — побег!
Мне надо прочесть еще «Сексту», «Нонну»
и «Веспер»¹ — все по Христову закону».
И, молитвы шепча, он побрел восвояси
Во власянице своей и рясе.

¹ Названия молитв.

Стал я в себя приходить понемногу:
«Ну, наконец-то! Ну, слава богу!
Теперь-то, выходит, дрожать нам нечего!»
Так меня убедила речь его.
К супруге, сидевшей на насесте,
Вбежал я с вестью о манифесте.
К детям, к родственникам, ко всем:
Покончено с войнами, мол, совсем!
А раз такие пошли перемены,
Покинуть пора монастырские стены,
Этот глухой монастырский двор;
Пора, говорю, выходить на простор!
Но только вышли мы за ворота,
Из-за ближайшего поворота
Выскочил Рейнеке — цап-царап! —
И не избег его страшных лап
Младший сынок мой, цыпленок возлюбленный,
Необычайным коварством загубленный!
Конечно, куриное мясо лакомо.
Все это так. Жить хотим, однако, мы!
Меж тем он хватает исподтишка
То цыпленка, то курочку, то петушка —
Кого-нибудь каждую ночь хватает.
Бедное наше семейство тает.
Что собаки? Что егеря?
Все старались помочь нам. Зря!
Осталось пятеро душ всего
От шумного выводка моего.
Как бы к святому отшельнику взывая,
Лежит здесь дочь моя неживая,
Моя любимейшая дочь,
Погибшая сегодня в ночь.
Собаки ее отбить не успели.
И хоть Рейнеке сам уцелел еле-еле,
Он, собравши остаток сил,
Как видите, голову ей откусил.

Как же это все зовется?!
Чье сердце гневом не отзовется?
Я призываю лиса к суду!
Я, ваше величество, мести жду».

ГЛАВА ПЯТАЯ

О том, как король держал совет со своими приближенными по поводу того, какому возмездию подвергнуть коварного Рейнеке-лиса, как бы предать его скорейшему суду, и также о том, как была похоронена мертвая наседка

«Ну, господин барсук, что скажете,
Как это все понимать прикажете,
Где же обещанное покаяние?
Вашего дядюшки нет окаяннее!» —
Вот что в гневе промолвил лев.
Страшен был королевский гнев.
«Если я проживу еще год —
Поборник согласия и свобод,
Я покончу с Рейнеке-лисом,
Отдам его на съедение крысам.
Обращаюсь к вам, дорогой мой петух,
Ваши слова поразили мой слух.
Ваша дочь была действительно редкою
Замечательнейшей, несравненной наседкою.
И мне поэтому искренне хочется
Воздать ей по чести последние почести,

И тем обессмертитъ всю вашу фамилию.
Достойно пропеть над покойной «Вигилию»¹
И столь же достойно земле предать!
И тот, кто осмелился так вас предать,
Проклят будь до скончанья лет!
Немедленно я созываю совет
Для самого скорого обсуждения
Мер строжайшего осуждения!»

И вот «Вигилия» грянула стройная
(Жаль, что не слышит ее покойная).
Было с «Placeto Domino»² начато
(Петь было трудно, ведь пели плача-то!).
Все подпевали: старый, малый.
Рассказывать слишком долго, пожалуй,
Кто лекцию, кто респонсории пел,—
Всего бы поведать я не успел.
Бренное тело земле предали,
Выбили надпись на пьедестале,
На красном, четырехгранном мраморе
(За этим мрамором ездили за море).
Мрамор подвергли шлифовке тщательной:
Словом, памятник был замечательный.
Надпись на нем: «Да почиет с миром
Загубленная Рейнеке-вампиром
Крауцфус — достойного Геннинга дочь.
Господь, страданья его умерь!
Ведь не было среди домашних птиц
В год приносивших столько яиц,
И ножкой скребла она бесподобно.
(Сказано, может быть, слишком подробно.)
Клянемся на этом скорбном месте:
Рейнеке не избегнет мести!»

¹ Название вечерней заупокойной молитвы.

² Угоден господу (лат).

Для обсуждения мер дальнейших
Король созывает совет умнейших.
Да, лиса надобно проучить,
Но как его, собственно, заполучить?
Кто явиться его заставит?
Кто к монарху его доставит?
Нужен опытнейший посол!
Медведь бы для этого подошел.
Б р а у н годится для этой миссии!
Его не обманут увертки лисьи!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*О том, как медведь
Браун был послан к
Рейнеке-лису с коро-
левским посланием, как
ему удалось разыскать
лиса и что он ему
сказал*

Браун говорит: «Все будет в порядке.
Мне знакомы его повадки.
Не посрамлю я медвежьей чести:
Ни с помощью хитрости, ни способом лести
Рейнеке-лис не уйдет от возмездия.
На это указывают созвездия,
И в этом я присягаю богу!»
Браун отправился в путь-дорогу
С душой, преисполненной твердости,
Его всего распирало от гордости.
Шел он пригорками, шел пустынею,

Шел, не поддаваясь унынию,
Бодро шагал королевский посланник
Туда, где скрывался его племянник —
Рейнеке-лис, воплощенье бесчестности,
Обитавший здесь, в этой горной местности,
В замке своем — Малепартус. Вот
Крепость, где Рейнеке-лис живет,
Где он прячется от суда,
Но суд, как мы видим, пришел и сюда.
Ворота наглухо заперты.
Медведь говорит: «Эй, Рейнеке! Ты?
Это я, твой дядя, к тебе пришел
Как королевский личный посол,
Посол по особым его поручениям,
Связанным лично с твоим приручением.
Король вызывает тебя на суд!
Скрыться хочешь? Напрасный труд.
Со мною советую не бороться,
А виновен ты, нет ли — суд разберется.
Откажешься от добровольной явки,
Можешь ждать от суда добавки:
Тогда тебе — колесо или дыба!
(Если повесят, скажешь «спасибо»».
Конечно, Рейнеке все это слышит,
Но притаился: лежит — не дышит.
Пока ему дыбой медведь угрожает,
Он притаился — соображает:
«Мол, погоди, королевский посланец,
Ты, мол, еще мне станцуешь танец!
Кто поумней будет: ты иль я?..»
И уходит он в глубь своего жилья,
В глухие, темные тайники,
В самые дальние уголки,
В самые темные дыры и щели,
Которые служат для страшной цели.
Малепартус был крепостью-лабиринтом.

Известно, что погиб не один там.
Дыры, щели, пещеры, норы,
Никем невидимые затворы!
Сколько зверей тут было удушено,
Сколько было съедено-скушано,
Сколько зарезано их, обессиленных,
В этих глубоких, глухих извилинах.
Сколько сюда забрело по-приятельски
И уничтожено было предательски!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О том, как Рейнеке с осторожностью предавался своим размышлениям, после чего вышел из укрытия, отпер ворота и дружелюбно приветствовал медведя Брауна

Слушая дядюшки Брауна слова,
Рейнеке-лис подумал сперва,
Что тот не один — со стражей явился,
Лис потому-то и притаился.
Но, поразмыслив затем как следует,
Понял, что дядюшка Браун беседует
С ним один. И что, кроме него,
Там, за воротами, нет никого.
Тогда он выбежал сам за ворота:
«Дядюшка Браун! Это вы? Ну то-то!
Я еще думаю: чей это бас?
Я в келье как раз молился сейчас,

Поэтому сразу открыть не мог.
Да простит меня милосердный бог!
Но что с вами, дядюшка, в самом деле?
Вы утомились? Как вы вспотели!
С каждой шерстинки капает пот!
Совести нет у иных господ!
Кто вас в столь трудный путь послал?
Ведь вы не просто простой вассал!
Не нахожу подходящих слов.
Что там, других не нашли послов,
Титулом меньше, летами моложе?
Что ж это делается, о боже!
Конечно, я вашему счастлив прибытию,
Как наисчастливейшему событию.
Из близких — вы ближе мне всех на земле,
Притом вы — советник при короле.
Надеюсь, вы в горе меня не оставите —
Целый век молиться заставите.
В наше время нужны благодетели.
Скверное время! Кругом лжесвидетели!
Дядюшка, я говорю, не юлю:
Я было сам хотел к королю
Завтра явиться. Уж было собрался,
Да вот какой-то дряни нажрался.
Брюхо набил негодной едой —
Чуть не кончилось дело бедой.
Вправду: не окочурился еле...»
«Племянник, что ж вы такое ели?»
«Ах, дядюшка, не в названье суть.
Меня за горло хватает жуть,
Как только вспомню об этой гадости,
Выдаваемой за подобие сладости.
Да, не для графов такая еда,
В рот бы ее не брал никогда.
Жаль, другая не по карману.
Нет, рассказывать дальше не стану,

Как меня довели до рвоты
Проклятые эти медовые соты.
С голоду все что угодно съешь,
Хочешь — не хочешь. Деньги-то где ж?
Избавь нас господь от подобной пищи!
Страсть, как худо, когда мы нищи!»
Дядюшка крутит башкой — не поймет:
«Что это?! Вам не по вкусу — мед?!
Блюдо это всех лакомств слаще,
Оно поистине животворяще.
Повторяю: это не просто блюдо,
Не блюдо просто, а просто чудо!
Если б смогли вы достать для меня
Этого меда, то, дружбу ценя,
Я бы вам кое в чем пригодился!»
«Ах! неужто я в сорочке родился?
Вы шутите! Иль говорите всерьез?»
«Какие там шутки? Что за вопрос!»
«Ну, если так, — заявляет рыжий, —
К делу пора перейти поближе.
Тогда, мой дядюшка дорогой,
Пойдет у нас разговор другой.
Я не останусь у вас в долгу,
Всем, чем способен помочь, — помогу,
Что надобно, сделаю вам в угоду.
Однако, дядя, вернемся к меду,
Столь вам любезному. Так вот:
Р ю с т е ф е й л ь-плотник здесь рядом живет,
И столько у этого плотника меду,
Что сроду не съест его целому роду.
Мед превосходнейший у него.
Вот бы вам навестить кого!»
Браун говорит: «Сослужите мне службу,
Дружбой отвечу я вам на дружбу,
Сведите меня поживей к нему,
К этому плотнику своему.

Только бы меду наестся досыта!
А остальное? Что за вопросы-то!..»
Рейнеке молвит: «Тогда — вперед!
Дело не терпит, и мед не ждет!
Надо скорей до него добраться,
А до этого кое-куда пробраться.
Правда, сегодня я нá ноги плох,
Но, пока не испущен последний мой вздох,
Вам, дядюшка, принадлежу я всецело
И готов немедленно взяться за дело.
Я очень на вас полагаюсь, дядя,
И умоляю вас, Христа ради,
Замолвите за меня хоть словцо
Как высокопоставленное лицо,
И тогда будет кончено с клеветниками,
С их препогаными языками.
Защитите честь мою и свободу!..
Дядюшка! Мы приближаемся к меду!»

Лис семенит знакомой тропой,
Браун за ним следует как слепой.
«Куда ты, — думает Рейнеке, — топаешь?
Думаешь, дурень, что мед весь слопаешь?
Думаешь меду нажраться даром?
Дудки! Тебя поведут по базарам,
По ярмаркам поведут на веревке.
Вот тебе и мед по дешевке!»
А вот и Рюстефейля дом.
«Смелее, дядюшка! Идем!»
У медведя от радости сердце поекивает,
От радости он языком причмокивает,—
Ужель ни о чем он не догадается?..
Эх, сколько ж еще дураков попадается!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, как Рейнеке привел медведя к тому месту, где он должен был отвезать меда, что кончилось для него в высшей степени скверно, а также о том, как лис обманным способом заставил медведя всунуть голову и лапы в расщелину дерева, а потом, разумеется, бросил его в беде

Поздний вечер меж тем настал.
Конечно, Рюстефейль уже спал.
Рейнеке тотчас учуял это,
Заметив, что в доме не видно света.
Рюстефейль был, как сказано, плотник,
Весьма замечательный был работник,
И не случайно, что кряж дубовый
Лежал во дворе, к разделке готовый.
Два клина в него уже загнаны были
(Прошу, чтоб вы этого не забыли,
А также того, что в поваленном дубе
Зияла трещина в верхнем разрубе).
«Видите, дядюшка, это бревно?
Там, в расщелине, меду полно.
Морду просуньте туда, и окажется
Меду гораздо больше, чем кажется.
Душу отменным медком потешьте!
Только, пожалуйста, не переешьте.
Многие наши земные страдания
Сейчас происходят от переедания».

Браун ответил: «Что ты, что ты!
Объедаться нет у меня охоты.
Во всем нужна, понимаешь, мера!»
Ах, глупость слепа! Ах, наивна вера!
Медведь, как было ему и велено,
По уши морду просунул в расщелину,
Передние лапы сунул туда же,
Козней ничьих не предчувствуя даже.
Ну, а племянничек тут без унынья
Выдернул вдруг из расщелины клинья,
Выбил без всякого опасения,
Зная, что Брауну не будет спасения!
Зажатый в тиски, он ревет, он воеет,
Задними лапами землю роет,
Такой он поднял шум и вой,
Зажатый в расщелине с головой,
Что разбудил Рюстефейля-плотника,
Весьма замечательного работника,
Который выбежал с топором
На случай, коль кто-то пришел не с добром.
А Браун разнесчастный все воеет от боли,
В неволю попав против собственной воли.
Крепко держит медведя колода:
Вот он какого отведал меда!
Рейнеке видит бегущего плотника,
Дяде кричит: «Ну! Поели вы плотненько?
Знаю, вы насчет меда — мастак.
Но все же не наедайтесь так!
Я вижу, спешит к вам Рюстефейль-плотник,
Он гостей привечать охотник,
Сейчас он подбавит вам угощения.
А я удаляюсь. Прошу прощения!»
И он отправился в замок свой —
В Малепартус, замок свой родовой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*О том, как пойманный
Браун был избит кре-
стьянами, как он нако-
неу спасся от них и
бросился в воду*

Вот плотник Рюстефейль прибегает
К месту, где «дядюшка» изнемогает:
Подобное диво не каждый день
Видят и жители деревень:
Чтобы медведь сам попался в ловушку!
В ближайшую плотник бежит пивнушку,
Где, несмотря на столь поздний час,
Свет в окошке еще не гас,
В пивной засиделись дружки-приятели.
Рюстефейль крикнул: «Да вы что: спятили?!
Как можете вы в кабаке сидеть,
Когда у меня во дворе — медведь?!»
Тут всех как будто волной подхватило:
Кто грабли берет, кто хватает вилы,
Кто — мотыгу, кто — топор,
Кто на дреколье ломает забор,
Поп и оба церковных служки
Избрали оружием церковные кружки,
Даже кухарка священника — Ю т т а,
Здесь оказавшаяся почему-то,
Добрая Ютта, в округе нашей
Прославившаяся своею кашей,
Ютта и та спешила вразвалку,
Бежала, свою захвативши прилку,

Чтобы на Брауна ее обрушить,
Прялкой несчастного оглушить!..
Браун помертвел весь: «Ну, мне — каюк!
Сейчас меня по затылку — тюк!»
Но все же рванулся и вытащил голову:
Жалкое зрелище черепа голого!
На ушах, на морде — ни шерсти, ни кожи.
Это что же, господи боже!
Кровь по ушам его так и хлещет,
Сердце медвежье от страха трепещет.
Как же он поступил рискованно!
А передние лапы все еще скованы.
Он вырваться пробует, надрывается
И все же в конце концов вырывается.
Когти и кожа с медвежьих лап
Остались в колоде. Медведь ослаб.
Он ни бежать, ни ходить не может,
И никто не выручит, не поможет.
Живым ему не уйти отсюда.
Ах ты, Рейнеке! Ах, иуда!
Горьким сей оказался медок.
Умный такого медка не едок!

Но вот и Рюстефейль и компания.
Что будет, представить можно заранее.
Сейчас начнут его колотить,
Цепами, дубинами молотить.
Рюстефейль первым — хлоп его в лоб!
Жердью огрел по затылку поп.
Бьют мотыгами, бьют цепами,
Кузнец кувалдой бьет и щипцами,
Колья тычут медведю в нос.
Прохватил господина Брауна понос.
Бьют его старики и старушки,
Лупят детишки его по макушке,

Сильный бьет его и убогий,
Лупит Шлоппе его кривоногий,
Дудольф носатый чрезмерно лют.
В общем, медведя, как зайца, бьют!
Бьет его Герольд цепом деревянным,
Бьет вместе с зятем своим окаянном —
С Кюкельрейном-толстяком,
Который камни дробит кулаком.
Госпожа Квак и служанка Ютта,
Госпожа Тальке настроены люто,—
Лупят лоханками по спине,
Каждая просит: «Позвольте и мне!»
Весь в крови на медведе мех.
Бабы свирепствуют больше всех.
Но, пожалуй, Кюкельрейн был коноводом,
Он был, говорят, всех знатнее родом:
Госпожа Виллигтраут — его мать,
А отца затрудняемся назвать.
Правда, шел по деревне слушок упорный,
Что папаша его — это Зандер черный,
Пахарь, который пахать не дурак.
Но утверждать невозможно, что все это так.
Мало ль что выдумать хотят?
А в Брауна пока что камни летят,
Лупят его мужчины и бабы —
Сжалился, ну, пусть один хотя бы!
Плотника брат прибежал последним
(Он в селе проживал соседнем),—
Сзади как трахнет медведя дубьем!
«Эй, навались! Ну, теперь — добьем!»
И все же Браун, несмотря на дубье,
Ринулся в бешенстве на бабье.
Бабы начали тут спасаться —
Прямо в холодную реку бросаться.
Заметить пользительно, что река
Была относительно глубока.

Первым спохватился поп,
Как если б случился всемирный потоп:
«Спасите мою служанку Ютту!
Она потонет через минуту!
Прыгнула в воду она впопыхах
В теплом салопе и в серых носках!
Ставлю две бочки пива спасителю
И помолюсь за него Спасителю!»
Как мужичью тут не прыгнуть в воду?
Браун, полумертвый, обрел свободу,
Пока из глубины реки
Баб выуживали мужики,
Считая, что Браун все равно подохнет
Раньше, чем Юттин салоп подсохнет.

Но медведь пока что еще не подох,
Полуослеп он и полуоглох.
При такой исключительно тяжелой доле
Жить ему не хочется доле,
И решает Браун в реке утопиться
(А еще говорили, что он тупица).
Мужики забьют его все одно,
Лучше уж камнем пойти на дно,
И он в глубокую реку бросается,
Чем от ужасной смерти спасается.
Плавать медведь не умел... Но вот,
Смотрите, пожалуйста, — он плывет!
Вниз несет его по течению,
К всеобщему крайнему огорчению.

И говорят тогда мужики:
«Какие ж, однако, мы дураки!
Как же мы бурого не доконали?
А все из-за баб наших! Вот каналы!

Чего было сдуру плюхаться в воду?»
Затем они осмотрели колоду,
И обнаружили мужички
Кожу медвежью и шерсти клочки.
И они загорланили: «Ах ты вор!
Сунься-ка снова себе на позор!
Забыл ты здесь уши свои и перчатки.
Приди за ними, все будет в порядке!..»

А медведь тем временем все плывет,
Все дальше плывет он и всех клянет.
Клянет человеческую породу
И клянет злосчастную ту колоду,
Которая так его предала.
Он горюет, что в грязные влез дела,
Связавшись с мошенником Рейнеке-лисом,
Из-за чего и остался лысым,
Изведав неслыханные мучения.
Но все дальше уносит его течение.
Версты четыре проплыл он было,
Пока его к берегу не прибило.
Кряхтя, он вылез на бережок:
Тут — лесочек, там — лужок.
«Что это за страна такая?» —
Подумал бедный медведь, икая.
Все ему было не по нутру.
И он подумал: «Сейчас помру».
И он снова подумал: «Проклятый лис!
В преисподнюю, чудище, провались!»
И еще он подумал про мужиков,
Не жалевших ни палок, ни кулаков.
Как же его отдубасили крепко!
Да и колода держала цепко.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О том, как Рейнеке
нашел избитого медве-
дя лежащим на берегу
реки, как он стал по-
тешаться над ним, и о
том, как Браун молча
удалился

Считая, что дядя «накормлен медом»,
Весьма довольный этим исходом,
Рейнеке-лис решил отобедать,
Курочки свежей решил отведать.
Он знал, где ходят курочки-дурочки,
И — цап! — к одной подобрался курочке.
Бежит вдоль реки с захваченной курицей,
Бежит бережком и от солнца щурится.
Сделал короткую он остановку:
Курочке отхватил головку,
Оттяпал головку одним укусом
И, можно сказать, пообедал со вкусом.
Однако надо бы поторопиться,
Но прежде надо воды напиться,
Речной водицей запить обед...
Ах, дел-то полно! А времени — нет!
Бежит и думает: «Я — молодчина!
Попался все же медведь-скотина,
Залез-таки к Рюстефейлю во двор,
А у Рюстефейля остер топор!
Ах, Браун! Я величал его «дядя»,
В его поганые очи глядя,
Говорил, что ценю его дружбу, да,
Но другом он не был мне никогда.
Не другом он был мне, а врагом,

Сутяжничал, угрожал судом.
Теперь небось уже сдох в колоде,
А я разгуливаю на свободе.
Всю жизнь — то с жалобой, то с доносом,
А кончил, сутяга, медвежьим поносом.
Теперь-то уж больше не донесет!..» —
Вот что Рейнеке-лис несет.

И вдруг он видит: там, на песке,
Браун лежит и воет в тоске.
Такой протяжный, жалобный вой.
Стало быть, дядюшка-то — живой!
«Какой же ты, Рюстефейль, никудака!
Да это же, честное слово, дико:
Подобное лакомство упустить!
Нет! Этого я не могу простить!
Ведь благороднейшие особы
Медвежье мясо ценят особо,
Об этом жирном, изысканном блюде
Смеют мечтать лишь богатые люди,
А ты это все упустил, дурак,
Ты отпустил его не за так,
Даром стараться меня заставил...
И все ж, я смотрю, он залог оставил!»

Воспрянул тут лис, вначале подавленный,
Узрев, что медведь-то весь окровавленный:
Кровь струится из головы.
«А! Здравствуйте, дядюшка! Это — вы?!
Что вы делали? Где были?
Где вы свои перчатки забыли?
А это что за красный берет
У вас на макушке? Прекрасный цвет!
Может быть, вы стали аббатом?
Сжальтесь тогда над заблудшим братом!
А где же ваш изумительный чуб?

Срезал цирюльник небось, душегуб?
О господи! Пощади наши души!
Срезать чуб и порезать уши!
Смотрите, кровь из ушей течет!
Ну, как вам, по вкусу ль пришелся мед?
Вы Рюстефейлю дорого ли заплатили
Или бесплатно вас угостили?..»

Браун молчал, онемев от боли
(Злодей-то на раны посыпал соли!),
Да как отомстить? Ответить чем еще
В состоянии крайней, плачевнейшей немощи?
Медведь понимает, что делать нечего,
Но чтоб хоть не слушать гнуснейшую речь его,
В ужасных муках к реке спускается,
Снова в самую глубь бросается,
И опять плывет он вниз, по течению,
Предаваясь невыносимому огорчению.
Проплыв немного (всё — ближе к дому),
По берегу вновь поднялся крутому,
И тут же на землю прилег,
Прилег потому, что ходить не мог,
И захрипел, на лужайке лежа:
«К себе прибери меня, господи боже!
Вот лежу я на берегу:
Подняться не в силах, ходить не могу.
Но если мне суждено подняться,
То для того лишь, смею признаться,
Чтоб поскорее двора достичь
И там отчаянный бросить клич,
Зовущий к немедленному отмщению
Тому, кто по дьявольскому наущению,
Одержимый коварством, алчностью, злом,
Глумился над королевским послом!
И хоть нет наказания для этой твари,
Предайте Рейнеке страшной каре!

Он архипредатель и архиплут,
И пусть приговор ему будет крут!
И медведь поднялся, рыча и воя,
Мотая израненной головою.
Его страдания были жутки.
Он добрал до дворца на четвертые сутки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*О том, как медведь
Браун в плачевнейшем
виде пришел ко двору
и обвинил Рейнеке*

Король, несчастного Брауна завидя,
Громко воскликнул: «В каком вы виде?!»
Браун отвечивал: «Государь!
Что со мной сделала эта тварь!
Я предан, я опозорен им.
А сам он по-прежнему жив-невредим...»
Король мгновенно поднялся с места:
«Мечь нарушителю манифеста!
Как?! Оскорбить такого вельможу!
Нет! Я его все-таки потревожу.
Господа, клянусь вам своей короной:
Лис не уйдет от расплаты законной.
Найдется работа для палача,
Иль пусть мне вовек не носить меча!
Для выработки наисрочнейших мер,
Чтоб обезврежен был изувер,
Подлейший из мирских захребетников,
Созвать немедля моих советников!

Явиться всем, молодым и старым,
Мы время тратить не смеем даром!
Нового к лису направить посла,
Чья многоопытность нас бы спасла!
Сей труд мы на Гинце-кота возложим.
Мы Рейнеке доле терпеть не можем!»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*О том, как кот Гинце
был направлен послом
к Рейнеке с приказом
доставить его на дру-
гой день ко двору, и
о том, как кот Гинце
отправился в путь*

Выслушав это, совет решил,
Чтоб Гинце за Рейнеке поспешил,
И король, согласясь со своим советом,
Гинце-коту объявил об этом:
«Для свершенья над ним суда
Рейнеке должен прибыть сюда.
Вы Рейнеке лично об этом объявите,
А затем его лично ко мне доставите.
Если же он осмелится нас
Нагло морочить и в этот раз,
То, скажите, пощады ему не будет,
Король-де на страшную казнь осудит
Его самого и весь его род.
Так и скажите: с земли сотрет!..
И пусть он немедля идет за вами,
А то мы сыты его словами!»

Гинце молвит: «Все это так,
Да и ваш высочайший приказ — не пустяк.
Но я никак не гожусь для этого!
Мне ли злодея словить отпетого?
Что негодяю какой-то кот,
Если почтенный медведь, и тот
С ним, разбойником наглым, не справился —
Чуть к прародителям не отправился.
Я, к сожалению, слишком мал».
На это великий король сказал,
И повторить это важно весьма:
«Дело не в росте, а в силе ума.
Иной, несмотря на высокий рост,
С неба никак не хватает звезд,
Ну, а другой, при росточке малом,
Рождается гением небывалым.
Да! Кот — не медведь! И тем не менее
У вас есть опыт, сметка, умение!»
«Государь! Да исполнится ваше слово!
Ежели нет никого другого,—
Ответил кот,— я готов идти!
И ежели на моем пути
Первый встречный мне встретится справа,
То Рейнеке-лиса постигнет расправа!»

Идет он и видит: в небе кружится
Св. Мартина благая птица.
«Эй,— кричит ей снизу кот,—
Сделай, пожалуйста, поворот,
Спускайся вниз, ведь не трудно, право,
И сядь от меня, пожалуйста, справа!»
Но св. Мартина благая птица
На землю слева от Гинце садится,
И Гинце, хотя он умен и учен,
До невозможности удручен.
А как же — сами судите — иначе?

Примета подобная — к неудаче.
Но, действуя по житейской науке,
Кот взял себя, как говорится, в руки
И пошел в Малепартус путем нам знакомым.
Рейнеке встретил он перед домом
И говорит, вступив на порог:
«Добрый вечер, храни вас бог!
На суд вас зовет королевский совет.
Извольте собраться, выбора нет.
Не может быть ваше прибытие отложено,—
Иначе вы будете уничтожены
Купно со всем своим лисьим родом!—
Так молвил король пред моим уходом!»

Ответил Рейнеке: «Ваше прибытие
Для меня — счастливейшее событие!
Очень прошу: заходите в дом!
Ну, а делами займемся потом.
Ах, Гинце, племянничек мой дорогой...»
(Про себя напевал он мотив другой:
«Умен ты, племянничек, я не спорю,
Но я похитрей, я тебя опозорю.
Я тебя к твоему стыду,
Дорогой племянничек, проведу».)
И он говорит: «Для начала нужен
Вам какой-нибудь легкий ужин.
Прошу вас подкрепиться чуть-чуть.
Мы на рассвете отправимся в путь.
Знаете, дорогой мой кот,
Браун этот был — настоящий скот.
Прислушаться только к речам его бранным!
Да чтоб я пошел за таким грубияном?!
За тысячу марок и то не пойду!
Так и ответить готов суду.
Вот с вами, конечно,— иное дело.
Гинце, могу вам признаться смело,

Не страшась обвинений в лести облыжных:
Из всех моих родичей — дальних, ближних,—
Вы мне, Гинце, дороже всех.
Честное слово... Да что там!.. Эх...
Однако давно пора подкрепиться!»
«Не лучше ли сразу нам в путь пуститься,—
Говорит слегка озадаченный кот,—
К утру и дойдем без всяких хлопот.
Дорога сухая. Луна светит ясно...»
«Что вы! Ночью ходить опасно!
Мало ль кто встретится на пути?
Чего бы утром нам не пойти?
Приятней шагать, когда солнце светит.
А если нас кто по дороге встретит,
То моментально отдаст вам честь!..»
«Скажите: так что ж у вас есть поесть?»
«Трудный вопрос,— говорит пройдоха,—
Сейчас везде с пропитаньем плохо.
Но для вас я принес, дорогой мой кот,
Несколько свежих медовых сот.
Смотришь, отведал — и сердце радо!»
«Спасибо. Этого мне не надо.
Я, для того чтоб набраться сил,
Охотно мышью бы закусил».
«Как?! Вы неужто мышей едите?!
Меня вы в этом не убедите!
Разве мыши для вас — еда?!
Ну, их-то можно достать без труда.
Есть тут поблизости поп, мой сосед,
Так ему от мышей этих спасу нет.
Они завладели его амбаром.
Он их любому отдаст задаром.
Я лично слышал, как он вопил:
«Кто бы их, господи, переловил!»
Гинце молвит: «Ну что ж, тогда
Скорей проводите меня туда.

О жирной мыши, признаться, мечтаю.
Мышей я дичи предпочитаю».

И вот дошли они до амбара.
Конечно, Гинце не ждал удара,
Хотя за глиняной стенкой амбарной
Случай вчера случился кошмарный.
Да... Прошлою ночью жертвой мошенника
Стал любимый петух священника:
Рейнеке в стенке проделал лазейку
И мигом — хватъ — петуха за шейку.
Тогда священника младший сын
(Тот, который звался М а р т ы н)
Решил изготовить для гостя силок:
«Еще раз, мол, приходи, милоч!
Пожалуй к тебе прорытому лазу,
Ты в мой силок попадешься сразу!»
Лису это стало известным.
Поэтому он и почел уместным
Сюда племянничка привести,
Таким его способом провести.

Лис, преисполненный жадной мести,
Шепчет коту: «Ну, смелее лезьте!
Ночь кругом. Какой тут риск?
Слышите? Это — мышинный писк!
Это мыши пищат и скребутся,
Вас они, видимо, ждут не дождутся.
Сгребайте их в кучу, пока есть время.
Не бойтесь! Я стану у входа на стреме.
Поешьте и тотчас назад — ко мне!
Отправимся прямо к моей жене.
Дóма еще чуток подзаправимся,
А утром, ранехонько, в путь отправимся».
Гинце ему говорит в ответ:
«По-вашему, значит, опасности нет.

А может быть, все-таки лезть не стоит?
Меня все же кое-что беспокоит.
Священники очень коварны порой...»
«Ну, Гинце, я вижу, вы не герой!
Что ж. Не хотите — пошли обратно.
Моей супруге будет приятно
Такого знатного гостя встретить
От чистого сердца, хоть смею заметить:
Особого нет у нас угощения.
Мышей не будет. Прошу прощения!»
Кот Гинце, вспыхнув от этих слов,
Нырнул в лазейку и — был таков!
Конечно, он тут же в капкан угодил,—
Так ему Рейнеке угодил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*О том, как кот Гинце
был подло предан Рей-
неке-лисом, и о том,
как Рейнеке-лис посе-
тил волчицу Гирмунду*

И вот, петлею нещадно стянутый,
Соображает Гинце обманутый,
В какое он страшное дело влип,
Он понимает, что — погиб,
И рванулся он вне себя от испуга
Из петли, затянутой крайне туго,
Но получилось только хуже:
Петля затянулась еще туже.
Сейчас погибнет он от удушья.
Вот она плата за благодушье!

«Ну, как там мыши? Вкусны ли? Жирны ли?
Эй, Гинце! Чего это вы приуныли? —
Снаружи кричит ему Рейнеке-лис.—
Да вы, я вижу, обожрались!
Жаль, что Мартын со своим папашей
Спит и не знает о трапезе вашей.
Они бы подали вам горчицы!..
Только не следует горячиться,
Ну, а тем более — петь за столом,
Будучи королевским посланцем.
Эх, если бы господин Изегрим,
Известный шкурничеством своим,
Мог оказаться в таком же капкане,
Я был бы счастлив,— скажу вам заранее.
Уж больно много он сделал мне зла.
Да вам-то известны его дела».

Сказав это, Рейнеке-лис удалился.
Своей он проделкой весьма гордился.
Он был не только вор-лиходей,
Но также предатель и прелюбодей.
И захотел он в ту же секунду
Проведать госпожу Гирмунду,
Известную всем супругу волка,
По соображеньям двойного толка.
Хотел он выведать у волчицы,
С чем волк решил на него ополчиться,
Что именно королю донес,
То есть, что содержит его донос.
Вторая цель была иная:
В нем снова похоть разыграла дурная.
Он знал, что волк сейчас при дворе.
Так что ж не предаться любовной игре?
(Почему это волку так лис ненавистен?)
Одна из самых великих истин:
Муж не будет с тобой хорош,

Когда ты, бесстыдник, к жене его льнешь.
А у волка были все основания
Ненавидеть лиса до беснования...)
Итак, к волчице лис приходит,
Только дома ее не находит,
Вышла куда-то она сейчас
И вернется не раньше, чем через час.
Так лису ответствовали волчата:
Волчата — мальчики и девочки.
И лис говорит неповинным детям
(Детям! — мы это особо отметим):
«Добрый вечер, выблядки, с вами бог!»
(Кто произнести бы такое смог?!)
И ушел... Вы думаете, куда же?—
К очередной приступил он краже.
И когда госпожа Гирмунда пришла,
То детей своих в крайнем смущенье нашла:
«Дядя Рейнеке к нам приходил с визитом,
Он показался нам очень сердитым,
У него был такой угрюмый вид:
Все вы, мол, выблядки,— говорит».
Госпожа Гирмунда тогда сказала:
«Убить его, нечестивца, мало!»
Она кипела от возмущения
И алкала немедленного отомщения.
Ей ведомо было, где лис находится,
Где и за кем он здесь охотится,
Она к нему побежала тотчас.
«Итак, вы, Рейнеке, были у нас?
Что вы при детях сказать посмели?!
И вы после этого не онемели?!»
Страшен был материнский гнев.
Лис ее слушал, оторопев.
Она за бороду лиса схватила.
Откуда у женщин берется сила?..
Вырвавшись, лис попытался скрыться,

Но волчица только сильнее ярится.
Бросилась сразу в погоню за ним:
«Сейчас мы с тобою поговорим!»
(Неужто бывшие забыты шашни?)
Они добежали до старой башни
(Башня — не башня, скорей — развалина
Стояла, временем чуть не развалена).
Лис подумал: «Ну, крышка мне!»
Вдруг видит он щель в крепостной стене.
Юркнул туда, протиснувшись еле.
Волчица — за ним, к той самой щели.
И хоть была она дородная дама,
В щель попыталась пролезть упрямо,—
Знать, рассудок от ярости потеряла:
Сунула голову и — застряла!
Теперь она — ни назад ни вперед —
Только голову обдерет.
Рейнеке-лис, на все это глядя,
Окольным путем подбежал к ней сзади,
Подкрался к ней сзади и — дело с концом!
Ну, что с ним поделаешь, с наглецом?
И он говорит ей: «Чему бывать,
Того, как видите, не миновать!..»

Да не будет поставлено лису в заслугу,
Что, жалея собственную супругу,
Он утруждает чужую жену!
Мы и это поставим ему в вину!
Волчица бедная еле-еле
Выбралась из проклятой щели.
А Рейнеке-лиса простыл и след.
Ему, распутнику, дела нет
До той, что хотела честь отстоять
И потеряла ее опять.
Теперь, оставив лиса-мошенника,
Вспомним Гинце — несчастного пленника.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*О том, как попавший в
капкан Гинце был из-
бит и опозорен, и о
том, как ему все же
удалось вырваться*

Веревку почувствовав, Гинце-кот
В предсмертном страхе орет во весь рот.
Мартына крик этот разбудил
(Того, кто ловушку соорудил).
С постели вскакивает Мартын:
«Ага! Попался мне, чертов сын!
Запомнишь, как воровать курей!
Надо в амбар бежать скорей!»
Поспешно он зажигает свет.
Все спят. Еще не настал рассвет.
В ночной темноте еще спит весь дом,
И все село еще спит кругом.
Тогда он будит отца и мать:
«Смотрите, кого удалось поймать!
Попался, попался разбойник-лис!»
Отец, мать, прислуга — все поднялись.
«Слышите? Это он орет там!
Давайте встретим его с почетом.
Теперь ему, извергу, несдобровать.
Это ему не курей воровать!..»

Побежали к амбару и стар и мал,
В подряснике легком сам поп бежал,
Большими граблями вооруженный.
Бежала кухарка со свечкой зажженной.
Мартын тащил здоровенный кол.
(Вот, мол, уж будет укол так укол!
Не увильнешь от заслуженной кары!)

Посыпались на кота удары.
Бьют по спине, по шее бьют,
Бьют — очухаться не дают.
Бьют и не дают объясниться
(Такое лишь может во сне присниться).
Дошло до того, что глаз ему выбили.
Гинце, на волоске от гибели,
С отчаянья все ж поднапрячься смог
И — прыгнул, попу угодив между ног,
Своею изрядно когтистой лапою
Причинное место попу царапая.
Он, собравши последний остаток сил,
В невысказанной ярости откусил
То, что имеется у мужчины.
Но для отчаянья нет причины:
Пропало не все — так, примерно, треть.
Все остальное осталось висеть.
Завопил, завизжал, забился поп
И в безмерных мучениях наземь — хлоп!
Бедняжка-кухарка забила в плаче:
«Это подстроил сам черт, не иначе!»
И она в исступлении что-то орала,
Мол, что поп потерял и она потеряла,
Что она все пожитки отдать готова,
Чтоб все на месте висело снова,
Что она бы ради такого дела
Никакого бы золота не пожалела,
Но штука, по коей она убивалась,
В амбаре на грязном полу валялась,
А священника уложили в кровать,
Продолжая плакать и горевать
Потому, что священнику было плохо...
Но среди всеобщего переполоха
Все забыли о Гинце... А он — толков!
Перегрыз веревку и — был таков,
Хотя упомянуть бы стоило,

Каких ему это усилий стоило,
И отметить надо без преувеличения,
Что он вынес неслыханные мучения
И, как было сказано, в полном отчаянье
Начал грызть веревку еще отчаяннее.
И он побежал в королевский дворец,
Себя проклиная: «О, я глупец!
Провел меня таки, бесстыжая bestия!
Поддался-таки посулам и лести я!
Как же сам в петлю полез я, балбес?
Как же меня так попутал бес?
Возвращаюсь истерзанным, одноглазым,
С невыполненным королевским приказом...»
Король, горемычного Гинца узрев,
Впал в ни с чем не сравнимый гнев.
Он тотчас созвал королевский совет:
«Что следует делать? Найдите ответ!
Терпеть подобные надругательства!
Действовать надобно без отлагательства!»

Тут градом посыпались обвинения,
Долго не прекращались прения.
Но слово Г р и м б а р т берет, барсук:
«Нам спорить воистину недосуг!
Мы требуем действенной обороны!
И все же мы, господа бароны,
Помнить должны, что и он — барон,
И строжайше должны соблюдать закон,
Не подстрекая к слепой расправе,
А заботясь — о чем? О дворянском праве!
Как осудить его без суда?
Это немислимо, господа!
Вы не подумайте, бога ради,
Что я лазейку ищу для дяди.
Надо попробовать в третий раз
Вручить ему королевский приказ,

Немедленной явки его добиться,
Дабы в чем-либо не ошибиться.
Буде же он опять не придет,
То пусть снисхожденья тогда не ждет.
Суд тогда соберется срочно,
И будет он осужден заочно!..»
Король говорит: «А вам не кажется,
Что больше никто пойти не отважится?
Кому, позвольте спросить у вас,
Жизнь надоела иль собственный глаз?
Рискуя здоровьем, достоинством — всем,
Идти, чтобы вернуться ни с чем?
Я смельчака не знаю такого
И не вижу выхода никакого —
Как Рейнеке-лиса призвать к суду?»
«Если позволите, я пойду,—
Сказал барсук.— Хоть тайно, хоть явно,
Берусь ваш приказ исполнить исправно.
Рейнеке я не страшусь ничуть!..»
«Ну, если так, то сейчас же в путь!
И все же действуйте осторожно —
От лиса всего ожидать возможно».
Гримбарт сказал: «Итак, я иду!
Рейнеке будет доставлен суду!»

И он туда, в Малепартус, пошел
И дядюшку Рейнеке там нашел,
И его жену там застал, и детей,
И так сказал, без лишних затей:
«Здравствуйте, мой любезный дядя!
Объясните мне, бога ради,
Почему, обладая таким умом,
Вы предстать не хотите перед судом?
Вы не просто юлите и извиваетесь,
А вы просто над королем издеваетесь,
И это случается всякий раз,

Когда вам вручают его приказ.
Неужто вы лишились рассудка?
Дело серьезное! Это — не шутка!
Идемте сейчас же со мной во дворец.
Запомните: иначе вам конец!
Знайте: четвертого раза не будет!
Заочно вас высший совет осудит.
Не явитесь — вам ничто не поможет.
Король вашу крепость войсками обложит
И Малепартус с земли сотрет,
Уничтожив и вас, и весь ваш род,
И, в первую голову, ваше семейство
За вами содеянное злодейство!
Так не умней ли явиться в суд
(Вас проводить не сочту за труд)
И разбить все доводы обвинения?
Вы это сделаете в полмгновения.
Господи! Да о чем говорить?
Чтоб вы не смогли их перехитрить?!
Как только перед судом предстанете,
Всех проведете и всех обманете.
Ведь вы обмишуривали и не таких.
А этих?! Вы только взгляните на них!
Чем кончится дело, известно заранее:
Вас ждет безусловное оправдание!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

*О том, что ответил
Рейнеке барсуку, кото-
рый уговаривал его
явиться ко двору и
предстать перед судом*

На это Рейнеке-лис в ответ:
«Вы правы. Другого выхода нет.

Пожалуй, действительно я пойду
И на этот раз покажусь суду.
Что мне все эти судьи глупые?
Надеюсь, слабиночку в них нащупаю.
И знаю твердо: меня ценя,
Великий король оправдает меня!
Не оттого, что со мной он дружен,
А оттого, что ему я нужен.
Я исключительно нужен двору.
Поэтому многим и не по нутру.
И пусть государь поначалу оскалится,—
Без меня королевство его развалится.
Мне стоит ему лишь взглянуть в глаза,
Как моментально стихнет гроза.
Ведь многие входят в его совет,
Но какой получишь от них совет?
Что делать с их маленьким, жалким умишком?
Умны-то — умны, да только не слишком.
Все бы графы и короли
Такого Рейнеке завели!
Имей даже самые острые зубы,
Ум и хитрость важны сугубо!
Сугубо нужны в щекотливых делах!
Сила — отнюдь не в одних зубах.
Оттого-то я ненавистен зубастым,
Что являюсь их полнейшим контрастом.
Они меня готовы сожрать,
Готовы шкуру с меня содрать,
И хотя я тоже порой кусаюсь,
Тех, кто зубастей меня, опасаясь.
Бывает, что хитрость и ум не спасут.
Потому-то я не спешил на суд.
Но теперь, очевидно, идти придется,
Другого способа не найдется.
Надо — поскольку кругом теснят —

Спасать лисицу и лисенят.
О, что же с ней будет, с семьей моею?
Нет, нет! Возражать королю не смею:
Король могущественней меня!
Озлится — не даст мне прожить и дня.
Оставив грызню непристойно мелкую,
Закончим наш спор достойною сделкою».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*О том, как Рейнеке
прощался со своей же-
ной и вместе с барсу-
ком пошел ко двору и
как он по пути испове-
довался*

И Рейнеке молвил: «О, Эрмелина,
Моя дражайшая половина!
Услышьте мою прощальную речь:
Я вас заклинаю детей беречь
Потому, что на всем этом божьем свете
Самое главное — это дети.
Малютка Рейнхарт у нас — меньшей.
Его обожаю я всей душой.
У него такие чудесные зубки,
У него такие сочные губки,
Малыш умилительно так поет,
Что сразу видно: в меня пойдет!
А Россель — маленький наш парнишка!
Ведь тоже: какой смышленный воришка!
Обоих я истинно боготворю.
Поэтому именно и говорю:
Берегите детей как зеницу ока!

Судьба коварна, а жизнь жестока.
Но если я все же отбиться смогу,
Перед вами я не останусь в долгу».

Они прошли не так уж и много,
Как Рейнеке молвит: «Ах, ради бога,
Послушайте, Гримбарт, что я вам скажу.
От страха я, Гримбарт, с ума схожу.
Я весь дрожу от смертельного страха.
Нет! Меня пугает не плаха,
А то, что без исповеди умру
И тяжких грехов своих не сотру.
Буду оправдан я иль наказан,
Я исповедоваться обязан
Прежде, чем грешный покинуть свет.
Я знаю: священника рядом нет,
Так вас умоляю меня исповедовать!
Я дальше не в силах за вами следовать!»
Гримбарт ответил: «Ну что ж, говорите,
Клянитесь, что в будущем не сотворите
Ни разу — ни грязных, ни мокрых дел
И что станете жить, как господь велел!
Что ни о предательстве, ни о покраже
Не посмеете впредь и помыслить даже!»
Рейнеке молвит: «Знаю, знаю.
Приступим, пожалуйста. Начинаю.
Confiteor tibi ¹, о мать и отец!
Я вор, убийца, злодей и подлец.
У меня, безусловно, душа не чиста.
Я выдру обидел, подвел кота.
И в этом свое приношу покаяние,
Кару готовый принять заранее».

¹ Исповедуюсь тебе (лат.).

Гримбарт молвит не без уныния:
«Признаюсь, совсем не знаю латыни я
И, что вы там шепчете, не пойму,
Перейти на немецкий прошу посему».
Рейнеке молвит: «Клянусь всемогущим,
Что всем зверям, на земле живущим,
Принес я великое множество бед,
И, видимо, мне оправданья нет.
Из-за кого медведь пострадал жестоко
В колоде, затем в глубине потока?
А Гинце, несчастный, из-за кого
Лишился глаза (пусть одного)?
Из-за кого он в силке задыхался
(О, как я жестоко над ним насмеялся!),
Кто ему этот устроил ад?
Должен покаяться: я — виноват!..»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О том, как Рейнеке продолжал свою исповедь, повествуя о страшных своих грехах, особенно о том, как он обманул волка

И Рейнеке-лис продолжал: «Не скрою,
Я короля не щадил порою.
Мной опозорена и королева,
За что я достоин презренья и гнева.
А что я сделал с Изегримом,
Которого дядею звал любимым,

Хоть он мне ни дядя, ни брат, ни сват?
Я в низком двуличии виноват.
Пусть буду господней подвергнут каре.
Помню, в монастыре, в Элемаре,
Где я какое-то время жил,
Я волку, так сказать, «удружил».
«Помоги,— говорит,— мне на ноги встать.
И я хотел бы монахом стать.
А то,— говорит,— с голодухи пухну.
Дай-ка попробую, в колокол бухну,
Я об этом прошу не зря.
Сделай-ка из меня звонаря!»
Со мною он на колокольню взобрался,
Бухнул в колокол — гул раздался.
«Опыта нет у тебя, гляжу,
Дай-ка лапы твои привяжу,—
Говорю я ему,— к колокольной веревке.
Нельзя без тщательной подготовки.
Удар у тебя покуда слаб.
Звони-ка, не отрывая лап,
И станешь, в труде обретя споровку,
Намного уверенней дергать веревку».
Как бешеный, волк принялся звонить
(Ну, как мне, скажите, себя не винить?).
Трезвон услышав, сбежались люди
(Нет прощенья мне, иуде!).
Все бежали, и млад и стар.
Что происходит: потоп? пожар?
Ну, а как поняли, в чем тут дело,
На волка накинудись оголтело,
И новоявленному звонарю
Каждый поставил по фонарю.
Волк даже не успел объясниться,
Что он отныне решил поститься
И навсегда в монастырь уйти,
Греховную душу свою спасти.

Да... А потом попросил он сдуру,
Чтобы я сделал ему тонзуру.
Я отвечаю: «Не тратя времени,
Выжги, как следует, шкуру на темени!»
Вот это был ожог так ожог!
О многом еще рассказать бы мог.
По Юлихскому бродили мы краю...
Я, кажется, со стыда сгораю,
Вспоминая, сколь я его огорчил,
Когда его рыбу ловить учил.
А как ему отутюжили спину,
Когда он хотел сожрать солонину,
Забравшись однажды к попу в амбар.
Это немислимый был удар!
Через дыру он в амбар забрался.
Пролезть-то пролез, но так обожрался,
Что располнел и вылезть не смог.
А тут крестьяне к нему — со всех ног!
(Конечно, все это я подстроил:
Попа нарочно побеспокоил,
Чтобы на волка его навести.
Господи! Низость мою прости!)

А через год волк пришел мириться:
Это, мол, не должно повториться!
То есть: плевать мне на гордость, на честь,
Курятинки хочется мне поесть.
Ах, вот как! Действовать способом лести?!
И я рассказал ему о насесте,
Что находился невдалеке
И был расположен на чердаке.
На этом насесте и в самом деле
Семь кур со своим петухом сидели.
И вот я волка завел туда,
Где с ним большая случилась беда.

Дело в самую полночь было.
Помню: ровно двенадцать било.
Вот оно и оконце чердачное.
«Охота, надеюсь, будет удачная!
Добыча будет вам — первый сорт!..»
Ставень оконный был планкой подперт.
Я притворился, что лезу первым,
У волка огонь пробежал по нервам.
Жадность за глотку его берет.
Тогда я его пропустил вперед.
Говорю: «Смелее, дядюшка, лезьте!
Курочки там, в глубине, на насесте».
Волк в темноту полез наугад,
А я в это время скорей назад.
Выскочил мигом, подпорку вынул,
Горестным взглядом окрестность окинул.
Ставень захлопнулся с грохотом. Ох,
Какой поднялся тут переполох!
Прибежал хозяин и слуги хозяина.
Бедный волк пострадал отчаянно.
Чудом он вырвался наконец.
Какой же все-таки я подлец!
Мои ужасающие злодеяния —
Нет ни числа им, нет и названия!
И еще я вам кое-что расскажу:
К госпоже Гирмунде я захожу,
Чем подвергаю ее бесчестию.
Судите ж меня, похотливую бестию!
Что бы там ни было, я не струшу.
Исповедь мне очистила душу.
Поэтому гнев на милость смените
И грех мой безмерный с меня снимите.
Смирятся душа и рассудок мой
С любой, самой тяжкой епитимьей.
Я умоляю в ужасном смущении:
Пожалуйста, дайте мне отпущение!»

Гримбарт был опытен и умен.
Прутик сорвал по дороге он
И так сказал: «Эй, дядюшка! Нуте-ка,
Извольте с помощью этого прутика
Трижды себя отхлестать по спине.
Трех раз, полагаю, хватит вполне.
Затем перепрыгните через него —
Больше не требуется ничего.
Теперь прутик на землю положите
И трижды, целуя, его оближите.
Это и есть епитимья.
Вам грехи отпускаю я.
От всякой кары, во имя господне,
Освобождаетесь вы сегодня!»
«Всевышнему,— Рейнеке молвит,— хвала!»
«Ох, дядя! Нужны не слова, а дела:
Соблюденье постов, чтение псалмов,
Непосещение дурных домов,
Помощь страждущим, неимущим —
Вот что завещано всемогущим.
Все это крайне важно. К тому ж
Важно спасенье заблудших душ.
Но еще важнее владенье собою,
Недопущенье себя к разбою,
К грабежам, воровству, убийству, измене,
Чтоб в огненной не гореть геенне,
А божьим праведником в рай попасть,
Как указывает господня власть!»
И Рейнеке молвил: «С этого дня
Вам не придется краснеть за меня.
Призвавши небо господне в свидетели,
Вступаю я днесь на стезю добродетели!»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*О том, как Рейнеке и
Гримбарт продолжали
свой путь к королев-
скому дворцу и как
по дороге им встретил-
ся святой монастырь*

Закончил исповедь Рейнеке-лис,
И ко двору они подались.
Шли они полем, равниною шли
И монастырь увидали вдали.
В обители сестры-монахини жили,
Богобоязненно богу служили,
Небесную прославляли царицу
И разводили домашнюю птицу.
У сестер, искупавших наши грехи,
Водились куры и петухи,
Замечательные каплуны и пулярки,
Телом жирны, перьями яркие,
Уток имели они и гусей.
Птицы не ждали незваных гостей,
Не опасаясь коварства и низости,
От стен монастырских гуляли поблизости.
(Рейнеке здесь иногда бывал —
Брюхо курятиной набивал!)
Рейнеке, место это узнав,
Вспомнил пору былых забав
И, постепенно впадая в тоску,
Голосом тихим сказал барсуку:
«Нельзя обходить это место святое!»
(Сильно урчит его брюхо пустое.)
Подходят, видят — идет петух.

У Рейнеке перехватило дух.
У Рейнеке закатились глазки.
Петух и впрямь как будто из сказки:
Молоденький, жирненький, сочен, свеж,
Если даже не хочешь — съешь!
Рейнеке — мерзостная душонка —
Хищными лапами хватить петушонка!
Только перья на воздух взлетели.
Барсук закричал: «Вы в своем уме ли?
Вы только что поклялись небесами!
Что с вами будет! Подумайте сами!
Не успев исповедаться — воровать?!Теперь вам, смотрите, несдобровать!»
Рейнеке-лис про себя усмехнулся:
«Должно быть, воистину я рехнулся,
Я на мгновенье лишился ума,
О чем сожалею весьма и весьма.
Что же это со мной творится?
Нет! Это больше не повторится!
Помолитесь за меня милосердному богу!»
И снова пошли они в путь-дорогу.

Вот обогнули они монастырь,
Перед глазами такая ширь,
Такая даль впереди разворачивается,
Но Рейнеке все назад оборачивается,
Не в силах он взгляда от кур отвести,
И ничто не может его спасти.
Ему бы снова схватить петушонка!
Что за препакостная душонка!
Башку ему оторви от тела —
Башка бы сама к петушке полетела!
Ну, как отвадить его от кур,
Когда они лакомы чересчур?!

Гримбарт разгневался до невозможности:
«Я не говорю уж об осторожности
И о простейшей боязни суда.
Но есть ли у вас хоть остатки стыда?
В кого вы снова глазами стреляете?
Да вы же господу оскорбляете,
Святую молитву мою прервав
И право на жалость к себе потеряв!»
Рейнеке вымолвил в озлоблении:
«Это же сущее оскорбление!
Цели нет у меня дурной:
Молюсь я за души задушенных мной.
Я про себя «Отче наш» читаю
И заодно про себя считаю,
Сколько же в каждом из монастырей
Я петухов загубил и курей?
Ранит сердце мое, клянусь,
Каждый съеденный мною гусь!
Чтобы я белого света не взвидел!
За что я монахинь святых обидел,
Этих чистейших Христовых невест,
Их кур поглощая в один присест?»
Гримбарт молчал, нелюдим и хмур,
А Рейнеке так и глядел на кур,
Нанося барсуку большую обиду,
Пока монастырь не скрылся из виду.
Но, впрочем, идти осталось не много.
Лиса охватывает тревога:
Вот он, вдали, королевский дворец,
Где, может быть, лису придет конец.
И Рейнеке, чуя опасность нюхом,
Упал в чрезвычайной тревоге духом.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*О том, как Рейнеке
явился к королю, сми-
ренно пред ним пре-
клонился и как обнару-
жил многих из тех, кто
пришел на него с жа-
лобою*

И вот едва услышал двор,
Что наконец-то словлен вор,
Как поднялось столпотворенье
(Большое удовлетворенье —
Злодея схваченного зреть:
Мол, не посмеешь грабить впредь!).
Подача жалобы иль иска
Теперь не составляет риска,
И звери валом валят в суд —
На лиса жалобы несут.
Всё жаждет мщенья, негодует.
А лис — он как бы в ус не дует,
Идет он вместе с барсуком
К монарху в замок прямым.
Вид — совершенно независим!
Идет, хвостом виляя лисьим,
Идет с сияющим лицом,
Как если бы с родным отцом
Он после странствий шел на встречу,
А не погибли навстречу,
Как если б вправду никогда
Он никому не нанес вреда
И никогда не слышал даже,
Что грабежи существуют и кражи.
Так, лисьей хитростью ведом,
Он предстает перед судом.

Нобель сидел среди своих баронов,
На память знавших весь свод законов.
И лис сказал: «О, король всемогущий,
Высшую правду в себе несущий,
И высокопоставленные судьи,
Ревнители высшего правосудья,
Я перед вами стою, ваш слуга,
Которому истина дорога.
Я жизнь посвятил служению вам
И посему ненавистен врагам.
Всей силою сердца и силой ума
Служу вам... И что же? Завистников тьма!
Враги меня со свету сжить хотят,
Оклеветав с головы до пят.
Гнусным наветом, злыми словами
Хотят меня подло поссорить с вами.
Но я не боюсь всем известных лиц.
Ваша совесть и мудрость не знают границ.
Я потому-то и не унываю,
Что на справедливость суда уповаю,
Что суд не даст себя обмануть,
Не даст невинному шею свернуть,
Не позволит нашим врагам исконным
Глумиться над истиной и законом,
Вернейшего ввергнув в пучину страдания.
Я жду полнейшего оправдания!»

«Молчать! — воскликнул король. — Не смей
Мне эти льстивые песни петь!
Осмелились вы за моей спиною
Нарушить мир, объявленный мною!
Вот — петух, потерявший своих детей
Из-за ваших безжалостных, хищных когтей!
Это вы-то клянетесь мне в любви,
Вы, у которого лапы в крови?»

Эта ваша хваленая доброта
Одноглазым сделала Гинце-кота?!
А вельможа мой Браун, едва живой,
Ходит с израненной головой!..
Вот, посмотрите, Рейнеке-лис:
Здесь пострадавшие собрались.
Вас будут судить как убийцу и вора,
И вы не отвертитесь от приговора!»

Лис отвечает: «Как?! Я виноват,
Что Браун стал немножечко лысоват?!
Но ведь не мне, а себе в угоду
Хотел он чужого отведать меду
И Рюстфейля обворовать!
Конечно, ну как тут не горевать,
Когда он столь оказался слабым,
Что спину подставил детишкам и бабам,
Не пытаясь даже сопротивляться.
Приходится истинно удивляться!
Где же его воинственный пыл?
Вы посмотрели бы, как он плыл!
Как он с ходу плюхнулся в воду
На потеху всему честному народу!
Ну и Гинце пускай не плачет,
Пусть истину от суда не прячет!
Шастать решил по чужим амбарам
И хочет, чтоб все прошло ему даром?!
К священнику вздумал в амбар залезть?
Но справедливость господня есть!
Впрочем, делайте что хотите.
Возможно, живым мне от вас не выйти.
Опозорьте меня, навек обесславьте,
Ослепите, повесьте иль обезглавьте,
Сварите, зажарьте меня живьем,
Плетьми стегайте, дубасьте дубьем,—

На все священная ваша воля!
Что вам горькая наша доля?
Подобные самой ничтожной вещице,
Все мы в державной вашей деснице!
Король всевластен и всемогущ!
А я несчастен и неимущ!
Не стоит и время-то тратить даром!
Хотите — убейте одним ударом!
А мне одно остается, воистину:
Привержённость правде и вера в истину!»

Молвил баран — барон Б е л л и н:
«Всемилосерднейший властелин!
Пора приступать к рассмотрению дела.
Нам эта комедия надоела.
Не потакать же его злодействам!»
И вот пришел Изегрим-волк с семейством,
Браун-медведь и Гинце-кот
(Хромали оба, и этот, и тот),
Пришли Лямпе-заяц, осел Б о л д у и н,
Вакерлос-шавка и друг — дог Р и н,
Г е р м е н-козел и М е т к е-коза
Шествовали, вылупивши глаза.
Шли белка, ласка и горноста́й,
Представители разных семейств и стай,
Лошадь, бык и Б е р т о л ь д-аист,
На Рейнеке рыжего надвигаясь.
Шли Лютке-журавль и Маркварт-сойка.
Гляньте-ка: собралось их сколько!
А это кто? Можно сказать без ошибки:
А л ь г е й д-гусыня и утка Т и б к е!
О, как хотят оторвать они хвост тому
Рыжему Рейнеке, длиннохвостому!
И действительно, не мешало бы
Выслушать их возмущенные жалобы!

Пусть судейские примут к сведенью,
Сколько их родичей было съедено!
Спросите Геннинга-петуха:
Что его жалоба? Чепуха?
И еще было множество всяких лиц,
Всевозможных зверей и птиц.
Может быть, всех и не перечислим мы,
Всех перечислить просто немыслимо,
Но одна у всех мука, одна у всех боль,
И всех их выслушать должен король!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*О том, как Рейнеке
был обвинен своими
противниками, как пы-
тался он оправдаться,
но в конце концов, изо-
бличенный свидетеля-
ми, был приговорен к
смерти*

И вот собралось наконец судилище.
Так строго суд никого не судил еще.
Большинство считало, что — всех безобразней —
Заслужил он не казнь, а тысячу казней,
Что любой потерпевший будет утешен
Лишь тогда, когда Рейнеке будет повешен,
И чтоб не допустить в приговоре оплошности,
Весьма обстоятельно, не без дотошности,
Перечислили — с высшего соизволения —
Наиболее тяжкие преступления.

И все же Рейнеке не терялся,
Он каждый довод разбить старался:
Дескать, не знает он этих лиц,
Перечисленных выше зверей и птиц.
Никого он прежде не слышал, не видел,
Никого он, естественно, не обидел,
А скорей, к сожалению, наоборот:
Вот какой он пытался делу придать оборот!
Эту речь, что включала иные сентенции,
Можно смело назвать венцом элоквенции.
Но заметим: подобное красноречие
Находится с истиной в противоречии.
Послушать, так он — образец добродетели.
И все ж доканали его свидетели!
Были предъявлены все доказательства
Изуверства, предательства, издевательства,
Грабежа, разбоя, воровства —
Отнюдь не невинного баловства.
И тогда решил королевский совет,
Что оправданий для Рейнеке-лиса нет,
Что для Рейнеке — изверга и изувера —
Единственная существует мера.
Для того, кто в злодействах всех бешеных бешенее,
Одно наказание — повешение!
Итак, какой бы он ни был верткий,
Не помогли на сей раз увертки
Потому, что не вечно веревочке виться:
Больше разбойнику не резвиться!
Сам король огласил приговор.
Закончен, стало быть, разговор.
Дрогнул Рейнеке, страшным сражен ударом!
Ужель вся его элоквенция — даром!
Вот его уже хватают и вяжут.
Наконец, наконец-то ему покажут!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*О том, как связанно-
го Рейнеке повели на
казнь, и о том, как
друзья Рейнеке поки-
нули двор*

Итак, как мы уже сказали,
Господина Рейнеке-лиса связали,
Для того чтоб на казнь его повести
И последнее молвить ему прости.
Но у Рейнеке-лиса были заступники.
Не скажем, что это были преступники,
Скорей это были его друзья,
Тоже бароны или князья.
Например: господин М а р т ы н-обезьяна,
Дворянин без какого-либо изъяна;
Гримбарт — мудрейший из барсуков,
С великим множеством свояков.
Их зело огорчил приговор монарший:
Все же Рейнеке был из баронов старший!
Лишить дворянина дворянской чести!
Что свирепее этой мести?
Дворянина казнить, как простого вора?!
Кто же престолу тогда опора?
И они решили покинуть двор,
Показав, сколь им тягостен приговор,
Призванный как бы служить устрашением:
Король подавлен был их решением.
Остаться без стольких рыцарей знатных?—
Событие, скажем, не из приятных.
И он поделился с одним приближенным,
Также в мысли горькие погруженным:
«Конечно, судили мы по справедливости,

Но нет ли во всем этом торопливости?
Рейнеке-то безусловно вор,
Но сколько дворян покидает двор!
Среди вельмож началось брожение,
Что ставит нас в трудное положение.
Меня это мучит до невозможности,
Хоть я и предвидел, что будут сложности...»

А Изегрим, Гинце, Браун-медведь
Полагают, что хватит злодейство терпеть.
Мол, пора приводить приговор в исполнение,
Мол, есть королевское соизволение.
И вот они Рейнеке повели,
Виселица показалась вдали.
Гинце молвит: «Ну вот, попался
Тот, кто меня удавить пытался.
Тайного смысла во всем этом нет ли:
Душитель сам оказался в петле!»
И Гинце сказал, обращаясь к волку:
«В мягкосердечии мало толку.
Вспомните лучше, как два ваших брата
Были повешены когда-то!
Их лис на виселицу провожал
И от удовольствия просто визжал!
Помните, заклинаю, об этом,
Пусть ненависть будет ему ответом!
Надеюсь, Браун, и вы не забыли,
Как вас чуть до смерти не забили,
Когда мужики вас лупить принялись,
И как потешался над вами лис!
Теперь *вам* настала пора посмеяться.
Смейтесь! Можете не стесняться!
Нет и не будет другого повода
Устроить *лису* такие проводы:
Только сегодня и только сейчас

Возможность редчайшая есть у нас
Для сладостной и справедливой мести.
Без промедленья его повесьте!
Изеграм молвил: «Согласен с вами,
Разбойника не проймешь словами.
Хватит гладить его по головке,
Давайте скорее кусок веревки!»

Речь кота и тираду волчью
Связанный Рейнеке слушал молча.
Потом сказал наконец: «Что вы тянете?
Неужто веревку и впрямь не достанете?
Об этом и говорить неловко.
Уж Гинце-то знает, где есть веревка.
Идите к священнику напрямиком:
Ведь вы знакомы с его силком,
Не зря вы в чужом амбаре застряли,
Где достоинство, да и глаз потеряли.
Пособите же Брауну с Изегримом
Покончить с племянником, прежде любимым!..»

Меж тем король и его совет —
Самый избранный, высший свет,
Вельмож несметное количество
И королева — ее величество,
Общество донельзя сиятельное,
Спешит на зрелище презанимательное,
Чтобы душу свою потешить:
Поглядеть, как Рейнеке будут вешать!
Шепчет сородичам Изегрим:
«Давайте небо возблагодарим!
Сейчас предатель сполна получит,
Вы только держите его получше!»
К своей жене обращает он речь:

«Ты мне хотя бы сейчас не перечь!
Не просто глазами себе, казнь наблюдая,
А помоги нам держать негодя!
Если он вырвется — горе нам!
Считай наш дом втройне опозоренным!»
Ну, а Браун-медведь тем временем
Со своим совещался медвежьим племенем:
«Не забудьте, — Браун-медведь говорит, —
Сколько нам он причинил обид,
И по этой самой причине, пожалуйста,
Не поддайтесь чувству минутной жалости!
Он будет казнен и навеки сгинет!
Проворней всех Гинце, он петлю накинёт.
А я разбойника буду держать.
А вам держать лестницу. И не дрожать,
Когда он появится на помосте!
Смотрите: уже съезжаются гости!»

На это Рейнеке говорит:
«Господи, что ж это он творит?!
Племянника он обрекает на муку,
Вместо того чтоб подать ему руку!
Все одного только жаждут: расправы!
Ну и времечко! Ну и нравы!
Родному племяннику дать пропасть?!
Нет! Лучше — грабить. Честнее — красть.
Вы только взгляните на Изегрима:
Волчья натура неповторима!
Он в гнусной казни велит участвовать —
Кому? (Желаю ей долго здравствовать!) —
Своей замечательнейшей супруге!
А у меня перед нею свои заслуги!
О, кровожадность коварных сердец!
Не в петле погиб ли и мой отец
Благодаря воровству да измене?
Правда, народу было помене,

Да и задохся он в минуту,
А эти возятся почему-то».
Медведь говорит: «Нет! Наглость какая!
Он еще сердится, нас понукая!
Впрочем, действительно хватит затягивать!
Самое время петлю затягивать!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*О том, как Рейнеке
попросил отсрочить
казнь с целью дать ему
возможность публично
исповедаться и как он
стал исповедоваться,
пытаясь избежать воз-
мездия*

Рейнеке страх обуял не на шутку:
Выкроить только одну бы минутку!
Ведь, по правде, покудова казнь не содеется,
Есть еще повод на что-то надеяться.
Думает: «Дайте открыть мне рот —
Дело примет иной оборот!
С меня будет смыто пятно преступления,
Трем палачам моим в посрамление!
Король на меня, безусловно, зол
За вероломство и произвол.
Нет оснований для снисхождения —
Достаточно вспомнить мои похождения!
И все же надо придумать что-то,
Поскольку больно мне жить охота,
И я убежден, что случится чудо

И я невредимым уйду отсюда!»
И Рейнеке-лис сказал тогда:
«Высокочитимые дамы и господа!
Мне уже не избежать смерти,
Так что — верьте мне иль не верьте —
Все равно ничего изменить невозможно.
Мое положение безнадежно!
Суд меня осудил сурово,
Но услышите мое прощальное слово.
Я повиниться хочу перед вами,
А в чем я виновен, вы знаете сами.
Так дозвоьте в последний раз покаяться,
Чтобы душе перед смертью не маяться.
И поскольку пред всевышним предстану я,
Послушайте речь мою покаянную».

Ну, как в такой малости отказать?
Пусть скажет, если есть что сказать.
Тем более, дело-то решенное, —
Решили король и его приближенные.
Лис попал, прямо скажем, в точку.
Выпросил для себя отсрочку.
И, не спеша с окончаньем срока,
Речь свою повел издалека
(Утопающий рад, говорят, и соломинe):
«О, помоги мне, *spiritus domini* ¹,
Поскольку каждый в этом собрании
Мною тяжко обижен, как сказано ранее.
Мы все о благе всеобщем радеем.
Как же я вырос таким злодеем?
Еще будучи почти сосунком,
Алчностью пагубной был я влеком.
С молоком материнским впитал я обжорство,
Лицемерие, хитрость, коварство, притворство.

¹ Дух господень (лат.).

С детства ягнята меня влекли,
Увижу — слюнки, бывало, текли.
К козлятам был столь же я равнодушен.
Так первый козлик был мною укушен.
Со сладострастьем я высосал кровь,
На разбой меня потянуло вновь.
Помню, я вскоре сожрал без остатка
Трех нежных козлят. Оказалось: сладко!
Так и пошло. Живу как хочу!
Куренка поймаю, гусенка схвачу.
А то попадетса заблудшая утка.
Вначале думалось, все это — шутка.
Да как бы не так! Зло во мне росло,
Превратившись в преступное ремесло.
Сколько я убивал, бывало,
Наевшись до этого до отвала,
Так, что их просто в песок зарывал.
Для чего ж я их, спрашивается, зарезал?
А не для чего! Для пустой забавы!
Только забавы уж больно кровавы!

Однажды, на Рейне, в лесу нелюдимом,
Довелось мне встретиться с Изегримом.
Он вычислил, что мы с ним — родня
И стал племянником звать меня,
Потому что он мне, выходит, — дядя.
Он сказал, что я не буду в накладе,
Если буду с ним сообща
Ходить на дело, добычу ища.
Неважно, мол, кто из нас сколько добудет,
Важно, что все у нас общим будет.
Так я вошел к Изегриму в долю:
Я крал, что помене, он — что поболе.
Но как мошенник меня обделял!
Он жадностью меня удивлял!

Мне доставались одни объедки,
Такие случаи были нередки:
Один пожирал он, забыв о чести,
Все, что мы с ним добывали вместе.
Допустим, схвачен нами телок, —
Тушу он домой поволок.
Или, допустим, схватим козу:
Он мясо жрет, я ребра грызу.
Совсем уже было от мяса отвык,
А если корова и даже бык
Нам с величайшим трудом достается,—
Мне даже ребер не остается.
Волчиха, волчата его (их — семь)
Все кости обгложут!.. А я что съем?!
Но мне от них ничего и не надо,
Ибо я обладатель клада:
Ах, что мне теперь перед смертью таить?
Можно, пожалуй, и клад отрыть!
Сколько припрятано там добра —
Жемчуга, золота, серебра
И всего прочего, в том же роде —
Не вывезти ни на какой подводе
Ни за раз, ни за два, ни за десять раз:
Неисчерпаем богатств запас!»

Молвит король с изумленьем во взгляде:
«О каком это вы говорите кладе?»
«Государь всемогущий! Я все скажу.
Ведь все равно туда ухожу,
Где никакой уже клад не нужен —
Не надо ни золота, ни жемчужин.
Но скажу, от земной суеты очищенный,
Что клад, упомянутый мной, — похищенный,
И связан он с чрезвычайною тайною,
Со страшной историей необычайною.

Вот существо сего странного дела:
Вас некая клика убить хотела,
И, дабы удар от вас отвести,
Пришлось сокровища увезти,
И, этот клад поместив в укрытие,
Ужасное предотвратить событие.
Из-за этого батюшка мой пострадал,
Но погибнуть господь королю не дал».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О том, как король приказал, чтобы воцарилось молчание, а затем повелел Рейнеке спуститься с помоста и приблизиться к королевской чете для дачи исчерпывающих показаний

Лицо королевы, как смерть, побелело:
Ужасное, знать, замышлялось дело!
Она была вне себя от испуга,
Ибо чуть не убили ее супруга.
И она Рейнеке-лису молвит с тревогой:
«Бедный Рейнеке, перед этой дальней дорогой,
В которую ваша душа отправится,
Пусть она от сей тягостной тайны избавится!
Устремите же взор свой туда, в высоту,
И все нам поведайте начистоту!»
Тогда король обратился к собранию:
«Всех вас обязываю к молчанию!»

А вы, осужденный Рейнеке-лис,
На минуту сойдите с помоста вниз
И дайте подробные разъяснения
Во имя вашей души спасения!»

Рейнеке-лис спустился с помоста
(Палачи с ума посходили просто)
И, находясь на последней черте,
Приблизился к королевской чете.
И он про себя говорит: «Сдается,
Королева сдалась. И король сдается.
Ай да Рейнеке! Ай да лис!
Козни врагов-то не удались!
Теперь дело надобно повести,
Чтобы их под петлю самих подвести.
Но столь мое положение бедственно,
Что лгать приходится сверхъестественно,
Ибо ложь тогда лишь — правды подобие,
Когда в ней — ни капли правдоподобия!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

И тогда королева сказала снова:
«Я не хочу ничего иного,
А только — в сей последний ваш час
Святую правду услышать от вас.
Я в этом вижу залог спасения:
То есть — грядущего воскресения».
Рейнеке молвит: «Зачем же мне врать,
Если мне сейчас все равно умирать?
Неужто хочу, чтоб от грешного тела
Душа запятнанною отлетела?»

Неужто, в двойной обвинен измене,
Хочу я вечно гореть в геенне?
Нет уж, лучше во всем сознаться,
Чем с адскою мукой навек спознаться,
Хоть этим рассказом — ей-ей не лгу —
Ближайших друзей погубить могу».

Король произнес в угрюмой заботе:
«Послушайте, Рейнеке, вы не лжете?»
И Рейнеке говорит в ответ:
«Лгать перед смертью — резона нет.
Неподкупен и строг господень суд!
Грехов добавится целый пуд!»
Королева тихонько вздохнула: «Все же
Мне этого Рейнеке жаль, о боже!
И я не в силах понять, отчего
Мы выслушать не должны его?
Возможно, когда он нам все изложит,
Он многих нам бед избежать поможет.
Может быть, перед нами откроется
Зло, что пока что во мраке кроется.
Только дайте ему начать
И повелите всем замолчать!
Дайте ему говорить свободно!»
«Если милости вашей угодно,—
Начал Рейнеке, — я скажу
То, что в сердце давно держу,
И хоть иным я могилу рою,
Подлейший заговор вам открою».

Слушайте дальше рассказ о том,
Как Рейнеке-лис, виляя хвостом,
К решающей перейдя атаке,
Излагал королю бесстыжие враки.
Чего он только не насочинил!
Он родного отца в гробу очернил!

Не пощадил дорогого дружка —
Столь ему верного барсука.
Не считайте это каким-то дивом:
Вранье должно казаться правдивым,
Клевета должна правдой казаться святой —
Иначе не будет она клеветой!
Что он сделать решил со своими врагами,
Вы, наверно, себе представляете сами.
И он начал: «Несколько лет назад
Родитель мой обнаружил клад
Могущественного короля Эрменриха.
Дело было обделано тихо.
Вдруг взбрело ему в ум, чтобы в полной мере
Все ему подчинялись на свете звери,
Так что даже бывшие его приятели
Расположенье его утратили.
Загублена дружба, забыто братство.
До страшных вещей доводит богатство!
И вот, как увидите, неспроста
Посылает в Арденны он Гинце-кота.
Почему посылает его в Арденны?—
С целью предательства и измены!
Там в Арденнах Браун скрывался, медведь,
И это прошу вас в виду иметь.
Итак, исполняя отцово желание,
Гинце Брауну доставил послание.
Клянусь, что оно вам не сильно понравится:
Браун-де во Фландрию должен отправиться,
Дабы (прошу меня верно понять!)
Скорей королевский престол занять!
А Браун давно мечтал о короне.
Подготовив заговор всесторонне,
Вскоре во Фландрию прибыл он,
В надежде занять королевский трон.
Мой батюшка встретил его с почетом,
Действуя ловко, с точным расчетом,

И были немедля вызваны им
На помощь Гримбарт и Изегрим.
Следить за ними надо бы зорко:
Коварная это была четверка!
Четверка сообщников, явно преступных,
Была преисполнена замыслов крупных,
Была преисполнена пагубной страсти
Захвата престола и смены власти!
Но для осуществления плана проклятого
Явно им не хватало пятого!
И они позвали Гинце-кота.
Вам, видимо, ведомы эти места.
Так вот. Между Ифтой и городом Гентом,
Воспользовавшись подходящим моментом,
В глухой деревушке, порой ночной,
Руководимы, конечно, самим сатаной,
Преступники, как ночные воры,
Вели секретные переговоры.
Должен признаться, великий король,
Что здесь сыграли немалую роль
Богатство моего дорогого папаши,
А также лисьи уловки наши.
Итак, сговорилась преступная братия
И (я не в силах сдержать проклятия!)
Решила убить самого короля,
Чтобы отныне Браун стал у руля,
Чтобы медведь восседал на троне,
В вашей, великий король, короне!
Поклялись они на голове Изегрима
(Эта подробность необходима).
Коронуют, сказано в протоколе,
Его на ахенском древнем престоле.
Было сделано и добавление:
Кто окажет сопротивление —
Буде ваш родич или вассал
(Отец мой лично это вписал),

Принимаются самые крайние меры:
Казнь, изгнанье, крушение карьеры.
Для поддержанья крутого порядка
Равно важны оговор и взятка.
Все это брал на себя мой родитель...
Гримбарт — выпить большой любитель —
Выболтал это своей жене,
А та — моей, а моя — мне,
Хотя клялась честью, святыми волхвами
До смерти язык держать за зубами.
Узнавши это, я был потрясен.
Я думал, что все это — глупый сон.
Но моя жена дала мне примету,
И пришлось поверить в историю эту.
И тогда я вспомнил, отнюдь не зря,
Как лягушки просили дать им царя,
Слезно молили господа бога,
Заклинали, чтоб царь ими правил строго:
Мол, зачем нужна свобода в болоте,
Мол, мечтают они о желанном гнете.
Квакали от зари до зари,
И господь им аиста дал в цари.
А де ба р-царь ими правил круто, —
Лягушек аист не любит люто, —
Не жизнь в болоте, а сущий ад,
Да только нет пути назад.
Царя себе завести хотели?
Вот он и держит их в черном теле».
Рейнеке-лис продолжал свою речь:
«Пример этот должен нас предостеречь.
История эта меня утратила.
На что нам нужен король-страшила?
И мы на него променяем вас?!
Неужто близок сей черный час?!
Не вынесет сердце такого позора,
Чтоб правил нами мужлан, обжора,

Мошенник... Да мы же с таким королем
Не слезы — потоки слез прольем!
Теперь мне за это мстят соседи —
Сообщники, ставленники медведя.
Но речь не о моей горемычной судьбе,
А о том, что я говорил себе,
Когда королевства судьба решалась
(С отчаяньем ярость во мне смешалась).
Неужто же нам с королем проститься?
Да это же нам никогда не простится,
Что мы короля потеряли такого,
Воистину, можно сказать, святого,
Который нам всем как единый отец,
Ума, добродетели образец,
Пример величайшего великодушия!
Казалось: вот-вот я умру от удушья.
Но молвил я: рано тебе умирать,
Надобно что-нибудь предпринимать.
Спасительный выход найти не мне ли?
Я думал примерно две-три недели
И понял, — поверьте мне, бога ради,—
Что все спасенье в отцовском кладе:
Если б я кладом его завладел,
Много полезных бы сделал дел
Для укрепления верховной власти
И устранения лихой напасти.
На что мой отец часть сокровищ тратит?
Скупает оружие, сообщникам платит,
За деньги вербует медведю друзей.
А я что делаю, ротозей?
Так первым делом мне надлежит
Разведать, где этот клад лежит,
Хранится он в чаще лесной или в поле?
Я был преисполнен железной воли
(Так мне уж, видно, господь судил),
И день, и ночь за отцом следил...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, как Рейнеке-лис продолжал свой лживый рассказ о якобы похищенном кладе

«Следил за ним днем, следил за ним ночью
И как-то раз увидел воочью:
Выходит старый плут из ущелья.
О, неужели нащупал цель я?!
Неужто сейчас этот клад мы обрящем?
Я лег за бугром, притворился спящим.
Старик и не подозревал того,
Что я нахожусь в двух шагах от него
(В такие с ним мы играли «прятки»)
Старик осмотрелся. Кругом все в порядке.
И тогда песком он засыпал скважину
(Все было, как видим, давно налажено),
Залицевал все, загладил, потом
Замел следы своих лап хвостом,
А после еще языком зализал.
Что кто-то здесь ходит, никто б не сказал.
Так старый мошенник лицемерный
В тот день преподал мне урок примерный.
Да... Перенявший отцовы уроки,
Я несколько раз погрязал в пороке.
Но тогда, порокам любим назло,
Чувство долга и чести меня вело.
Я понял: сокровища здесь хранятся.
Ну что ж! За дело пора приниматься.
Землю я долго лапами рыл,
Покуда в пещеру вход не открыл.
Влез я туда — меня ослепило!

(Столько там чистого золота было,
Столько чистого серебра.)
Ну, думаю, клад выносить пора.
Позвал я жену свою, Эрмелину,
Взвалил ей тяжелый мешок на спину.
Вот так, потихоньку, мешок за мешком
Мы все и вынесли с ней тайком.
Ни тачки не было, ни подводы —
Лишь то, что нам было дано от природы.
Легко ли нам было, судите сами,
Орудовать только своими руками?
Для двоих эта ноша не великовата ли?
И все же мы клад этот перепрятали,
В другое место перенесли
И тем короля и престол спасли!

Но заговорщики тоже не спали:
Подметные письма они писали.
Увы! — не лапу медведь сосал —
Подметные письма медведь писал.
Помогал ему в этом Изегрим-волк:
Недаром он в грамоте знает толк.
Они, взлелеявшие измену,
Сулили наймитам двойную цену,
Они, рассчитывая на клад,
Обещали ландскнехтам тройной оклад.
А разносил эти письма по всей стране
Отец мой, в чем больно признаться мне.
Старый разбойник не подозревал,
Что близкий провал уже назревал.
Он мнил, что способен весь мир скупить,—
Лишь бы ему короля сгубить,
Не зная, что у него, у мошенника,
Там, в тайнике, не осталось ни пфеннига».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

*О том, как Рейнеке
продолжал рассказ о
своем отце, о его гибели
и как он закончил
эту выдуманную им историю*

«Отец мой, учитывая обстановку,
Наемников мерзостную вербовку
Вел тогда между Эльбой и Рейном,
Совсем не бывая в кругу семейном.
К преотвратительным делишкам
Склонил он иных своим золотишком.
Все это проделывал он зимой
И только летом вернулся домой.
Воротясь, он Брауна видит — хозяина
И говорит: «Устал я отчаянно.
Особенно мне досталось в Саксонии,
Где все построено на беззаконии.
Обитатели замков и крепостей
Там очень не любят незваных гостей.
На конях за мною гнались охотники —
До лисьих шкур большие охотники.
Чуть в кровь меня не изгрызли псы —
Пережил я мучительные часы.
И все ж не все обстоит так мрачно,
В целом вербовка прошла удачно.
Имена завербованных в списке указаны,
Все круговую порукой связаны.
Для Изегримовых славных полков
Завербовано мною пятьсот волков.
Клыки отточенные наготове,
Пасти алчные жаждут крови.

Отряд медведей и котов
За Брауна выйти в поход готов.
Росомахи — также лихой народец —
Восклицают: «Веди нас, Браун, полководец!»
Саксо-тюрингские барсуки
Также оттачивают клыки, —
Духом отважны, их страх не берет,
Правда, за месяц все просят вперед.
Ну, тут уж не надобно нам скупиться.
А то еще вздумают отступиться!»
И вот помчался мой бедный старик
Туда, в оборудованный им тайник:
За богатством, столь нынче необходимым,
Подгоняемый Брауном и Изегримом.
Разумеется, он ничего не нашел
И, в отчаянье впавши, с ума сошел.
Как он тут, старая бестия, взбесится!
Ничего не осталось, как взять да повеситься!
Тут ему и пришел конец.
Жаль его: все ж, как-никак, — отец!
И я причастен к его кончине
По уже указанной мной причине.
Не пощадил я отца родного,
Опасаясь прихода монарха дурного,
И верой и правдой служа тому —
Монарху законному моему.
Но что же вышло, однако, в итоге?
Изменники, верно, сидят в остроге?
Кто же наказан? Кто награжден? —
Они возвышены! Я осужден!
Предатели — судьи, а я — осужденный!
Они — победители! Я — побежденный!
Я, который жизнь вам спас,
Сейчас встречаю свой смертный час!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О том, как Рейнеке продолжал вводить в заблуждение короля и королеву лживыми рассказами о якобы имеющемся у него кладе, разжигая в них пагубную алчность

Король обратил к королеве взгляд.
Взгляд этот значил: «Так где же клад?»
Она лиса спросила: «Так в самом деле,
Скажите, куда вы сокровища дели?»
(Все продумано было тонко:
Лиса они отвели в сторонку
И, обладая достаточным опытом,
Вопросы ему задавали шепотом.)
А он отвечает: «На кой мне ляд
Открывать вам, где мной припрятан клад,
Если я, кто не так уж и грешен,
Через мгновение буду повешен?!
Выходит: вздернуть король собирается
Того, кто так для него старается,
А тех, кто всадил ему в спину нож,
Он чтит как любимых своих вельмож,—
Злодеев, предателей, негодяев,
Вернейшего среди слуг охаяв!»
«Нет, нет, — королева его утешает,—
Король помиловать вас решает.
Клянусь вам: проделки былых годов
Он вам моментально простить готов.
Повесить вас?! — Нет ничего безбожней!
Но будьте в дальнейшем поосторожней

И остерегайтесь неверных шагов,
Имея так много опасных врагов».
Рейнеке молвит: «Коль все это верно
И вы говорите не лицемерно,
Если король меня не морочит,
А впрямь мне простить мои шалости хочет,
То, я клянусь, на земле на всей
Богаче не сыщете королей!
Не прошу вас ни о какой награде,
Но речь идет о громадном, невиданном кладе!»

«Да не верьте лживым его словам, —
Нобель сказал. — Удивляюсь вам.
Ложь, грабеж, воровство, разбой —
Он здесь остается самим собой.
Мир не видел лжеца такого...»
«Он станет другим! Он дает нам слово!
Нет, нет! Вы должны поверить ему!
Да и врать ему, собственно, ни к чему.
Он только что предъявил доказательства,
Что намерен исправиться без отлагательства.
Он племянника-барсука изобличил до конца,
Он не пощадил даже память родного отца
(А ведь это ж все — родня, не чужие!),
В его речи не вижу ни капли лжи я!»

И Нобель промолвил тогда: «Ну что ж,
Если все это, вправду, на сей раз — не ложь,
То, безмерно свою обожая жену,
На себя принимаю его вину.
Однако своею клянусь короной,
Что, к лютой смерти приговоренный,
Он в ту же секунду на плаху пойдет,
Коли не так себя поведет:
Кого-нибудь схватит, сожрет, задушит,
Нами объявленный мир нарушит,—

И будут обвинены в измене
Все родичи, хоть в десятом колене!»
Рейнеке молвит: «Пусть я умру,
Но вправду на этот я раз не вру,
И рано ли, поздно, мной будет доказано,
Что истина — все, что мною здесь сказано».
И тогда король ему все простил,
А заодно вину отпустил
Посмертно его отцу дорогому.
Рейнеке рад исходу такому.
А как же? Он, кто всех так обижал,
Вдруг чудом виселицы избежал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

*О том, как Рейнеке
отблагодарил короля и
королеву, продолжая
рассказывать им свои
небылицы*

«О, король,— молвил Рейнеке,— пусть ваша корона
Не потерпит вовек никакого урона!
И с королевою милость господня
Да пребудет вовеки, как и сегодня!
Но что поток благодарственных слов?
Вам все, чем владею, отдать я готов
И только вам на всем белом свете
Хочу передать сокровища эти,
Которыми владел король Эрменрих!
Идите скорее! Берите их!
Все, что было мной в тайнике обнаружено,
Вы сейчас возьмете вполне заслуженно.
Итак, открываю вам место хранения.

Поспешите туда, без тени сомнения,
На восток Фландрии — в Гюстерло.
Это не город и не село,
А в пустынной местности скромная рощица,
Где веточка ивы в ручье полощется.
Крекельпюц — зовется этот ручей,
Туда еще взгляд не проник ничей.
Должен вам прямо сказать: от века
Туда не ступала нога человека,
Там не услышишь ничьих голосов,
Кроме уханья филинов, крика сов.
Итак, запомнили? — Гюстерло!
Отправляйтесь скорее, пока светло.
Но вам придется идти не со мной,
А вдвоем с венценосною вашей женой.
Идти надо только с лицом проверенным,
Или клад этот можно считать потерянным.
Всевозможные существуют угрозы.
Возле Крекельпюца растут две березы;
Едва заметите их вдали,
Так и считайте, что вы — дошли.
Под березами этими клад я зарыл,
Который с почтением вам подарил.
Теперь скребите, копайте, ройте!
Только не медлите! Силы утройте!
Сперва вы найдете немного моха,
Но в этом нет никакого подвоха —
Сокровища просто прикрыты им
(Это сделано мной самим).
А дальше, дальше пойдут в избытке —
Бесценнейшие золотые слитки,
Червонное золото, серебро!
И прочее там найдете добро.
Лежат драгоценные там каменья,
Достойные вашего восхищенья.
Там — даю вам слово барона —

Лежит самого Эрменриха корона,
Которую нагло хотел надеть,
Как уже сказано, Браун-медведь.
Вы найдете там множество украшений:
Одно другого совершенней.
Каждое стоит тысячи марок.
Что говорить: бесценный подарок!
Если вы этот клад достанете,
Добрим словом меня помянете
И скажете так, а никак не иначе:
«Рейнеке!.. Дай ему бог удачи!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

*О том, как Рейнеке
выдвигал насквозь лжи-
вые, но с виду правдо-
подобные доводы, по
коим он не мог сопро-
вождать короля к мес-
ту нахождения клада*

Король сказал: «Господин Рейнхарт,
Не разжигайте во мне азарт,
А отправляйтесь вместе со мной.
Если вы не пойдете, то — кто же иной?
Странствовать мне одному невместно,
Тем более место мне неизвестно.
Как бы конфуз какой не вышел.
Возьмите Ахен, О нем я слышал.
Также про Любек, про Кельн и Париж.
Но Гюстерло, Крекельпюц, говоришь?
Может, тобой я опять одурачен?!»
Рейнеке сделался крайне мрачен.
«Государь, — но какой же здесь обман?»

Ведь я называю не Иордан,
Ведь это же — Фландрия, это — дома.
Хоть местность вам, может, и не знакома,
Но в нашей, можно сказать, полосе —
Гюстерло, Крекельпюц знают все!»
Зайцу Лямпе он подал знак:
«Подтвердите, Лямпе, что это так!»
Лямпе не отличался отвагой
И сказал: «Готов подтвердить под присягой.
Вот — Гюстерло, а Крекельпюц — вот.
Господин Рейнеке вам не врет.
В этой роще во время оно
Словили шайку Хромого Симона —
Они фальшивые деньги чеканили.
Меня там однажды зимой чуть не ранили.
Помню, я голодал, продрог,
И за мною Рин там погнался, дог».
Рейнеке снова как пасть ощерит:
«Довольно, Лямпе! Король вам верит!
Встаньте с другими там, в стороне!»
Король сказал: «Уж простите мне
Столь неуместное подозренье.
Все ясно, господу благодаренье!
Но все же прошу вас со мною пойти
И к месту клада меня привести».

Рейнеке молвит: «Уж я ли не рад
Отвести вас туда, где хранится клад?
Что почетнее, сами взвесьте,
Чем пойти во Фландрию с вами вместе?
Но — к сожалению — не могу!
В чем же причина? Вам — не солгу.
Когда Изегрим в монахи постригся,
Я, помню, к нему состраданьем проникся,
Хотя не о боге мечтал он во злобе,
А лишь о своей мечтал он утробе.

Весь монастырь он тогда объел,
Множество злых понаделал дел.
Съедал он двадцать четыре ужина:
Больше, чем дюжих монахов дюжина!
А все, бывало, канючил, врал,
Что, мол, тощает, что захворал,
Что вовсе вскорости околеет.
Родича кто же не пожалеет?
И я злодею помог убець,
Гнев решив на себя навлечь.
Развязал я, так сказать, волчьи лапы
И вызвал тем недовольство папы,
Который подверг меня отлучению,
Придя к суровому заключению.
Страдаю, поверьте, невероятно.
Душу надо спасать от скверны.
Хочу, чтобы сняли с меня прегрешения.
Дозвольте же с вашего разрешения
Завтра же утром отправиться в Рим!
В дорогу пойду как простой пилигрим
И, может быть, прощение вымолю,
Если душу слезами вымою.
Затем я море переплыву
И надеюсь, что все-таки доживу
До той поры, когда будут сняты
С меня прегрешенья мои. Тогда-то
Я, безусловно, вернусь назад
И покажу вам, где спрятан клад.
А пока что действительно неудобно.
Все начнут шептаться злобно:
«Смотрите, кто там идет вдвоем!
Да это же Рейнеке с королем!
Куда иголка, туда и нить.
А ведь король поклялся его казнить.
Что же такое на свете делается?
Можно ли на справедливость надеяться?»

Папа от церкви его отлучает,
А король в нем, злодее, души не чаёт!»

Король промолвил, его прервав:
«Верно. Ты в этом, пожалуй, прав.
Возможно, Лямпе иль кто иной
До Крекельпюца дойдет со мной,
Сопровождать короля не откажется.
Во всяком случае, так мне кажется.
А тебе хочу пожелать на прощание:
Выполни данное нам обещание,
Избавься от скверны, блюди чистоту,
В лоно церкви вернись, ко Христу,
Искренне встань на путь исправления,
Прокляв свои прошлые преступления,
Неустанно думай о господе боге,
И ты будешь, надеюсь, прощен в итоге».

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

О том, как король публично простил Рейнекелису его преступления и повелел каждому воздавать почести Рейнке и его родичам

Король поднялся на возвышение,
Дабы всем свое огласить решение.
Звери, согласно рангу и чину,
Внизу, на травке, уселись чинно.
Король стоял, рядом с ним — королева.
Рейнке — от королевы — слева.

И король многомудрый сказал тогда:
«Молчите и слушайте, господа!
Обращаюсь к зверям и к вам, пернатым,
Обращаюсь к бедным, обращаюсь к богатым,
Обращаюсь к ближней и дальней родне
И ко всем живущим в моей стране!
Вот перед вами — Рейнеке-лис,
Повесить коего мы поклялись.
Однако, чтя меня и мою супругу,
Оказал он двору большую услугу,
Столь важную тайну доверил нам,
Что свой приговор отменил я сам.
Отныне жизнь ему будет дарована,
А также все, что им уворовано.
Дела, с этим связанные, прекращены —
Все его преступления прощены!
Отныне я и моя супруга
Видим в нем дорогого друга
И как друга ближайшего своего
Вам повелеваем — чтить его!
Высшие почести, с ним наравне,
Надлежит воздавать его доброй жене,
А также его благородным детям.
(Мы будем строго следить за этим!)
Итак, обвиненья с него снимаются,
Новые жалобы не принимаются,
Ибо все, как сказано, прощено,
А возвращаться к прошлому запрещено.
Избранника нашего видя в нем,
Вы обязаны чтить его ночью и днем.
Завтра утром намерен он удалиться
Для того, чтоб за душу свою помолиться.
Побредет он с посохом и сумой
И, видно, не скоро придет домой,
А лишь, вымолив у папы прощения,
С чувством полнейшего очищения».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как противники Рейнке пережили великий испуг, выражая свое недовольство освобождением лиса, а также о том, как Браун и Изегрим были схвачены и подверглись пыткам

«Итак, напрасен был весь наш труд.
В конце концов они нас сожрут, —
Медведю и волку шепнул Гинце-кот. —
Все получилось наоборот.
Рейнке снова у них в фаворе,
А мы — в унижении и в позоре.
До чего омерзительное представление!
Это ль не светопреставление?!
Я потерял уже один глаз,
Второй бы не выбили в этот раз!»
Браун говорит: «Сомнений нет,
Все — скверно. Нужен дельный совет».
Тогда говорит волк Изегрим:
«Пойдемте с монархом поговорим!»
И в большой озабоченности и печали
Пред королем, королевой они предстали
И стали давать свои показания,
Не опасаясь наказания.
Тогда воскликнул великий король:
«Эй вы, сутяги! Оглохли, что ль?
Неужто мне вам говорить вторично
Все то, что я объявил публично?»
И он повелел их немедленно взять,

Брауна с Изегримом связать.
«Вот — заговорщики! Вот — предатели!
К тому же — подлейшие подстрекатели!»
И все изменилось в один присест:
Недавние судьи пошли под арест,
А тот, кто был только что подсудимым,
Стал королю как бы братом родимым.

Но Рейнеке в путь собрался. Ему
Из шкуры медвежьей пошли суму:
У Брауна вырезали со спины
Кусок изрядной величины.
«Теперь, — прохвост говорит, — для дорожки
Неплохо бы мне получить сапожки».
Королева сказала: «Для пилигрима
Взять сапожки у Изегрима!
Пусть одной парой сапожек поделится!»
Долго нечего канителиться:
У Изегрима с передних ног
Содрали тотчас же пару сапог.
И, взявши отточенный, острый ножик,
У волчицы сапожки содрали с ножек,
Правда, уже не с передних, а с задних,
Но вполне удобных и весьма нарядных.
Поступили, правда, несколько круто,
Но у Рейнеке все четыре лапы обуты.
А как же, скажите, его не обуть?
Слишком далек да и труден путь.
Рейнеке благодарит повелителя,
Своего благородного покровителя,
Рейнеке благодарит венценощицу,
Которая так прекрасно к нему относится,
И обещает от сердца чистого
В Риме за них помолиться истово.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

О том, как содрали кожу с передних ног у господина Изегрима и с задних ног у госпожи Гирмунды для того, чтобы изготовить сапоги господину Рейнеке-лису, а также о том, как вырезали кусок шкуры со спины господина Брауна, чтобы изготовить для Рейнеке суму

Итак, Рейнеке, этот лжеспилигрим,
Захотел, чтобы господин Изегрим
Снял сапоги с передних ног
И отныне больше ходить не смог.
Также с госпожи Гирмунды снял он сапожки:
Не в шутку вовсе, не понарошку,
И, нанеся ее задним лапам увечье,
Он к ней обратился с такою речью:
«Пожалуйста, уж не серчайте, мамаша.
Очень мне обувь сгодится ваша.
Ведь вы и ваш муж не щадили сил,
Чтоб я на виселицу угодил.
Но времена — глядите — меняются,
Сегодня не я, а враги мои маются.
Нет! Я нисколько на вас не сержусь,
Возможно, я еще вам пригожусь.
Родственным чувствам зная цену,
Сейчас я сапожки ваши надену.

Ведь вы — действительно мне родные,
Да и сапожки у вас недурные.
Но ждите скорого возмещения:
Часть мной полученного отпущения
Я — клянусь своей честью! — вам
С превеликой радостью передам.
Но сперва переплыть мне придется море».
Госпожа Гирмунда сказала в горе:
«Что ж, торжествуйте. Настанет час,
И вам господь отомстит за нас»,
Изегрим сурово молчал,
Он Рейнеке даже не отвечал.
Рядом с Брауном лежал он связанный,
Ни за что ни про что королем наказанный.
Слава богу, хоть кот сбежал,
А то бы и Гинце здесь лежал.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*О том, как Рейнеке
распрощался с королев-
ским двором, сделав
вид, что собирается со-
вершить паломничест-
во, и как баран вручил
ему котомку и посох*

Солнце едва показалось в окошке,
Как Рейнеке смазал свои сапожки
И с низким поклоном сказал королю:
«О последней милости вас молю.
Я, перед тем как идти в дорогу,

Душою хочу обратиться к богу,
В это столь благостное мгновение
Мне крайне требуется благословение,
Священника требуется присутствие,
Который мне прочитает молитву в напутствие».
«Изволь», — соглашается властелин,
И тотчас был вызван баран Беллин.
Король ему излагает суть:
«Уходит Рейнеке в дальний путь,
За искупленьем грехов отправляется,
От скверны прошлого избавляется.
Но прежде, чем в дальний путь ему выйти,
Его по-церковному благословите,
А также вручите котомку и посох.
Вы разбираетесь в этих вопросах».

Баран королю сказал в ответ:
«Не знаю, вам ведомо или нет,
Что папа от церкви его отлучил,
И пока он прощенья не получил,
Нельзя над ним совершать обряд.
Поверьте, я бы, конечно, рад,
К нему я всегда чувства дружбы питал,
Но прознает епископ и — я пропал.
Епископ С в и н т у с безмерно строг,
Строг пробст П у с т о б р е х у с — храни его бог.
А декан В ы п и в а м у с! Не отвязаться!
Простите, я вынужден отказаться».
Король сказал: «Что за вздор ты болтаешь?
Или ты, может, меня не знаешь?
Если откажешь ты королю,
Я в церковь черта позвать велю,
Чтоб проповедь прочитал нам с амвона —
Что-либо из святого закона.
Причем тут епископ, пробст, декан?»

Иль не слышал ты, истукан, —
Он отправляется к папе, в Рим!
И мы его просьбу не удовлетворим?!»
Баран Беллин почесал за ухом,
Баран Беллин собрался с духом,
Он понял, что король сердит не на шутку,
И начал он, вопреки рассудку,
Читать молитвенные слова.
А Рейнеке-то их слушал едва.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

И вот остались минуты считанные.
Растроганный проповедью прочитанною,
Рейнеке посох берет и суму.
Теперь самое время всплакнуть ему:
По бороде бегут слезы притворные.
Сокрушаются сильно король и придворные.
Но злодея и вправду томит досада:
«Эх, всех бы их уколошить надо,
А то досталось всего двоим!»
(Браун разумелись и Изегрим.)
И он говорит: «Пора удалиться.
Всех вас прошу за меня молиться,
За меня перед господом богом поратовать».
И думает: «Самое время уматывать!
Еще вдруг что случится, неровен час...» —
«...Государь мой, дозволейте покинуть вас!»
Король говорит: «Мы расстроены сами
Сей предстоящей разлукой с вами.
Не до завтрашнего ли подождать утра?»

«Нет, — лис отвечает. — Увы, порал
Нельзя благое откладывать дело,
Хотя печали моей нет предела».
Король говорит: «Что ж, сын мой, Идите!
А вы все, как один, его проводите,
До той вон дороги дойдете с ним.
Лишь Браун останется и Изегрим!»
(Те двое в сырой темнице лежали
И Рейнке страшной смерти желали.)

Итак, королем обласканный вор
Покидает сейчас королевский двор.
Сейчас он пойдет дорогой прямою
С посохом странническим и сумою:
Ни дать ни взять истинный пилигрим
Смиренно следует в Иерусалим,
Где он нужен — ну, скажем, вроде,
Как пятое колесо подводе!
Да. Короля он оставил с носом,
Вопреки многочисленным, грозным доносам!
А обвинители — что за черт! —
Сейчас составят почетный эскорт.
И лис говорит: «Государь великий,
Не забывайте о гнусной клике!
Держите их на цепи, в тюрьме,
У них злодеяния на уме,
Одно другого страшней и кровавее.
Речь идет о вашей жизни и здравии».

Итак, кто столь хорошо нам знаком,
Идет по дороге, простак простаком:
Не то что не может писать и читать —
Не может, пожалуй, до трех сосчитать,
С наивным таким, небольшим умишком,

Он с виду жалок, опасен — не слишком!
Немного растрогались сопровождающие,
Искренне страннику сострадающие.
Он со свитой своею прощается
И к Лямпе, к зайчику, обращается:
«Не выразить никакими словами,
Чего мне стоит разлука с вами.
Проводите меня еще хоть немного,
Нелегкая мне предстоит дорога.
Вам и нашему другу барану
Со мной еще расставаться рано.
Вы никогда мне не делали зла.
У вас у обоих душа светла.
В дружбе вы искренни и постоянны,
Большой или малый — вам все желанны.
Отринув прочь суету греховную,
Всем сердцем постигли вы жизнь духовную,
Как велено господом, ближних любя.
Поверьте: я в вас узнаю себя,
Таким я был схимником в монастыре.
Об этой не раз вспоминаю поре!
Листьями только да травкой питаюсь,
Любовь вы постигли, от скверны спасаясь.
Не алча ни мяса, ни рыбы, ни хлеба,
Живете вы тихо, во славу неба».

И в этот коварнейший лисий обман
Поверил заяц, поверил баран,
И они проводили его до дома
В местность, которая нам знакома,
В Малепартус, в замок его родовой,
Где лисица себя уж считала вдовой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

О том, как Рейнеке заманил Лямпе в свой замок и убил несчастного зайца, а также, как он рассказывал жене о своем чудесном спасении

Возле ворот он простился с бараном.
«Дорогой мой Беллин, расстаться пора нам.
А милого Лямпе с собой я возьму.
Сделайте милость, внушите ему,
Чтоб он успокоил мою супругу:
Мы бесконечно привыкли друг к другу,
Будет ей очень, боюсь, нелегко
Одного отпускать меня так далеко».
И вот вместе с Лямпе он в замок входит,
Свою дорогую жену находит
Лежащей подле своих детей
В этой надежнейшей из крепостей.
Госпожа Эрмелина и вправду считала,
Что она безутешной вдовою стала,
Ибо муж не вырвется в этот раз —
Слишком был строг королевский указ,
Что живым он от короля не выйдет.
Но вот он вернулся. Она его видит.
Но посох при чем тут? При чем сума?
Не походил ли супруг с ума?
«Дорогой мой Рейнгарт, как вы одеты?»
Рейнеке ей говорит на это:
«Я чудом спасся, моя дорогая, —
Уж горло сжимала петля тугая.
Но государь мне жизнь даровал

И замыслы недругов наших сорвал.
Взяты в заложники Браун с Иэегримом,
А я отправляюсь в Рим пилигримом.
В возмещение обид, причиненных мне,
А тем самым и детям моим, и жене,
Нам коварнейший заяц Лямпе выдан.
Он смиренным своим не обманет видом,
Был я выслежен, предан и продан им.
И сейчас мы решим, как поступим с ним».

Лямпе, эту услышав речь,
Смекает: «Нужно немедля убежать!»
Но Рейнеке накрепко двери запер.
Лямпе в смертельном испуге замер.
От жуткого страха дыханье сперло.
Тут Рейнеке зайца схватил за горло.
Бедный Лямпе зовет барана:
«Смертельная нанесена мне рана!
Скорей! На помощь!» — но жадный лис
Уж горло несчастному перегрыз.
И говорит: «Ну, закусим зайчиною.
Мясо действительно замечательное,
За это я ему благодарен.
А так он был преотвратительный парень».
Лямпе и впрямь был на редкость вкусным,
Словно поваром был приготовлен искусным.
Рейнеке ел, Эрмелина ела,
При этом от наслажденья млела,
И молвит, чувствуя сытость в чреве:
«Королю спасибо и королеве
За это ни с чем не сравнимое блюдо».
«Кто Рейнеке тронет, тому будет худо! —
Говорит, нажравшись зайчиатины, лис. —
Козни врагов моих сорвались.
Никакая меня не осилит сила»,

«Но все-таки как, — Эрмелина спросила, —
Вы избежали ужасной кончины?»
«Этому разные есть причины, —
Лис говорит. — Я ушел от муки,
Использував самые ловкие трюки». —
И он ей все рассказал подробно,
Медведя и волка ругая злобно.

«Но, — лис говорит, — понимаю я:
Недолго ходить мне в друзьях короля.
Недолго мир между нами продлится.
Недолго нам с вами здесь веселиться.
Едва ужасный обман откроется,
Все благополучие наше расстроится.
Тут уже некуда будет деться.
Не откупиться, не отвертеться.
Повесят! Можете не сомневаться!
Один-единственный выход: смываться!
В Швабию. Дорога хоть нелегка,
Зато там никто нас не знает пока.
Ах боже, какие там водятся гуси,
Какие утки! Как раз в вашем вкусе!
Какие кролики, курочки, пташки,
Финики, фиги, изюм, фисташки!
А если б вы знали, какие там булки!
Ей-богу, Швабия стоит прогулки.
Великолепная еда!
Но еще великолепнее там вода.
Такие прозрачные, чистые реки,
Ей-богу, увидишь в кои-то веки.
А какие там дивные водятся рыбки —
Я их вам назову без ошибки:
Они именуются «пуллус» и «галлус»¹.

¹ Пуллус — молодой петушок, галлус — петух (лат.).

Запомнить бы каждому полагалось!
И воздух неслыханной чистоты,
Природа невиданной красоты!
И вот что я вам скажу в пояснение:
Король оттого даровал мне спасение,
Что я в последний миг, наугад,
Назвал ему место, где спрятан клад
Знаменитого короля Эрменриха.
Придуманно было и вправду лихо.
Клад, мол, ищите близ Крекельпюца.
Пусть глубже роют, не ошибутся.
Но, увы, как бы там глубоко ни рыли,
Ничего не найдут, кроме мха да гнили,
И могущественнейший король королей
Поймет, что обманут, как дуралей.
Но, когда он поймет, что он мной обманут,
Меня в тот же миг вновь к суду потянут,
И тогда-то уж точно я буду повешен,
Лучший трюк мой окажется безуспешен!
Все припомнят мне, ничего не забудут.
Ох, с каким удовольствием вешать будут!
Я это чуть было не испытал
И твердость воли в себе воспитал.
Однажды в лапы попав к палачу,
Второй раз повешенным быть не хочу.
Я вырвал мизинец из львиной пасти.
Мне опостытели эти страсти.
Давайте же поскорее скроемся
И на новом месте не хуже устроимся!»

Но попробуй в чем убедить жену!
«Зачем свою покидать страну?—
Воскликает госпожа Эрмелина.—
Самое страшное — это чужбина.
Чужбины нет ничего поганее,

Я не хочу уходить в изгнание!
У нас здесь хозяйство, у нас здесь дом,
Никуда отсюда мы не уйдем.
Что нам делать в краях чужедальных
Среди скитальцев многострадальных?
В конце концов у нас есть крепость.
Короля бояться — просто нелепость!
Допустим, начнет король наступление,
А у нас — укрепление на укреплении,
Есть тайные входы, тайные выходы.
Раньше срока бежать никакой нет выгоды.
В крайнем случае улизнем,
Коли попробуют взять огнем.
Не пойму, — продолжала мадам Эрмелина, —
Зачем вам Рим? К чему Палестина?»
«Ах, моя дорогая жена!
До чего же все-таки ты умна!
О странствии в Рим и не помышляю,
Когда столь удачно и здесь промышляю.
Пришлось короля успокоить сей баснею,
Ибо казни нет ничего опаснее.
А от ложной клятвы язык не отвалится.
Так что женушка пусть моя не печалится.
Безусловно, — и это имей в виду, —
Ни к какому папе я не пойду,
Не хочу я ни Рима, ни Иерусалима,
И никак не подходит мне роль пилигрима.
В общем, говоря иными словами,
Расставаться я не намерен с вами,
А король нападет — ничего, не заплачу:
Как-нибудь его, дурака, околпачу.
Оставлю дурака в дураках.
Посмотрим: кто у кого в руках».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О том, как баран Беллин ждал возвращения зайца Лямпе, как звал его домой и какую ложь он услышал от Рейнеке-лиса

Между тем преисполненный чувства долга Беллин ждет Лямпе. Да слишком уж долго! «Милый Лямпе! — кричит он. — Ах боже мой! Лямпе, где вы? Пора нам назад, домой! Не то, боюсь, король осерчает!» Рейнеке из-за ворот отвечает: «Беллин! Вам Лямпе сказать велит, Что пусть у вас душа не болит, С ним ничего не случилось худого, Даю вам в этом честное слово. Он просто задержался в гостях у тетки. Моя жена ему — тетка все-таки! Ступайте спокойно! Он вас догонит!» «Но сам я слышал: там кто-то стонет, Кто-то на помощь зовет: «Беллин!» Так мог кричать только Лямпе один!» Рейнеке молвит: «Как вы не поймете! Ведь он кричал, сострадая тете, Узнавшей, что я отправляюсь в Рим, А из Рима — далее — в Иерусалим. Моя супруга чувства лишилась, Вся моя семья всполошилась. И Лямпе наш закричал тогда: «Беллин, на помощь! Беллин, беда! Моя бедная тетушка умирает!» Так барана Рейнеке уверяет.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

*О том, как Рейнеке
обманул барана и как
тот сдуру попался в
ловушку*

И Рейнеке молвит: «Монаршье желание —
Чтобы я ему написал послание,
Письма ему посылал с дороги.
Здесь я нуждаюсь в вашей подмоге.
Мне хотелось бы дать вам поручение:
На вас возлагается писем вручение.
Что касается Лямпе, то он — у тети,
Целиком предоставлен ее заботе.
Уж она его кормит, она его поит!
За него тревожиться нам не стоит.
Пока я письма писал, он хозяйке
Рассказывал всякие старые байки».
Беллин сказал: «Я вполне понимаю,
Сколь важные письма от вас принимаю.
Но честно скажу: не хватает смелости.
Удастся ли письма доставить в целости?
Как бы печати не повредить!
Я вас обязан предупредить».

Рейнеке молвит: «Я вам советую —
Воспользуйтесь сумкой. Хотя бы вот этою,
Моею страннической сумой.
Пусть это вам будет подарок мой.
Сума из шкуры медвежьей сшита
И для писем — надежнейшая защита.
Вспомните о моем пророчестве:
Вас ждут при дворе огромные почести!

Сейчас мы в суму послание вложим
И короля бесконечно обрадовать сможем.
Я скоро вернусь. Обождите чуть».
Баран от гордости выпятил грудь.
Важнейшее дело ему поручается.
Очень недурственно получается.
(Не ведал, конечно, что лис провел его.)
Взял Рейнеке бедного Лямпе голову,
Оторванную голову сунул в суму
И с торжественным видом вручил ему,
Сказав: «Ступайте же смело! Мне кажется,
Крепко завязано — не развяжется.
Сами не вздумайте сумку вскрывать,
Иначе вам, помните, несдобровать!
В послании этом — важнейший секрет.
Смотрите же, не повредите пакет.
И можете смело сказать, не тая,
Что ваша — идея, а сумка — моя.
Вот уж тогда вам будет награда.
Придворная знать будет искренне рада.
Я, мол, придумал, а лис, мол, писал...»
От радости глупый Беллин заплясал,
Он, как дитя, запрыгал, заблеял:
Мечту о награде давно лелеял.
«Рейнеке! Вы — настоящий друг!
Принимая посланье из ваших рук,
Мне от души вам выразить хочется
Благодарность за предстоящие почести.
Вы необычайно меня поднимаете —
Себе в соратники принимаете.
И еще об одном прошу...» — «Попросите».
«Пожалуйста, Лямпе со мной отпустите».
«Нет, пока это невозможно.
Пока это чрезвычайно сложно.
Но никто нашего милого Лямпе не тронет.
Идите первым. Он вас догонит».

Беллин одно только вымолвить мог:
«Большое спасибо. Храни вас бог!»
И помчался вприпрыжку. Вот — молодец.
До полудня пришел в королевский дворец.
Король восклицает: «Боже ты мой!
С чьей это вы идете сумой?
Отвечайте: откуда у вас сума?»
«Рейнеке дал для доставки письма,
То есть вами требуемого послания,
Согласно августейшего пожелания.
Он говорил о важном секрете,
Который содержится в данном пакете.
Кстати, идея подсказана мной.
А Рейнеке шлет вам поклон земной.
Желает вам всяческого добра».
Король велит срочно позвать бобра.
Нотариус Бокерт — старый бобер —
Был чрезвычайно опытен и хитер,
Познаниями обладал пространными
И языками владел иностранными.
Был также Гинце-кот приглашен,
С тем, чтобы текст был при них оглашен.

ГЛАВА

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О том, как баран Беллин принес в сумке голову бедного Лямпе, сам не подозревая об этом

И вот соизволил король приказать
Бокерту с Гинце суму развязать.
Тут (какие бы подобрать слова?)
Выпала бедная голова

Лямпе, уже не раз упомянутого,
К ужасу короля обманутого.
Бобер сказал: «Заверяю сим,
Что покатилась к ногам моим
Из так называемого пакета
Голова горемычного зайца. Вот эта».
Король при прочтенье сего «письма»,
Признаемся, чуть не сошел с ума,
Он чуть было языка не лишился.
«Так вот он, мерзавец, на что решился!»
Действительно, не ждал он такого подвоха.
Королеве тоже тут стало плохо.
Король главу опустил на грудь:
«Так провести меня! Так надуть!»
И он разразился ужасным ревом,
Весь двор созывая сим гневным зовом.

Звери, узнав об ужасном деле,
Несчастливого Лямпе безмерно жалели.
Слышались горестные слова.
Но тут леопард — близкий родственник льва —
Велел приказать, чтобы зря не кричали, —
Нет особых поводов для печали.
Для чего так много зверей пришло?
Ничего еще, собственно, не произошло.
Еще ничего не случилось такого,
Главное: королева здорова.
Зайцы на то и нужны, чтоб их есть.
Другое плохо: задета честь.
В королевскую власть подорвана вера.
Велика опасность дурного примера.
Поэтому надобно твердой рукой
Порядок восстановить и покой.
«Ведь все здесь в конце концов ваши подданные,
Господом вам в подчиненье отданные».

Но король, воистину сам не свой,
Продолжал сокрушенно мотать головой:
«Нет, как я поверил слову злодея?
Может быть, был не в своем уме я?
Как мог я, злосчастнейший ротозей,
В тюрьму заточить своих лучших друзей —
Брауна совместно с Изегримом?!
Это мне кажется непостижимым.
Владеть ли собственным смею троном,
Ущерб причинив двум таким баронам?
Поверить в дешевый и подлый навет
Твари, которой подлее нет!
Во всем жена моя виновата.
Она взяла на себя роль адвоката.
Нашла неплохого себе протеже,
В убийстве виновного и в грабеже!»

Леопард сказал: «Огорчаться не стоит.
Ваше мщение промах ваш перекроет.
Всем, кому нанесена душевная рана,
В возмещение надо отдать барана,
Не так ли, всемилостивейший властелин?
Сообщник лиса — баран Беллин,
Подавший, как сам он признался, идею
Ее исполнившему злодею,
За свое преступное поведение
Должен быть отдан на съедение
Вместе со всеми другими баранами,
Равно здешними и чужестранными,
Семействам медведей и волков.
И так да будет во веки веков!
А что касается Рейнеке гнусного,
В убийствах, в подлогах, в обмане искусного,
То тут, полагаю, и думать нечего:
Из крепости надо скорей извлечь его

И без прощальных его речей
(Дабы он слух не смутил ничей),
Достаточно зная, каков его норов,
Повесить без всяческих разговоров».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

*О том, как Браун и
Изеграм были выпущены
из темницы и как
король, в искупление и
в возмещение, отдал им
барана вместе со всем
его родом*

Король леопарда поблагодарил
И тихим голосом проговорил:
«Немедленно освободить заключенных,
В темницу ошибочно заключенных,
И отвести этим двум баронам
Место рядом с монаршьим троном!
Затем созвать всех малых и старых
Рейнеке-лиса противников ярых,
Иными словами, созвать весь двор.
Герольды, скорей протрубите сбор!
Мы поведать считаем необходимым,
Сколь дружны мы с Брауном и с Изегримом,
Ставшими жертвой прямого обмана.
Затем мы должны покарать барана,
Который с лисом Рейнеке купно
Невинного Лямпе убил преступно.
Не уйдут от расплаты за вероломство
Ни сам баран, ни его потомство!

И еще раз мы подтвердить хотим,
Что не Браун виновен, не Изегрим,
А лис, который будет схвачен,—
И тогда считайте, что счет оплачен».

Леопард исполнил монаршьё веление,
Отворил темницу без промедления.
«Господа, вы свободны! Король вас просит
К нему во дворец! Извиненья приносит
И дает вам отныне законное право
Над любым бараном чинить расправу,
То есть над племенем всем бараньим
(Включая и тех, кто в возрасте раннем).
Сегодня и завтра, в лесу и в поле,
Хватайте их по государевой воле!
Вас Рейнеке-лис очернил клеветою.
Его изничтожить — дело святое.
Убейте жену его и детей,
Не опасаясь ничьих когтей!
Его и потомков его травите,
Ловите, давите, зубами рвите!
Жалость опасна и не нужна.
Святая расплата свершиться должна».

Так покончено было с бараном Беллином.
И если верить преданьям старинным,
То именно с этих вот самых пор,
Исполняя вынесенный приговор,
Волки люто враждуют с баранами,
Награждая их смертельными ранами,
В погоне за лакомым блюдом обеденным.
Баран Беллин был первым съеденным.

КНИГА ВТОРАЯ

*Ко двору короля при-
были на великий сбор
все звери и птицы, да-
бы обвинить Рейнеке.
Между собою они гово-
рили следующее:*

«Король созывает нас ко двору.
Опасную Рейнеке начал игру:
Глумиться посмел над монаршьей чстою,
Злоупотребивши ее добротю.
На лйса жалобы мы несем,
В надежде, что наконец спасем
Себя самих и своих детей
От беспощадных его когтей.
Он даже яйца у нас крадет!
Неужто он снова от нас уйдет?
Нет! Злодею не уйти от суда!
Спасенье — в сплоченьи! В разладе — беда!
Раньше бы следовало нам сплотиться,
Чтоб с этим извергом расплатиться.

Бесстыжий, кровавый, коварный вор!
Да будет вынесен приговор!
Сколько он всем причинил обид!
Он будет изловлен! Он будет добит!
На гнусного Рейнеке все мы сердиты,
Мы требуем от короля защиты.
Иначе зачем мы сюда пришли
Со всех краев и концов земли?
Все мы, бесспорно, согласны друг с другом:
Обязан злодей получить по заслугам!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*О том, как король со-
звал свой двор, куда
прибыли всевозможные
звери и птицы*

Пусть каждый, кто нашему внемлет рассказу,
Прочтя эти строки, узнает сразу,
Что великолепнейший королевский двор,
Существующий с незапамятных пор,
Приобрел особо роскошный вид,
Украшен флажками, цветами увит.
Со всех сторон шли гости богатые:
Четвероногие и пернатые.
Собрались молодые вместе со старыми,
В большинстве своем гости являлись парами.
Сходились звери, слетались птицы.
Гремели трубы, пели цевницы.
Дамы кружились с кавалерами,
Отличавшимися изысканнейшими манерами.

Вот и король. Королева при нем.
Прибывали гости ночью и днем.
Только Рейнеке-лис один не явился.
Да и кто бы этому удивился?
Лжепилигрим, как мы с вами видим,
Был почти каждым здесь ненавидим.
Опасную он продолжал игру
И даже не думал идти ко двору.
А при дворе танцевали и пели,
Чрезмерно пили, чрезмерно ели,
А такого торжественного турнира
Не знали с сотворения мира.
И пира не знавали пышной.
Вот восемь уже миновало дней.

Король восседал за роскошным столом.
Вдруг входит кролик, бьет челом:
«Государь всемогущий! Позорно предан
Тот, кто вам бесконечно предан.
С сотворения мира до наших дней
Предательства не было черней,
О чем узнать вам необходимо.
Малепартус заметивши, шел я мимо
И Рейнеке-лиса увидел стоящего
У ворот. Он похож был на настоящего
Пилигрима, в рубище был одет.
Мне казалось, читает он Ветхий завет,
И потому-то я был уверен,
Что он нападать на меня не намерен.
Я следовал дальше своим путем.
Представьте же, что случилось потом!
Он — хватъ меня злобно за оба уха!
Но я не теряю присутствия духа
(Хоть когти у лиса острые, длинные,—
Вот и гибнут жертвы, ни в чем не повинные!).
Схваченный за уши, я заорал,

Но вырвался все же. Представьте: удрал!
Разбойник знает свое ремесло,
Но мое проворство меня спасло.
Стало быть, жизнь мне господь даровал.
Но Рейнеке ухо мне оторвал.
Теперь при одном я остался ухе.
Вопрос не в одном поврежденном слухе,
Не только в ущербе и в возмещении,
А во вполне естественном возмущении!
Дело не только в полученной ране,
А в наглом предательстве и обмане!»

Кролик выслушан с полным вниманием.
Все полны были страстным желанием
Покарать преступного лиса сурово.
Тут берет господин Меркнау слово —
Доблестный вóрон, любимец ворóн:
«Государь, как ваш наивернейший барон,
Хочу доложить о гнуснейшем деле.
От ужаса каркаю еле-еле.
Сердце в груди вот-вот разорвется.
Кто на боль мою не отзовется?
Вот что сегодня случилось со мной.
С госпожой Шарфенэббе, моею женой,
Которая вам хорошо знакома,
Я рано утром вышел из дома.
Вдруг мы видим: вытянув ноги,
Рейнеке-лис лежит на дороге.
Пасть разинул, глаза закатил,
Не иначе, Рейнеке дух испустил.
Язык торчит, как у дохлой собаки,—
Внезапной кончины вернейшие знаки.
От скорби искренней я вскричал.
Чем я громче кричал, тем он тише молчал.
«Спасите, — кричал я. — Ах, мол, да ох!
На помощь! Рейнеке-лис подох!»

Так восклицал я нелицемерно,
Мне было Рейнеке жаль безмерно.
Я потрогал лоб его и живот —
Нет, я подумал, не оживет!
Он, видно, уже пребывает в небе.
Тут моя жена, госпожа Шарфенэббе,
Преисполнившись скорби, склонилась над ним.
Он был по-прежнему недвижим.
Стало быть, надо готовиться к тризне.
И все же хоть крохотный признак жизни
Еще надеялись мы найти,
Жена моя стала его трясти,
Клюв к губам его приложила.
Она беззаветно добро служила.
Но тут... за что?! — я бы вас спросил, —
Лис, «воскресши», ей голову откусил!
В превеликом ужасе я затрясся.
И меня б он сгубил, да я бегством спасся.
И лично видел, взлетев на сосну,
Как он доедает мою жену.
Добавлю, что ел он ее с аппетитом,
Как если бы от роду не был сытым.
И смею удостоверить: он
Мог бы сожрать еще пару ворон.
Ваше величество! Ваши сиятельства!
Нужны ли вещественные доказательства?
Я принес несколько перышек окровавленных,
На месте убийства лисом оставленных.
Разбойнику гнусному нет прощенья!
Промедленье здесь, собственно, вид поощренья.
Неучастие к потерпевшим несчастья —
Вид преступного соучастия.
Речь идет о монаршей чести,
За которую ответственны все мы вместе».

ГЛАВА ВТОРАЯ

*О том, как безмерно
разгневался король, вы-
слушав кролика и во-
рона, и о том, что он
сказал*

Король, заслушав сии показания,
Промолвил: «Ужасного наказания
Подлейший преступник не избежит!
Немедля казнить его надлежит.
Как мог погладить я по головке
Того, кто заслуживает веревки?
Как мог я поверить в его покаяние!
Да он окаянного окаянее!
Он — божий странник?! Он — пилигрим?!
С женою мы со стыда сгорим.
Мягкосердечье ее виновато.
Женская слабость. Но я-то! Я-то!
Советам женским, как известно,
Доверяться — увы! — не всегда уместно.
Однако хватит! На этот раз
Мошенник-лис не уйдет от нас!
Меня он более не одурачит!
Не я буду плакать, а он заплачет,
К какому бы он ни прибег подлогу!
Я полагаюсь на вашу подмогу!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О том, как король, пребывая в великом гневе, обсуждал со всеми зверями и птицами способ поимки Рейнеке к великому удовлетворению Изегрима и Брауна

Браун и Изегрим этим прениям
Внимали с великим удовлетворением.
Эх, только лиса бы свалить!
Только бы масла в огонь подлить!
Но рта раскрыть не смели гости.
Король пребывал в превеликой злости,
Рассудок совсем потерял от гнева.
Тут слово молвила королева:
«Любезный супруг мой, не слишком гневитесь!
Остыньте немного. Остановитесь.
Чтобы решение было зрелым,
Надо всерьез ознакомиться с делом,
Со всех его изучить сторон,
Не нанося правосудью урон.
Выслушать надо и обвиняемого,
Не однобоко ли мы обвиняем его?
Был бы Рейнеке здесь, среди нас,
Не знаю, кто что бы сказал сейчас.
Иной обвиняет его с азартом,
Но — *audi alteram partem!*¹
Вы говорите: он будет повешен.
Но разве один только Рейнеке грешен?»

¹ Выслушай другую сторону! (лат.)

Бывает, что обвиняют со злобою,
Скрыть собственные прегрешения пробуя.
Я считала Рейнке ловким, умным,
А что кончится дело скандалом шумным,
Я, разумеется, знать не могла.
Пожар этот вовсе не я разожгла.
Хотела бы все же заметить при этом:
Мы не раз прибегали к его советам,
И полезными эти советы бывали.
Прошу, чтоб вы этого не забывали.
Государь и супруг! Ах, давно пора нам
Относиться мудрее к нашим дворянам,
Уважать иной именитый род,
Понимая, что это не просто сброд.
Я Рейнке вовсе не обеляю,
Лишь о благоразумии умоляю».

После изложенной сцены снова
Леопард для реплики просит слова:
«Государь, я не вижу большого вреда,
Если Рейнке будет вызван сюда.
Оправданья, увертки, извинения
Укрепят лишь позицию обвинения,
Лишь в сознании собственной правоты
Мы заткнем его сторонникам рты,
И он будет раздавлен своей же виною.
Я согласен полностью с вашей женою».

Изеграм молвит: «Ну что же, пусть явится.
От виселицы он все равно не избавится.
Не стоит большого труда доказать,
Что лишь смертью можно его наказать.
А его отговорки и оправдания
Не заслуживают вообще никакого внимания,
Поскольку известно: цена им — грош.
Что б ни сказал он, все ложь и ложь!
Он не просто лжец! Он предатель! Иуда!

Впрочем, я помолчу покуда.
Неужели вы, государь, забыли,
Сколь низко вы сами обмануты были,
Когда, на свой мерзостный, лисий лад,
Он «открывал» вам, где спрятан клад!
Куда вас чуть было не занесло!
Близ Крекельпюца — под Гюстерло!
Не только вам лично, а всем дворянам
Оскорбленье нанес он своим обманом.
Мы с Брауном жизнью своей рисковали,
В цепи нас из-за него заковали,
Но мы дали себя бы четвертовать —
Лишь бы правда могла восторжествовать!
Мы, радея об истине, трон упрочим!
Но пока мы здесь спорим, он, между прочим,
Разбойничает по большим дорогам.
Это свидетельствует о многом.
Его вызвать на суд ко двору предлагается,
Чтоб его выслушать, как полагается.
Только что ж это он не хочет являться,
Продолжая по-своему «забавляться»?
Король сбор протрубил на весь свет —
А его одного почему-то нет!»

Король промолвил: «О нет, господа!
Мы не станем его приглашать сюда,
Чтоб потом, не дождавшись его, обижаться.
Дальше не будет так продолжаться.
Даю ему сроку шесть дней. А потом
Мы походом на крепость его пойдем.
Мы его Малепартус проклятый обложим
И все вместе с ним сладить сможем.
Надевайте латы! Берите в руки
Мечи, бердыши, алебарды, луки!
Каждый, кто рыцарем называется,
С этой минуты в поход призывается!»

На святое дело! На правую месть
Рыцарская нас призывает честь!
Что ж, заглянем в его жилище:
«Ах, вот как ты здесь обитаешь, дружище!»
Проклятый злодей не уйдет от суда!
Согласны со мной?» Все воскликнули: «Да!
Все согласны с возлюбленным государем!
Как один по зловредному лису ударим!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*О том, как барсук на-
правился к Рейнеке и
предостерег его*

Итак, заключил королевский совет,
Что Рейнеке будет держать ответ,
Что страшная участь ему суждена,
Что крепость будет осаждена.
Но среди принимавших участие в совете
Был Гримбарт-барсук, не желавший в секрете
От лиса приказ короля держать,
Он к Рейнеке решил побежать.
И взявши, так сказать, в руки ноги,
Помчался, бормоча, по дороге:
«Ах, Рейнеке, Рейнеке, бедный мой дядя!
Сколь скоро окажетесь вы в осаде!
Как же в такую вы влипли беду:
Ведь вы у нас самый старший в роду.
В совете всегда вы за нас заступались.
Нельзя допустить, чтоб вы так попались».
И вот настал долгожданный миг:
Малепартуса Гримбарт-барсук достиг.
Рейнеке встретил его у ворот —

Он стоял, улыбаючись во весь рот,
Поскольку словил только что двух юнцов —
Двух крохотных голубиных птенцов.
Из гнезда они вылетели впервые
(Еще когда они были живые),
Но на полет не хватило сил —
Вот тут-то Рейнеке их и схватил,
Считая охоту весьма удачною.
Вот он видит Гримбарта мину мрачную
И говорит: «Славный родственник мой,
Горячо обожаемый мной,
Не просто родственник — друг ближайший,
Прошу вас принять мой поклон нижайший!
Да вы, я вижу, в дороге вспотели!
Что это с вами в самом-то деле?
Может, какие-нибудь неприятности?
Но я счастлив вас видеть до невероятности!»

Гримбарт сказал: «Я прибыл сюда,
Чтобы сообщить, что грозит вам беда.
К сожалению, нет ничего хорошего:
Поклялся король превратить вас в крошево.
То, что ждет вас, всякой казни страшней.
Король дал сроку — всего шесть дней.
К великому он походу готовится:
Боюсь, вам, дядюшка, не поздоровится!
Луки, мечи, алебарды, копья
Собирают король и его холопья.
Все будет пущено против вас.
И никого не видно, кто вас бы спас.
Иезгим с Брауном снова в почете
(Надеюсь, что вы эту новость учтете).
Запас их ярости не иссяк,
Королем они вертят и так и сяк.
Иезгим, этот мерзостный живодер,
Внушил ему, что вы убийца и вор,

Он вам сильно завидует, я понимаю.
И надеется в маршалы выйти к маю.
Выступил кролик. Затем прибыл ворон:
Повлиял без сомнения на приговор он.
И я, к несчастью, не ошибусь,
Сказав, что безмерно за вас боюсь».

«Ах, пусть вас это не беспокоит.
Весь этот вздор ни черта не стоит.
Мне смерть, говорите, король сулит?
Меня это искренне веселит.
Что мне король и его советники?
Тупоголовые дурни и сплетники.
Вот, если я королю *посоветую*,
Пускай сочтут свою песенку спетою.
Угрозы и всяческие заявления
Бессмысленны до моего появления.
Пока я сам не пришел на совет,
До их разговоров мне дела нет.
Не станем тревожить себя пустяками,
Закусим-ка этими голубками.
Мясо на редкость свежее, сочное
(Тут отложишь дело самое срочное!).
Жевать не надо — тают во рту.
Я этих птичек особенно чту:
Прямо кровь с молоком! Извольте отведать.
Впрочем, самое время обедать.
Моя жена вам будет рада,
Но только рассказывать ей не надо
То, что вы сообщили мне.
Я целиком доверяю своей жене,
Но очень боюсь, что она расстроится.
А ведь все и так благополучно устроится.
Притом существует известное мнение:
Для сердца чрезвычайно вредно волнение.
А она к сердцу близко все принимает,

Так лучше пусть ни о чем не знает.
А завтра ранехонько, поутру,
Мы вместе отправимся ко двору.
Вы, надеюсь, как родственник мне поможете?
«И вы еще сомневаться можете?! —
Воскликнул барсук. — Ваш душою и телом,
С вами я связан общим делом!»

Рейнеке молвит: «Всерьез говорю —
Я вас за это отблагодарю».
Гримбарт сказал: «Как возьмете вы слово,
Все к лучшему переменится снова.
Леопард вам, клянусь, сочувствует втайне.
Поверьте: это существенно крайне.
Во всяком случае, это не мало.
Он настаивал, чтобы и волоска не упало,
Покуда не будете вы опрошены.
Ваши недруги были весьма огорошены.
Король на вас без сомненья сердит,
Но ваша речь его явно переубедит!
Что касается дражайшей его половины,
То она убеждена, что вы ни в чем не повинны»
Рейнеке молвит: «Я их не боюсь,
Поэтому смело суду отдаюсь.
Пусть только выслушают мое объяснение.
Я в этом вижу свое спасение».
Вот что Рейнеке-лис сказал.
Затем они оба вступили в зал,
Где хозяйка дома гостя встретила,
Добрым словом его приветила.
И они закусили голубками,
Приготовленными лично ее руками.
Но насытились, правда, едва-едва,
Голубков всего-то было два,
Будь их не два, а три или шесть,
Можно было бы больше съесть».

ГЛАВА ПЯТАЯ

*О том, что говорил
Рейнеке Гримбарту о
своих детях, и о том,
как на следующий день
Гримбарт и Рейнеке по-
шли ко двору*

И молвил Гримбарту Рейнеке-плут:
«А детки-то постепенно растут,
Подрастают, я говорю, наши детки —
Яблочки с нашей родимой ветки.
Ох, эти детки! Потешный народ!
Россель и Рейнхарт продолжают наш род.
Они уже начинают кормиться сами.
Целыми иногда часами
То ловят цыплят, то хватают кур.
Боюсь, прожорливы чересчур.
Но это не страшно, как уверяют.
Они, между прочим, прекрасно ныряют:
Сцапают чибиса или утку,
Причем, если сцапают — то не в шутку.
Что значит истинное воспитание? —
Детей научить добывать пропитание!
Все это им пригодится потом —
То, что добудут, пусть тащат в дом!
Я их на охоту охотно пускаю,
Но им в беспечности не поютаю.
Надо ушки держать на макушке:
Повсюду охотники, псы, ловушки!
Надеюсь, ребятки в меня пойдут,
Где надо — подластятся, где — нападут,
Отличаясь проворством и быстротою,
А также ума и когтей остротою».

«Великолепно! — воскликнул барсук. —
Вы постигли науку наук.
Вы достойны почета и славы
Потому, что вы совершенно правы.
Хорошо, когда дети идут в родителей.
Вы — победитель из победителей!
Я счастлив, что с вами в родстве состою.
На этом всегда я стоял и стою!»

«Ну что ж, — молвит Рейнеке. — Ляжем-ка спать.
Как вам с дороги-то не устать?»
И они улеглись всем семейством в зале,
Где им на пол душистое сено постлали.
Но только Рейнеке глаз не смыкал,
Что его ожидает, он все смекал.
Он думал о казни, думал о плахе
И оттого содрогался в страхе.
Как бы ему обхитрить совет?
Незаметно настал рассвет.
И, от волнения изнемогая,
Лис молвил супруге: «Моя дорогая,
Гримбарт мне давеча дал понять,
Что король меня желает обнять.
Так что вы, пожалуйста, не тужите,
Крепко хозяйство в руках держите
И не верьте, если насчет меня
Начнется вздорная болтовня.
Все будет в порядке. Все обойдется.
И дорогого мужа жена дождется.»

Она сказала ему тогда:
«С чего вас опять потянуло туда?
Король-то не очень вас привечает».
«Я знаю, — Рейнеке-лис отвечает. —
Поступил на меня гнуснейший донос:
Я еле-еле ноги унес.»

Если б вы видели, как я тряся!
Но, как вы сами видите, — спасся!
Иному злодейство в вину вменяется,
Но, к счастью, все на земле меняется,
И тот, кто был только что обвинен,
Вдруг числится в списке славнейших имен.
Итак, будьте счастливы! Дней через пять—
Не больше — я вас обниму опять».
И он с супругою распростился
И с Гримбартом в путь ко двору пустился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*О том, как Рейнеке
со своим племянником-
барсуком вновь пошел
ко двору короля и как
Рейнеке по пути испо-
ведовался*

И вот бредут они снова вдвоем.
«Большое смятение в сердце моем,—
Рейнеке говорит барсуку.—
Надеюсь, замыслы их пресеку.
И все ж не могу одолеть желания
Касательно нового покаяния.
Душа моя истинно опасается,
Что в прегрешеньях она не раскается,
Поскольку с прошлого покаяния
Совершил я новые злодеяния
И прегрешенья мои страшны.
У Брауна достойного со спины
Я вырезал целый кусище шкуры.

Вот она подлость моей природы!
А Изегрима и жену его смог
Лишить замечательных сапог.
Что значит: я лишил их сапожек?—
Живую кожу содрал с их ножек!
Совершая убийства и грабежи,
Я, как всегда, прибегал ко лжи.
С целью избавиться от суда
Я короля обманул без стыда
И даже владычицу нашу державную,
Что сам я виною считаю главной.
С наглостью беспримерной во взгляде
Я лгал им в лицо о каком-то «кладе»,
Который мною придуман был.
Зайца Лямпе я зверски убил,
Барану Беллину всучил его голову,
Чем подло под смертную казнь подвел его.
Несчастный кролик был мною схвачен
И для съедения предназначен.
Он уцелел по чистой случайности,
Чем я был расстроен до чрезвычайности.
Ворон все рассказал как есть:
Госпожу Шарфенэббе пришлось мне съесть.
Таковы примерно мои деяния
С момента последнего покаяния.

Да! Чуть не забыл об еще одной повести —
Она у меня, так сказать, на совести.
С волком пришлось бродить по тропинкам нам
Между Кокисом и Эльвердингенем.
И вот мы видим в один из дней:
Кобыла стоит, жеребенок при ней.
На травке пасутся они, вороные —
Намного черней, чем вороны иные.
Жеребеночку было месяцев пять.

А у волка одно на уме: пожрать.
Голод брюхо терзает дико.
Вот он и просит меня: «Сходи-ка,
Узнай, не продаст ли она жеребенка?»
(То есть, чтоб мать продала ребенка!)
Ну что же, думаю, милый друг,
Придется тебе устроить трюк.
Подхожу к кобыле и говорю ей: «Тетя,
Жеребеночка, часом, не продаете?»
Лошадь сперва удивилась немало,
А потом, взглянув на меня, отвечала:
«Дите — мое. Могу и продать.
Вам, видимо, хочется цену знать?»
Она — под левым моим копытом.
Подите — взгляните. Цена стоит там».
Ну, я разом, конечно, все разумею
И говорю: «Жаль, читать не умею.
И вообще-то не я — покупатель.
Покупатель, собственно, мой приятель —
Небезызвестный господин Изегрим.
Вы уж поговорите с ним».
Прихожу к Изегриму: так, мол, и так.
Он смеется: «Ну, это для нас пустяк!
Уж я-то прочесть могу что угодно,
Четырьмя языками владею свободно:
Немецким, французским, итальянским, латынью.
Так что нечего предаваться унынию!
В Эрфуртской школе я обучался.
Глубокими знаниями отличался,
Ученые старцы, что нам читали,
Меня особенно почитали,
И даже иной знаменитый философ
Глубине дивился моих вопросов,
Которые я же и разрешал,
Чем безмерно себя возвышал.
А где уж мной завоевана слава,

Так это, скажу вам, в теории права.
Мудреные я сочинял трактаты
И возведен был в лиценциаты.
Надеюсь, и этот «экзамен» сдам:
Пожалуй, взгляну-ка на цену сам.
И волк побежал к вороной кобыле,
О которой, конечно, вы не забыли.
Сколько, мол, стоит ваш жеребенок,
То есть, сколько вам отвалить деньжонок?
Кобыла ответила деловито:
Загляните, мол, под мое копыто
И тут же узнаете точную цену.
Вы себе представляете эту сцену?
Подняла кобыла заднюю ногу —
О, ужас! Ну прямо — труби тревогу!
Он видит подкову железную, новую, —
И — трах! — ему по башке подковою!
Бедный волк лишился сознания,
Несмотря на свои обширные знания,
Рухнул наземь, мозги растряс.
Очухался только лишь через час.
Зашевелился, завыл по-собачьи,
От боли, а также от неудачи.
Так он лежал, и так он выл,
Меж тем кобылы и след простыл.

Тут я подхожу с невиннейшим видом,
Наклоняюсь над немощным инвалидом:
«Как дела у господина барона?
А куда подевалась сия матрона?
По вкусу пришелся ли вам сыночек?
Могли бы оставить и мне кусочек.
Господин барон, да вы — привереда.
Вздremнуть желаете после обеда?
Что было написано под копытом?»

Ученым слывете вы знаменитым!»
«Не смейтесь, Рейнеке, надо мной!
Ужаснейшей я заплатил ценой.
Камень и тот бы меня пожалел.
Я воистину ошалел.
Какая ужасная незадача!
О, эта длинноногая кляча!
Ее отвратительное копыто
Пудовым железом было подбито.
Как стукнула — сразу свалился с ног.
Ни буквы там я прочесть не смог.
Пылает на голове моей рана.
Я — жертва злокозненного обмана!»

Вот об этой проделке мне долг велит
(Поскольку душа от стыда болит)
В порядке исповеди отчитаться
И с господом полностью рассчитаться».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О том, как Рейнеке исповедовался еще в нескольких грехах и как он пустился в размышления о дурных прелатах

Гримбарт сказал: «Сколь виновны вы!
Но мертвые, к сожаленью, мертвы.
Ах, лучше бы они были живы!
Грехи свои осознать должны вы.

Я сейчас вам, конечно, их отпущу
И, разумеется, не допущу,
Чтобы вас черти в смоле варили,
Поскольку вас к смерти приговорили.
Из бесконечных грехов ваших всех
Отпускаю вам самый ужасный грех:
Убийство Лямпе и эту голову!
Снимаю с вас груз злодеянья тяжелого.
И все же сей случай вам сильно подпортил.
Зачем был вам нужен весь этот фортель
С бараном и с заячьей головой?
Король из-за этого сам не свой».

«Все это вздор, — отвечает лис. —
Вы что, только сейчас родились?
Вы наших порядков, что ли, не знаете,
Если так сильно меня шпыняете?
Сегодня без плутовства не пробыешься!
Иначе вдребезги разобьешься.
Увы! В нашем мире жестоком, лукавом
Живем мы не по монастырским уставам.
Лямпе сам меня искушал:
Мельтешил, суетился, думать мешал,
Был хорош и Беллин-покойник...
Что ж, они страсотерпцы, а я — разбойник.
Но все эти зайчики и бараны —
Боже, какие они болваны!
Как неподвижны у них мозги!
А ты и тронуть их не моги.
Я церемониться должен с ними,
Возиться с душонками их дрянными!
В тот день, когда покидал я дворец,
Еще я верил (о, я глупец!),
Что они хоть немного мудрее станут.
Но в своих надеждах я был обманут.

Ближних, конечно, надо любить.
Но как, объясните, с таким быть?
Они не достойны и уважения!
Так что войдите в мое положение.

Впрочем, верно сказали вы:
Те, кто умерли, те — мертвы.
Давайте поговорим о живом:
В дурные мы времена живем.
Что ж это делается с прелатами?
Деньги они загребают лопатами
И подают нам дурные примеры,
Вопреки заветам Христовой веры.
Ну, а король? Разве он не грабитель?
Не он ли чужого добра любитель?
Ему, сидящему на престоле,
Одно бы только: урвать поболее!
А то, что урвать не успеет сам,
Медведь или волк приберут к рукам.
Но, скажите, хоть кто-нибудь их обличает
И участь их подданных облегчает?
Какой прелат, какой духовник
В сущность их грязных проделок вник?
Отчего это все языки прикусили?
Иль повинуются грубой силе?
Да нет! Они не мычат, не телятся
Потому, что награбленным с ними делятся.
Смолчал — и вот тебе новая ряса,
А не смолчал — неприятностей масса!
Попробуй пожалуйся! С гневом, с жаром!
Знай: только время потратишь даром.
Плевать на жалобы негодующих
Подлой ораве и в ус не дующих.
А главная истина такова:
Мы пребываем под властью льва,

Который хапать привык по-львиному:
Тащи не менее половины — ему!
По сравненью с ним мы бессильны и тощи.
Кто попрет против львиной мощи?
Он — повелитель, мы — народ,
Мы — преподносим, он — берет,
Он — правит, мы — во прахе лежим,
Поскольку ему мы принадлежим
С потрохами, а стало быть, и с имуществом,
Преклоняясь пред его бесконечным могуществом.
Известно: монарх — помазанник божий.
Если сделаться хочешь вельможей
И послужить своему желудку,
Послушно пляши под монаршую дудку.
И главное помни: побольше неси,
А уж после этого сам проси.
Изегрим с Брауном своим возвышением
Обязаны только своим подношениям.
Взятки с них, как говорится, гладки:
Все у них снова в полнейшем порядке.
Меня обвиняют в смертных грехах,
А Браун с Изегримом опять в верхах.
Грабить и воровать разрешается
Тем, кто над прочими возвышается.
Совесть у них чернее склепа,
Но им король доверяет слепо.
А мы — держи на запоре рты! —
Иначе лишимся их «доброты».
Если Рейнеке стибрит курицу,
Его величество тут же хмурится.
Рейнеке ищут, Рейнеке ловят,
Для Рейнеке виселицу готовят.
Если ты только мелкий воришка,
Тебе, разумеется, тут же крышка;
Что же касается крупных воругов,
То государь им — первейший друг.

Им розданы земли, им отданы замки,
Правят странною они да их самки,
Все государство к рукам прибрали,
А нам внушают, чтоб мы не крали.
Где ж поднабрался я мыслей дурных?
Да где же, собственно, как не у них?
Понять меня отнюдь не сложно:
Мне красть нельзя, а им, вишь, можно!
Сначала толкнуло меня на хищения
Чувство искреннего возмущения.
Отчего пошел я на воровство?
Оттого, что так делает большинство.
Что значат проповеди запоздалые,
Когда все воруют: большие и малые.
Конечно, страх существует божий,—
Не такой уж, поверьте, я толстокожий,
Оставаться приходилось и мне
С собственной совестью наедине,
После чего наступало раскаяние.
Но потом воруюешь еще отчаяннее,
Ибо стоит взглянуть на иных прелатов,
Как тянет, чужое добро припрятав,
Еще пограбить, еще урвать!
Иначе погибнешь — чего скрывать?
Что за время сейчас такое, —
Жить не дают в тишине да в покое!
Разумеется, есть попы и монахи,
Которые помнят о божьем страхе,
О божьих законах, о божьем гневe,
О сыне господнем, пречистой деве.
Есть средь всеобщего разложения
Прелаты, достойные уважения».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*О том, как Рейнеке
продолжал свою исповедь,
и о хорошем и дурном
духовенстве*

«Я, — продолжал он, — поклясться готов,
Что есть духовенство двух сортов.
Скажу, познавши дела земные:
Попы есть хорошие и дурные.
Одни постоянно впадают в грех,
И тогда их грехи на устах у всех.
Но бывает, и праведного попа
Чернит безжалостная толпа,
Которая лютою злобой пышет,—
Ему чужие грехи припишет.
Ах, слишком много в мире зла!
Вот оттого и толпа так зла.
Душам нанесено увечие,
Исчезло из мира добросердечие.
Настолько друг друга все ненавидят,
Что как бы нарочно добра не видят,
Не замечают хороших дел.
Горек стал праведников удел!
Миром загубленным правят жестоко
Распря, навет, предательство, склока;
Кража, измена, убийство, разбой
Сплелись, сдружились между собой!
А лжепророки, ханжи, лицемеры
Загадали жизнь свыше всякой меры.
Все взбесились! Все помешалось!
Злое и доброе перемешалось!
Кто здесь прав? Кто виноват?»

Как разобраться, какой прелат
Искренне господу богу служит?
Кто в ком лжепастыря обнаружит?
В чем зло, в чем добро? Никто не ведает.
Не верят тому, что поп проповедует.
В тяжком грехе не видят греха:
Все, мол, выдумки, все чепуха,
Что значит — грех, если сами священники
Гнусных грехов настоящие пленники,
Они, не боясь никого, грешат,
А нас геенной с амвонов страшат.
Иные тем меня поражают,
Что в грехах они пастырям подражают!

В Ломбардии уверяют жители,
Что их дорогие священнослужители
Позаводили себе бабенок.
А там, глядишь, родился ребенок.
В общем, живут, как в законном браке.
Поверьте: это — отнюдь не враки.
Живут семейно, растят детей,
А сами при этом святого святей.
Нравы, замечу, довольно мрачные.
Поповские эти детишки внебрачные
Отнюдь не обижены горькой судьбой,
Преуспевает из них любовь.
Они становятся с годами
Почтенными дамами и господами,
У них — положение, им — почет,
Весьма беззаботно их жизнь течет.
В чем дело? Не стану держать под секретом:
Денежки! Денежки правят светом!
Деньги, поверьте, главная сила,
Которая нынче весь мир взбесила.
Загляните в любой уголок земли:

Попы богаче, чем короли!
Пошлина, подать, арендная плата —
Все это нынче в руках прелата!
Во имя отца, сына и святого духа
Каждый аббат набивает брюхо.
Да, богатства у них беспредельные:
Принадлежат им наделы земельные,
Пастбища — их и мельницы — их,
Так чему нам, скажите, учиться у них?
Паства слепая и пастырь слепой —
Так и бредем незрячей толпой,
Слепо сойдя со стези добродетели,
Которую мы в слепоте не заметили!
Только дурное мы замечаем,
Только в дурном мы души не чаем,
Что же касается правды и святости,
То к ним относимся не без предвзятости.
Злом укрепляем мы силу зла.
Проклятого не разрубить узла!

Мир погрузился в пучину мрака!
Если ты родился вне брака,
То в этом, конечно, не виноват,
Тебе не за это дорога в ад.
Никто родителей не выбирает.
Но пусть из нас низость не выпирает!
Дело отнюдь не в твоём рождении,
А в нисхождении иль восхождении,
В том — добродетель или порок
Определяют твой жизненный срок.
Если священник добр и учен,
Доверием паствы он облечен.
А если, напротив, лицо духовное
Предпочитает житье греховное,
То над таким смеются миряне —

Это можно сказать заранее.
«Что ж это он добро проповедует,
А собственным проповедям не следует?»
Подобный пастырь внушает нам:
«Овцы Христовы, подайте на храм!
Да не оскудеет рука дающего!
В райские попадете кущи вы!»
А сам, между прочим, в церковную кружку
Лишнюю не опустит полушку,
И если весь этот храм развалится,
Он нисколько даже не опечалится.
Он думает лишь о питье, о еде.
И так происходит почти везде.
Праведный пастырь — весь в мыслях о боге,
Он лишь у господи ищет подмоги,
Дела и мысли его чисты,
Мирской он чурается суеты.
Не удивительно, что посему
Паства во всем доверяет ему.

Нет! Не думают о Христовых законах
Святоши — те самые, что в капюшонах!
О, несносные попрошайки,
Грабители из разбойничьей шайки!
Господу богу поют хвалу,
А думают сами: «Скорей бы к столу!»
Одного пригласишь — припрутся двое,
А то и троих приведут с собою.
Аппетиты воистину богатырские!
Все лучшие должности монастырские,
Как вам известно, заняты ими.
С чего бы иначе тянулись к схиме?
Ректор, библиотекарь, декан, настоятель —
Ниспошли им многие блага, создатель! —
Во всем различие: даже в пище.

Одним отвалят лучший кусище,
Другим так нальют пустой водицы,
За трапезу нечего и садиться!
Одни священники все успевают:
Они и крестят, и отпевают,
А другие всю жизнь проводят в безделье
(Пока промолчу про иные кельи).
А что говорить о папских легатах,
О пробстах, о прелатах, аббатах?
А что творят бегинки, монашки,
О чем они думают, божьи пташки?
В чем смысл их латыни? Да отгадайте:
«Мое мне оставьте, свое мне отдайте!»
Семерых не найдете из десяти,
Кто бы честно стремился душу спасти.
Да. Представителям духовенства
Безмерно далеко до совершенства».

Барсук сказал: «Дорогой мой дядя,
Должен заметить, к своей досаде,
Что вы, разобравшись в грехах чужих,
Свои забыли. Скажите о них!
Дорогой мой дядя, не объясните ли,
Что так дались вам священнослужители?
Какое до них вам, собственно, дело?
Чем духовенство вас так задело?
Я вас моложе, но тем не менее
Позвольте свое мне высказать мнение:
Будь то священники, будь то миряне,
Очиститесь все от душевной дряни!
Блюдайте достоинство, совесть, честь —
Неважно, кто вы такие есть!
Но, милый Рейнеке, своим языком
Вы меня сделали еретиком.
Меня поражают ваши познания.

Проникли вы разумом в суть мироздания.
Вам внятней сложнейших событий ход.
Вам, собственно, нужно бы дать приход,
Чтоб вы разъясняли нам, прихожанам,
Как жить на свете? идти куда нам?
Да я за счастье почел бы сам
Слушаться вас, исповедаться вам.
Я сам с безмернейшим увлечением
Внимал бы вашим нравоучениям,
Ибо пред господом все мы грешны́
И воистину наши грехи страшны́.
Так приближались они ко двору,
Что было Рейнеке не по нутру.
Дрожа от страха, он все же куражился
И молвил Гримбарту: «Я отважился!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как Мартын-обезьяна отправился в Рим, как он по пути встретил Рейнеке и как взялся вести его дела в Риме

Едва пронюхал Мартын-обезьяна,
Что Рейнеке за убийство, за наглость обмана
Вновь будет верховным судом судим,
Он решил немедля отправиться в Рим.
В мечтах смиренных о господе боге
Рейнеке встретил он по дороге:
«Во имя отца, сына и святого духа,
Не теряйте, дядя, присутствия духа!»

Рейнеке молвил: «Увы, опять
Меня решили оклеветать
Отъявленные жулики и воры:
Строчат доносы, плетут наговоры.
Ворон пожаловаться успел,
Что якобы я жену его съел.
Кролик — распространитель слуха,
Что я-де оставил его без уха.
Эх, если б я сам до монарха добрался,
Я тут же, конечно бы, оправдался,
Но обелить себя трудновато,
Когда отлученье с меня не снято.
Снять с меня грех мой, предельно позорный,
Вправе лишь настоятель соборный.
Как вам известно, волк Изегрим
И здесь губителем стал моим,
Когда из обители в Элемаре
Я пособил улизнуть этой твари.
Ах, положенье мое не поправится,
Покуда я в Рим не смогу отправиться,—
Но страшновато оставить одних
Жену и малых деток моих.
Боюсь, что погибнет моя семья!
Изегрим не даст им житья!
Да и вообще кругом лиходеи,
У коих нет другой идеи —
Только б семейство мое загубить.
Так посоветуйте: как мне быть?
Если б с меня отлученье сняли,
Может быть, все же словам моим вняли».

«Да я же как раз отправляюсь в Рим!
Не бойтесь. В обиду вас не дадим.
Вскоре затянется ваша рана,—
Лису молвил Мартын-обезьяна.—

Епископским будучи писцом,
Составлю бумагу и — дело с концом!
Я настоятеля вызову в Рим,
Где мы с ним по-свойски поговорим,
И тут же последует резолюция:
Полнейшее снятие грехов — абсолюция!
А там — пусть хоть сдохнет в сердечном припадке!
Я знаю Рим и его порядки.
В Риме живет мой дядя С и м о н —
Все что угодно спроворит он.
О ближних радеет он невероятно,
Но, разумеется, не бесплатно,
А за весьма солидную мзду.
Это надо иметь в виду.
В почете там господин В о р у с,
Доктор П л у т у с, профессор В з д о р у с,
Господин Ф л ю г е р, господин Г а д —
Называю лишь нескольких, наугад.
Хотите верьте, хотите нет,
Их главная сила в наличье монет!
Деньги, золото правят светом!
Плати́ и спасайся — все дело в этом.
Если золото к тебе течет —
Тебе уважение и почет.
О, эти волки в овечьих шкурах!
Говорят о формальностях, о процедурах,
Законы для нас составляют они,
А на уме — только деньги одни!
Даром ничто никому не дается,
Все покупается, все продается.
Заплатишь — и гнев на милость сменят
(Предварительно все, конечно, оценят).
Да вы поймите: за золотой
Кривда становится правдой святой!
Даже местечко в райских куцах
И то приготовлено для имущих.

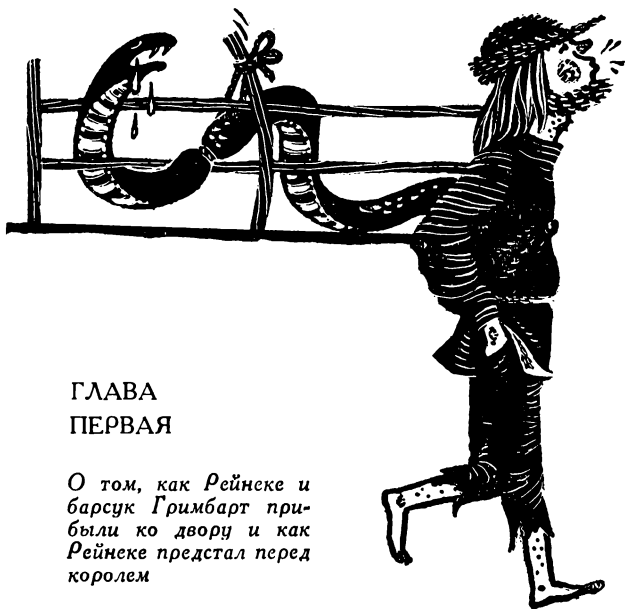
Ступайте, можете не беспокоиться!
Я взялся за дело, и все устроится.
Папская милость с вас грех сотрет
(Тем более деньги я выслал вперед).
А пока что скажу вам, как дяде и другу:
При дворе разыщите мою супругу,
Мою прелестнейшую **И з в о л ь**.
Ее обожает наш король,
И королева ее обожает
За то, что быстро соображает.
Итак, немедля ее разыщите:
Нуждается правота в защите!
У моей супруги есть две сестры,
Обе порядком умны и хитры.
При моей супруге — трое детей,
И родичей всяких полно при ней.
Могу заранее пообещать:
Все они ринутся вас защищать!
Верьте: в обиду вас не дадут!
А если вас не оправдает суд,
То я приму надлежащие меры,
В расчете на вам известные сферы:
Все государство, всех без исключения,
Ждет тяжесть папского отлученья!
Будь ты ничтожен иль будь велик там —
Всех задушу своим интердиктом!
Запрещу богослужения и обряды!
Сами будут, клянусь, не рады.
Вот это будет удар так удар!
Папа наш болен. Он слаб. Он стар.
Давно уже с ним никто не считается,
Хотя он по-прежнему папой считается.
Всем кардинал **О б и р а л у с** правит.
Крепкий мужчина! Любого задавит!
Он, так сказать, связан с дамой одной,
Которая в близкой дружбе со мной.

С ней передам кардиналу послание —
Он исполнит ее любое желание.
Все будет так, как она ему скажет,
И он супротивников ваших накажет.
Его писец — преподобный И а к о в —
Большой любитель денежных знаков.
Один из ближайших моих друзей —
Папский дворецкий, некий Г л а з е й.
Нотариус Л я п с у с — примите к сведению —
Тон задает всему правоведению,
Запомните: он далеко пойдет,
Не позже, думаю, чем через год.
Кого угодно сживут со света
Господин Д и н а р и й и господин М о н е т а —
Эти почтенные господа
Ни больше ни меньше, как члены суда!
Плутни да козни творятся в Риме!
Папа, конечно, не связан с ними,
Папа, конечно, здесь ни при чем.
Папа не ведает ни о чем.
Так не тревожьтесь ни в коем разе!
В Риме главное — это связи.
А таких знакомств, как у меня,
Вовеки не знала наша родня.
При помощи этакого знакомства
Грехи можно снять со всего потомства,
С народа целого, с целой страны,
Даже — шучу — с самого сатаны!
Пусть знает король, что в его совете
Сейчас нужны не болваны эти,
Кто не способен смотреть вперед,
А обезьяний да лисий род!
Пусть знает почтеннейшее из собраний:
Век нынче лисий да обезьяний!»
Рейнеке молвил: «Меня вы утешили,
Но очень хочу, чтобы меня не вешали.

И если чудом останусь жив,
Оценю благороднейший ваш порыв».
И он с Гримбартом дальше побрел ко дворцу,
Готовый к ужаснейшему концу.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О том, как Рейнеке и барсук Гримбарт прибыли ко двору и как Рейнеке предстал перед королем

Рейнеке вступил в королевский зал
И в крайнем ужасе увидал,
Что в зале враги его собрались.
Тут струхнул даже Рейнеке-лис.
И все же, отвесив поклон баронам,
Он гордо шагнул, чтоб предстать перед троном.
Да, весьма решительно он шагнул,
А барсук ему напоследок шепнул:
«Не будьте, Рейнеке, дуралеем!
Держитесь! Чувствую: одолеем!
Счастье нехоженой бродит тропой,
Смелого выручит случай слепой.
Надобно только бороться упорно».
Рейнеке молвил: «Вы правы бесспорно.

Я выйти отсюда живым хочу,
Выйду — вас я озолочу».

Он смотрит налево, смотрит направо
И рассуждать начинает здраво:
В зале — не только его враги
(Боже все милостивый, помоги!),
Да, не только враги его личные,
Но также друзья его закадычные.
И все же скольким он здесь насолил!
И как бы о милости ни молил,
Разве простят его мерзкие трюки
Выдры, бобры и даже гадюки?!
Но, верный, как прежде, хорошему тону,
Рейнеке скромно приблизился к трону.
«Господь всеведущий и всемогущий,
От гибели нас берегущий,
Государя нашего храни
И даруй королеве долгие дни,
В полной ясности их сохраняя разум,
Потому что не все, что мы видим глазом,
Соответствует истинной сути явления,
Как поблизости, так и на отдалении.
Не сразу постигнешь, кто прав, кто неправ,
Под какую личиной какой скрыт нрав.
О, как бы я благодарил судьбу,
Если бы у меня на лбу
Смогли бы вы мысли мои прочесть,
Если б узнали вы, что в них есть:
Не алчность, не подлость, не хитрость двуличная —
А только преданность вам безграничная!
Но я оклеветан своими врагами!
Хотят нас подло поссорить с вами,
Лишить меня вашего расположения:
Сплошные подлоги да искажения!
Но верю: вы меня не погубите.

Вы превыше всего справедливость любите.
Недаром молвят: король рассудит.
Все знают: так было, так есть, так будет!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

*О том, как Рейнеке
были прощены все его
преступления, особливо
то, что касалось вороны
и кролика*

Едва лишь звери о том прознали,
Что Рейнеке вновь в королевском зале,
Всяк устремился попасть во дворец,
Послушать, что скажет сегодня хитрец.
Да, любопытственно, что он скажет,
Как невиновность свою докажет?
Тут молвил король: «Эй, Рейнеке! Вор!
Тебе пустой не поможет вздор.
Неужто тягаться ты вздумал со мною,
Меня одурачив своей болтовнею?
Твоим словам мы узнали цену,
Изведав коварство, обман, измену.
Зря не старайся! Ибо вполне
Ты доказал свою преданность мне,
Когда вопреки совести и закону
Ты с мерзостной жадностью съел ворону.
А ухо кролику кто оторвал?
Хватит, разбойник! Попировал!
В преступленья ты уличен не мелком!
Конец наступает твоим проделкам!
Конец — злодейству, конец — обману!
Отчитывать больше тебя не стану».

Рейнеке думает: «Боже ты мой!
Надо вернуться живым домой.
Как бы там ни было, надо пробиться.
Только бы в чем-либо не ошибиться».
И он тогда тоном сказал хладнокровным:
«Если меня вы сочли виновным,
Велите тотчас же казнить меня!
Дальше жить не хочу ни дня.
К смерти жестокой душа готова.
Только дозвоьте сказать два слова.
Когда-то моим вы внимали советам,
Что ни для кого не являлось секретом.
Я вам советы давал недурные
И не бросал вас в беде, как иные.
Меня вы вините в убийствах да в краже,
А я все время стою на страже
Ваших владений, вашей страны.
Да будь за мной хоть капля вины,
Неужто б я вздумал сюда явиться?
Для того, чтоб в петле давиться?
Неужто в надежнейшей из крепостей
Не спрятался б я от незваных гостей?
Но я пришел сюда с Гримбартом вместе,
Не опасаясь жестокой мести
И не содрогаясь пред палачом,
Поскольку я не виновен ни в чем.
Не думал я о таком позоре.
Как раз в этот час я стоял в дозоре.
Но Гримбарт, видимо, неспроста
Снял меня, вам повинуюсь, с поста.
И я пошел без малейшей тревоги.
Мартын мне встретился по дороге.
Шел разговор о моем отлучении.
Большое я испытал облегчение,
Когда Мартын, направляясь в Рим,
Делом заняться решил моим,

Мол, ты ступай себе к королю,
А я грехи твои замолю —
Обо всем договорено уж с кардиналом:
Так что, как видите, дело за малым.
В Риме, как видите, грех с меня снят,
А здесь, при дворе, меня вновь винят.
Взаправду: нет омерзительней слуха,
Что оторвал я кролику ухо!
Все совершенно наоборот.
Кролик шел мимо моих ворот,
А я как раз в это время молился.
Меня он увидев, остановился.
«Доброго утра, — сказал, — желаю!»
Я, конечно, в ответ киваю.
Тут он сказал, что идет ко двору
И дойдет лишь к завтрашнему утру.
Я ему пожелал счастливой дороги.
Тут он сказал, что протянет ноги,
Потому что, сказал он, не ел три дня.
Пожалуйста, мол, покормите меня!
Я его приглашаю, конечно, в дом,
Мол, бога ради, прошу, пойдем,
Маслом и вишнями угощаю
(Мясо по средам есть запрещаю
Домашним своим и себе самому),
Итак, масло, хлеб, рыбу — все ставлю ему,
Но тут подошел мой младший сыночек
Взглянуть, не остался ли рыбки кусочек.
Тот, кто детские знает повадки,
Знает, что детям остатки сладки.
Итак, мой младший подходит к столику
И улыбается дяде кролику.
А тот как ударит его по губам!
Слава богу, вас не было там.
Кровь по лицу побежала ручьем.
Ну, рассердись! Но битье при чем?!

Кто в данном случае виноват?..
Тут Рейнхарт, увидев, что плачет брат,
Не просто плачет, а заливается
И кровью при этом еще обливается,—
Сам злому кролику дал тумака
С помощью собственного кулака.
Форменная началась потасовка,
Увы, получилось весьма неловко.
Я детям велел поумерить злость:
Как бы там ни было, гость есть гость!
Во всем этом нет ничего хорошего.
Но честно сказать, он отделался дешево.
Если б я их разнять не успел,
Не знаю, кто бы остался цел.
Подумаешь! Он лишился уха!
А кем устроена заваруха?
В драке не так достается порой.

Теперь расследуем случай второй.
Ворон здесь на меня насел,
Дескать, я жену его съел.
А все было совершенно иначе.
Ворон ко мне прибегает в плаче:
«Ах, — говорит, — умерла жена!»
«Отчего ж, — говорю, — умерла она,
Отчего она так внезапно скончалась?
Ведь отменным здоровьем она отличалась».
«Пришел я со скорбными новостями:
Рыбу она проглотила с костями...»
Дальнейших подробностей я не знаю
И, как говорится, знать не желаю.
Спросите — может, он не забыл, —
Не он ли сам ее и убил?
Никто не знает, никто не ведает.
Надо б его допросить как следует!

Когда бы дознание мне поручили,
Ответ бы немедленно получили.
Вороны взлетают настолько высо́ко,
Что их никак не возьмешь с наскока.
Спросить позволительно: где же свидетели,
Которые видели что иль приметили?
Кто видел, как я убивал или бил?
Пусть выступит тот, кто при этом был!
А голословное обвинение
Теряет какое-либо значение,
Согласно исконных дворянских прав.
Скажите, прав я или неправ?
Однако, поскольку свидетелей нст,
Пусть королевский решит совет
Без промедлений и без заминок
Назначить мне с кем-либо поединок,
То есть с кем-либо из достославных дворян.
Или я умру от полученных ран,
Или он умрет, если я не умру,
И тем подозренье с себя сотру.
Сей древний закон почитаем всеми.
Прошу назначить место и время!»

Бароны, услышав сии слова,
От удивленья застыли сперва:
Маневр был действительно крайне смелым.
Сникли и струсили первым делом,
Смертельного опасаясь ранения,
Два представителя обвинения,
Как сами вы поняли — кролик и ворон.
Уж больно грозный затеял спор он.
Оба, не проронив ни слова,
Ушли, чтобы не возвращаться снова.
Не знаю, кто первый шепнул: «Пойдем,
Мы с этим мошенником пропадем».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*О том, как огорчились
волк и медведь, когда
увидели, что кролик и
ворон отказались от
своей жалобы и ушли,
а также о том, как ко-
роль допрашивал Рей-
неке*

И волку тихонько сказал медведь:
«На этих трусов тошно глядеть».
Король сказал: «Господа обвинители,
Слово свое сказать не хотите ли?
Вчера я слышал сплошные жалобы,
Повторить сегодня не мешало бы
То, что вчера заявляли вы сами.
Вот он Рейнеке — перед вами!»
Рейнеке молвит: «Они не решатся.
Очной ставки лгуны страшатся.
Сбежали от честного разговора
Кролик и ворон — два гнусных вора.
Не стоит и слушать этих лжецов,
Хитрецов, подлецов, наглецов, льстецов!
Они оклеветают, кого захотят,
Даже того, кто предельно свят».
Король поглядел на него в упор:
«Эй слушай, наглый и подлый вор!
Не надобно мне объяснения длинного.
За что уничтожил ты зайца невинного?
Как мог ты столь низко меня обмануть,
Что в Рим отправляешься, в дальний путь,

Чтобы добиться грехов отпущения,
А сам облапошил меня без смущения?
И не Беллин ли — посланец твой —
Явился с заячьей головой,
Лично тобой злодейски отрубленной?
О, бедный Лямпе, невинно загубленный!
За столь ужасное поведение
Баран отдан мною волкам на съедение.
Теперь наступит и твой черед».
Но лис не смущается, знай себе врет:
«Как?! Лямпе погиб, убитый бараном?!
О, что я слышу! Разор! Беда нам!
Лучше бы мне на свет не родиться!
Господи! Стоило ль так трудиться?
Позор! Несчастье! Кромешный ад!
Ведь с ними вам я отправил клад —
Драгоценней какого не знали на свете!
И вот — пропали сокровища эти!
Баран злосчастливого Лямпе убил
И по дороге сокровище сбыл.
Как быть?! Что делать?! Куда нам идти?!
Увы! Ничего невозможно спасти!
Но Лямпе, Лямпе... Не по заслугам
Убитым быть загадочным другом?!
Какая ужаснейшая судьба!
Как нынче вера в добро слаба!
Какое правит миром коварство!
Господь, даруй ему свое царство!»

Но король его дальше слушать не стал,
Поскольку и так чрезвычайно устал.
Долго ли этой комедии длиться?
Он в свои покои решил удалиться,
Чтоб равновесие сохранить,
Ну, а коварного лиса — казнить!

И вот к королеве приходит король,
А у нее в гостях — госпожа Изволь,
Обезьяна — жена господина Мартына
(Весьма умнительная картина).
Изволь, отличавшаяся красотой,
Любима была королевской четой.
Будучи очаровательной дамою,
Она считалась и умною самою.
Итак, она всеми была обожаемой
И к тому же весьма и весьма уважаемой.
Не то что король, королева сама
Считала: острее не бывает ума.
Она обо всем судила строго,
И ее все побаивались немного.
Конечно, зашла и о Рейнеке речь.
Изволь посоветовала: *пренебречь*.
То есть даже не стоит доказывать,
Что Рейнеке не за что, в общем, наказывать.
Он, собственно, обезьяньего рода —
Таким сотворила его природа.
Во многом с покойным родителем схож —
Отец был главным среди вельмож
И был, как вы сами помните, чтим
Больше, чем Браун и чем Изегрим.
Заслуживает Рейнеке снисхождения
Хотя бы в силу происхождения.
Король сказал: «Дорогая Изволь,
Но мы-то ведь знаем, какую роль
Сыграл он в несчастного зайца погибели,
Вместе с Беллином, алкавшим прибыли.
Теперь он пытается отвертеться.
Но ему все равно никуда не деться.
Я твердо поклялся, что положу
Конец насилию и грабежу,
Краже, предательству и обману.
Больше щадить я его не стану!»

Мартышка сказала: «Вы суд учинили,
Не зная о том, что его очернили.
Он умный, честный, добрый, прямой.
Возьмите историю со змеей...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*О том, как обезьяна
рассказала историю о
человеке и змее, для
того чтобы вызвать в
короле расположение к
Рейнеке*

Король и впрямь огорошен был:
«Господи! Как это я забыл?!
Вы меня чрезвычайно обяжете,
Если историю эту расскажете».

Так вот вам история со змеей,
Рассказанная обезьяной самой.
Примерно два года тому назад
Змея заползла в королевский сад.
О попранном праве она шумела,
Пока не дознались до сути дела.
Змея чрезвычайно тогда сердилась.
Она с человеком одним судилась,
И тот человек со змеей вдвоем
Были приняты королем.
Шел действительно страшный спор.
Змея проползала через забор
И в потайную петлю попалась,
И так бы в той петле она осталась,

На этом свой закончив век,
Если бы мимо не шел человек.
Змея объяснять человеку стала,
Что страшная смерть для нее настала
И у него, мол, возможности нет ли
Ее извлечь из проклятой петли.
Человек сказал: «Мы живем не в лесу.
Что ж, ладно, змея, я тебя спасу.
От тебя нужна мне клятва одна лишь:
Пообещай, что ты меня не ужалишь!»
Змея, разумеется, поклялась
И, разумеется, тут же спаслась,
И, уже не испытывая тревоги,
Рядом они пошли по дороге.
Вдруг снова змея начала просить:
«Очень хочется закусить.
Ты послан мне, видно, самой судьбою.
Дай-ка я закушу тобою».
Человек изумился: «Прошел лишь час,
Как я тебя выручил, жизнь тебе спас.
Где ж благодарность твоя? Где честь?»
«Да при чем тут честь? Мне охота есть!»—
Змея человеку отвечала.
Он начал ей объяснять сначала,
Что она же клятву ему дала
Не жалить, не причинять ему зла,
Что все это даже слушать жутко,
Или, может, это дурная шутка?
А змея отвечала: «Нет, я не шучу.
Какая тут шутка? Я есть хочу!
А утоление чувства голода —
Священнее клятвы, дороже золота».
Человек сказал тогда: «Как же так?
Жизнь — это тоже ведь не пустяк.
Пусть первый встречный нас рассудит.
Как он скажет, так и будет».

И вот они отправились дале,
И вскоре вóрона увидали:
С К а р к а р о м встретились, стариком,
И с К л ю в и к о м — милым его сынком.
Внимательно выслушав обе стороны,
«Змея права, — заявили вороны,—
Потому что превыше всего — еда!»
Таково решение их суда,
Тем более, что и ворон, ими встреченный,
Не прочь был полакомиться человечинной.
Думали он и его сынок:
«Достанется, дескать, и нам кусок».
Человеку сказала змея:
«Процесс, выходит, выиграла я».
Тогда человек проговорил:
«Кто ж меня к смерти приговорил?
Разбойник-ворон? Нет, приговор
Пускай выносит не ворон-вор,
А несколько судей — пять или десять,
Способных совместно решение взвесить».
Змея согласилась. Двинулись снова,
Встретив медведя и волка лесного.
Два ворона, значит, медведь и волк
Обязаны взять это дело в толк,
Прийти к согласованному суждению,
Подлежит ли сей человек съедению.
Волк и медведь, не моргнув глазом,
Это дело решили разом:
«Как бы ни было дело кроваво,
Голод дает на съедение право.
Сытость на свете превыше всего.
Пусть она смело сожрет его.
А нравственность в том и состоит,
Чтобы вовремя удовлетворить аппетит».

Змея, находившаяся рядом,
Кверху взвилась и — брызнула ядом.
Человек отпрянул едва-едва
И произнес такие слова:
«Что мне медвежьи и волчьи законы?
Они безнравственны и незаконны.
Я об одном вас сейчас молю:
Предоставить решение королю.
И я подчинюсь августейшей воле
Монарха, сидящего на престоле.
Приму любое его решение —
Пусть даже жизни самой лишение».
И вот, в надежде закончить сей спор,
Явились на королевский двор —
Чего еще не бывало вовек —
Два ворона, волк, змея, человек,
Медведь и — добавить необходимо —
Два сына, два отпрыска Изегрима —
Ненасытик и Пустобрюх
(У обоих до крайности острый нюх).
Неведомому повинуюсь порыву,
Учуяли милые детки поживу.

Человек короля умолял о пощаде,
Змея шипела в тяжелой досаде:
Она-де себе пропитанье находит
И нельзя им воспользоваться, выходит?
Человек говорит: «За мое благородство
Меня же карают?! Какое скотство!»
Это, он молвит, немилосердно.
На голод змея напирала усердно.
Человек говорил о совести кротко,
Змея говорила, что голод — не тетка.
Король озадачен был этим спором —
Диспутом своеобразным, в котором
Схлестнулись две разные точки зрения

На содержание и смысл творения.
С одной стороны, человек был прав,
Законом своим милосердье избрав.
Но у змеи своя правота:
Каждая тварь должна быть сыта.
Что важнее: сытое брюхо
Или другое — величие духа?
И тогда короля осенило вдруг:
«А Рейнеке где же, советчик и друг?
Он и подскажет, он и укажет,
И пусть будет именно так, как он скажет».

Рейнеке с крайним вниманием вник
В спор, который здесь возник,
И все были рады его предложению:
«Вернемся к исходному положению!
Вернемся снова к исходной точке
Без промедления и отсрочки,
Совершим нечто вроде путешествия
К месту печального происшествия
И, всё это лично увидав,
Решим, кто прав здесь, а кто — неправ».
Так и было сделано. Скоро
Все встали возле того забора.
Вернуться в петлю змею заставили,
Рядом с ней человека поставили.
Решение Рейнеке означало:
Дело надо начать сначала.
Пусть в петле змея избавления ждет,
А мимо нее человек идет.
Если спасти он ее решает,—
Пусть никто ему не мешает.
А хочет в петле ее оставить —
Кто же может его заставить?
И он, не будучи глушцом,
Ушел восвояси и — дело с концом.

Так завершен был злосчастный спор,
Который помнят и до сих пор.
Все тогда Рейнеке благодарили,
О великом уме его говорили,
И если Браун (как Изегрим)
В схватке военной необорим,
То у обоих — ума нехватка,
Лишь *умственная* начинается схватка.
«Он всех умнее! Вот в чем соль!» —
Так говорила мадам Изволь.

Королева тоже согласна с ней:
«Кто всех смысленее? Всех умней?»
Поверьте, таких, как он, у нас мало.
Сохранить его нужно во что бы ни стало.
Что же касается медведя и волка,
То и в бою от них мало толка.
Весьма отважны вояки эти
Не в поле, а на военном совете.
Да и вообще, какой от них прок?
Хитрость — она, конечно, порок,
И Рейнеке не безгрешен тоже,
Но всяких праведников дороже.
Нельзя судить его слишком строго,
Да таких, как он, у нас немного.
В нем бесспорно нуждается государство,
Несмотря на проявленное им коварство».

На это, с миной весьма угрюмою,
Король ответил: *«Что ж. Я подумаю.*
Но что бы там ни было — он пройдоха.
От него только и жди подвоха.
Ворон, кот, Браун и Изегрим —
Невинные дети в сравнение с ним.
Конечно, всякое в жизни бывает.
Но он-то ведь грабит! Он убивает!

От него — насилье, разбой, разор.
Так чем же несправедлив приговор?
Ведь он убивает! Он ворует!
Ну, а потом в своем замке пирует.
Нет конца его страшным проказам.
Кто безухим остался, а кто — безглазым.
Нет! Простить его все-таки невозможно
Потому, что иначе поймут меня ложно».
«Пощадите его», — королева сказала.
Но король, осерчав, уже вышел из зала
К своим придворным, где большинство
Было не против лиса, а за него.
Да. Король увидел среди придворных
Родичей Рейнеке-лиса проворных,
Его многочисленных сторонников,
Теснившихся в толпе законников.
Но королевского слова ждали
И те, кто с Рейнеке враждовали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*О том, как король
вновь стал расспраши-
вать в присутствии чле-
нов суда об обстоятель-
ствах гибели Лямпе, и
о том, как Рейнеке бес-
стыдно лгал королю, в
надежде добиться оп-
равдания*

Король сказал: «Послушай, лис,
Объясни нам всем, кто здесь собрались,
Почему, сговоровшись с бараном Беллином,
Ты решил разделаться с зайцем невинным?»

И как понимать мне поступок твой
С отрубленной заячьей головой,
Умышленно присланной мне в пакете?
Что означают проделки эти?
Не нахожу я причины иной:
Ты надругаться хотел надо мной!»

Рейнеке взвизгнул: «О, горе мне,
Хоть погиб он не по моей вине.
Так знайте же правду: баран — предатель.
Тому свидетель — сам создатель.
Поправ вероломно законы братства,
Баран похитил мои богатства.
Мир не знал такого чудовища!
Но мир не знал и такого сокровища!
Баран украл небывалый клад.
Кто это чудо вернет назад?!
Неужто вся эта роскошь потеряна?»
Обезьяна сказала: «А я уверена,
Что сокровища можно еще спасти.
То, что потеряно, нужно найти.
Надобно только искать, искать —
Объездить весь мир, обойти, обскакать.
Духовенство опрашивать и мирян,
Мужиков расспрашивать и дворян.
И где-нибудь клад уворованный сыщется
(Обезьяна была превеликая сыщица).
Опишите, как выглядели предметы.
Назовите их основные приметы».
Рейнеке молвил: «Все без исключения
Предметы исключительного значения!
Они совершенно неописуемы —
Их не опишем и не обрисуем мы.
Ах, зачем я доверил все это им,
Тем глупым мошенникам двоим,

Не вняв совету родной жены!
Мы клад непременно найти должны!
Если я только оправдан буду,
Хоть с края света его добуду,
Все царства, все страны обойду,
Но вышеуказанный клад найду!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, как Рейнеке солгал о первом из якобы похищенных у него сокровищ, сказав, что это — перстень, украшенный драгоценными камнями, чьи чудесные свойства он расписывал с беззастенчивой ложью

Рейнеке молвил: «Ваше величество,
Из того несметного количества
Сокровищ, вам отправленных мной,
Остановлюсь на вещи одной.
Это был перстень, для вас предназначенный
И, к сожаленью, ныне утраченный.
Отчего у меня так душа болит?
Он из красного золота был отлит,
А внутри покрыт голубою эмалью.
(Черт бы побрал Беллина-каналью!)
Роскошнее я не видал матерьяльца.
На стороне, что касается пальца,
Еврейские нанесены письмена,

Которым великая сила дана.
Особенно выделялись три слова,
В кои смотрел я снова и снова,—
Полны таинственного значения,
Увы, недоступные для прочтения
Ни одному грамотею мира,
Лишь граверу А б р и о н у из Трира.
Это великий ученый еврей,
Коего трудно найти мудрей,
Его познания столь широки,
Что он знает все наречья и все языки,
А также все травы и все каменья —
Суть их истинного назначенья.
Только он взглянул на кольцо,
Как у него просветлело лицо:
Это кольцо полыхает огнем!
Слова, начертанные на нем,
Принес из господня рая Сиф,
Елей милосердия добыв.
Сказано: тому, кто сей перстень наденет,
Счастье во веки веков не изменит,
Ни молния не убьет, ни гром,
Вовеки болезнь не войдет в его дом,
Не властно над ним ни одно волшебство,
Долго продлятся годы его,
Не устрашится он ни мороза, ни зноя,
Не властно над ним лезвие стальное.
Вправлен был в перстень карбункул сияющий,
Любого болящего вмиг исцеляющий;
Кто бедствует, страждет, жестоко нуждается —
Мгновенно от этого освобождается,
С ним — такова его дивная власть —
Можно вмиг на край света попасть,
С ним вмиг объездишь все земли и страны,
Затянешь любые душевные раны,
Избудешь тяготы и невзгоды,

Пройдешь невредим сквозь огни и воды,
На камень взглянув натошак перед боем,
Из битвы жестокой выйдешь героем,
Уложишь противников более ста,
И душа твоя будет всегда чиста.
От злобы и ненависти избавится
Тот, кто жестокой завистью славится,
Бросишь на этот карбункул взгляд,
И — силу теряет смертельный яд.
В общем, не описать словами,
Что с этим перстнем потеряно вами!
Мне был он завещан отцом покойным,
Но я почел себя недостойным
Столь драгоценную вещь носить
И посему осмелился попросить,
Обратившись к барану Беллину,
Отдать его нашему властелину...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О том, как Рейнеке продолжал рассказывать лживые байки сначала о драгоценном гребне, затем — о зеркале

«Сокровища! Что с вами стало! Где вы?
Где гребень и зеркало для королевы?
Я их извлек из отцовского клада.
Смертельная точит меня досада:
Гребень и зеркало унесли —
Ценнейшие из сокровищ земли!

С женою, помню, мы ссорились часто:
«Отдай, мол, мне зеркало, гребень — и баста!»
А я отвечаю: «Увы, не вам, —
Я это моей королеве отдам!»
Королева прекрасна и добросердечна,
Ее доброту буду помнить вечно.
Она не только высокородна,
Но бесконечно умна, благородна,
Даже нечего и просить:
Сей гребень ей только одной носить
И в этом зеркале ей отражаться —
Красотою собственной поражаться!
Гребень сей был красив сверх меры,
Изготовлен из кости пантеры —
Зверя, который, как все мы знаем,
Живет между Индией и божьим раем.
Шкура пантеры — волшебных цветов,
Источает она аромат цветов.
Звери, этот запах учуя,
Бредут за пантерой, по чащам кочуя,
Ибо целителен запах сей
Для всех живущих в мире зверей.
Так вот: из пантериного ребра
Изготовлен был гребень светлей серебра,
Благоухающий дивной гвоздикой
И обладающий силой великою:
Здоровью нашему он пособит —
Он самый опасный яд истребит,
Так что и яд никакой не страшен.
Чудесным орнаментом был он украшен:
Переплетенье диковинных линий —
Золото с алой эмалью и синей.
Изображены похождения героя —
Париса, которого помнит Троя,
Как пред ним предстали во время оно
Паллада, Венера и Юнона.

Шел у них из-за яблока спор,
Общим считавшегося с давних пор.
Теперь каждая им завладеть хотела,
От Париса зависел исход всего дела,
То есть, кому лично яблоко он присудит,
Самой красивой считаться будет.
Сказала Юнона: «Меня признай —
Всех станешь богаче. Так и знай».
Затем Парису сказала Паллада:
«Уж будет тебе от меня награда.
Станешь могущественнее всех,
В жестоком бою тебя ждет успех,
Все твои враги тебя устроятся,
Друзья изменить тебе не решатся,
Свой меч ты омоешь во вражьей крови —
Только имя мое назови!»
И наконец Венера сказала:
«Иль у тебя богатства мало?
Или уже не троянский властитель
Гордый Приам — твой славный родитель?
А братья твои — Гектор и прочие?
Вспомни их грозные полномочия!
Мало ли вы покорили народов
Во время ближних и дальних походов?
Если ты мне отдаешь предпочтение,
Получишь то, что всего драгоценнее,
Получишь самый священный клад —
Высшую из земных усад:
Прекрасную женщину! Она
Чиста, благородна, красива, умна.
Что́ сила, что́ власть по сравнению с нею?
Весь мир позабыв, ты упьешься ею!
Ты бросишься к ней, весь любовью пылая,—
К прекрасной Елене, жене Менелая».
И Парис, ей поверив в полной мере,
Заветное яблоко отдал Венере.

Так бежала в Трою Елена с Парисом...»
Вот что было рассказано Рейнеке-лисом,
И он уверял, что сие изложение
Нашло искусное отображение
На этом гребне в картинках красивых
И в примечаниях красноречивых,
На гребне выбитых крайне умело,
В коих изложена вся суть дела...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*О том, как Рейнеке
в подкрепление своей
лжи рассказывает о
чудодейственном, пре-
красном и драгоценном
зеркале, о его достоин-
ствах и свойствах и о
различных историях,
изображенных на зер-
кальной раме, прежде
всего о человеке, лоша-
ди и олене*

«Ну, а теперь попросил бы вас
О зеркале выслушать мой рассказ.
Зеркало тайну в себе таило —
Не из стекла оно было, а из берилла.
Ничто не могло в нем не отразиться.
И все, что на белом свете творится
Утром и вечером, ночью и днем —
Можно было увидеть в нем.
Где оно нынче? Ищи-свищи!

У кого бородавки или прыщи,
В зеркало это глянут, бывало,
И всех этих прелестей как не бывало!
Его окаймляла рама прелестная.
Порода дерева — всем известная:
Сетím, что в силу своей нетленности
Вдвое дороже любой драгоценности.
Правда, что касается цен,
С сетимом сравнится лишь черный эбен,
Из коего некий искусник не зря
Коня смастерил для К р о м п á р т а-царя,
И хоть деревянный конь — не живой,
Живого он обгонял с лихвой.
Жаль, что вы не увидите сами,
Какие на этой зеркальной раме
Были рисунки изображены
И стихами забавными снабжены,
Где буквы, точки и запятые —
Все, без исключения, — золотые.
Начну с весьма интересной были
О некоей честолюбивой кобыле,
Которой хотелось без промедленья
Превзойти в быстроте самого оленя.
Согласно читанному мною стиху,
Кобыла является к пастуху:
«А ну-ка, садись на меня! Да живо!
Большая ждет тебя пожива.
Оленья кожа, рога и мясо.
Его мы догоним в течение часа».
Ну что же! Мужик послушался. Значит,
Сел на кобылу верхом и скачет
Тропинками горными и лесными.
Вскоре видят: олень перед ними.
Вот он — рядом! Хватай! Бери!
Но олень отпрыгнул, черт подери,
И — как повествует далее стих:

Они — за оленем, олень — от них.
Только кобыла его настигает,
Как олень все быстрее убегает.
Не то чтоб трудно, не то чтобы сложно,—
Догнать его попросту невозможно.
Выбилась бедная кляча из сил,
Да и пыл, разумеется, поостыл.
Говорит она мужику: «Довольно!
Слезь с меня. Утомилась больно.
Слишком уж эти олени скóры!»
Но седок в ответ как даст ей шпоры.
«Нет, — говорит, — скачи, да галопом!»
И погнал ее дальше по горным тропам.
Так лошадь с тех пор до скончанья века
Над собою признала власть человека.
Мы же с вами скажем, глядя на раму:
«Братцы! Не роите другому яму!..»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*О том, как Рейнке
рассказал про осла и
собаку, умножая число
лживых басен по пово-
ду зеркала*

«Вот что еще я на раме прочел:
Жила собака и жил осел.
В общем, были они да жили,
Одному богатею дружно служили.
Собака, конечно, жила, как в сказке:
В заботе, в холе, в тепле и в ласке,
Не раз у стола она сидела,

Досыта мясо и рыбу ела,
Не изнуряла себя постом —
Стоило только вильнуть хвостом,
Лизнет хозяина в руку или в висок —
Ей тут же бросают вкусный кусок.
А между тем ослу Болдуину
Тяжелая ноша давила спину.
От скудной еды в животе урчало,
Такое неравенство удручало.

«Откуда несправедливость такая?
Не я ль надрываюсь, мешки таская?
И, — размышлял осел Болдуин, —
То, что делаю я один,
Не сделать и десятерым собачкам,
Вопреки бросаемым им подачкам.
Что ж получается, господа?
Колючий репейник — моя еда,
Сырая солома — вместо постели.
Всю жизнь мне вслед насмешки летели.
Далее так не должно идти!
Главное: нужный подход найти.
Подлая лесьть этим миром движет:
Тот преуспел, кто ловчее лижет.
Хватит! Я ношу таскать устал.
Теперь и я поумнее стал.
Теперь я знаю, во всяком случае,
Как достигается благополучие!»
Стоял осел, рассуждал и — вот
Хозяин выходит как раз из ворот.
Осел завилял, замахал хвостом
И на хозяина прыгнул потом,
Пытаясь лизнуть языком его в щечку
(Два синяка — хоть делай примочку).
Затем полез целовать его в рот

(Хозяин решил, что сейчас помрет.
И верно: малость его спасла).
«Держите, — кричит он, — убейте осла!
Скорей! На помощь! Осел взбесился!
Осел на жизнь мою покусился!»
Что скажешь? Работы хватило слугам.
Конечно, осел получил по заслугам,
Крепко намяли ему бока
И в стойло загнали его, дурака.

Итак, осел остается ослом.
Зависть является страшным злом.
И, видимо, всем понятно без слов,
Что много у нас таких ослов:
Большое количество их обнаружено,
Почестей жаждущих незаслуженно.
На раме зеркальной гласят стихи:
Ежли пробьется осел в верхи,
То он столь же нелеп и столь же смешон,
Как свинья, что хлебает ложкой бульон.
Опасно ослов в верхи допускать.
Ослы на то, чтоб мешки таскать,
Питаться репейником, спать на соломе,
А не мечтать о собственном доме
Или о том, чтоб нажраться всласть.
Главное: не давать им власть!
Если осел стоит у власти,
Это — ужаснейшее несчастье.
Одни ослы будут жить прилично.
Иные сословия им безразличны.
К несчастью, среди правящих несть числа
Ослам, наподобье сего осла...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Здесь Рейнеке рассказывает третью историю, написанную на зеркале: о своем отце — старом лисе и о диком коте, коего он чернит как только может

«Государь, если я вас не утомил,
Вот вам третий рассказец. Он очень мил,
Краток и для пониманья не сложен,
В рисунках и в стихах он изложен
На той драгоценной зеркальной раме.
Дело идет о подлинной драме,
Случившейся как-то с моим отцом,
Когда он был еще юнцом.
Однажды, бредя по зеленому лугу
С Гинце-котом, они дали друг другу
Клятву — быть вместе во всем и везде:
В радости, в горе, в удаче, в беде,
Честно друг с другом добычей делиться,
И эта дружба должна продлиться,
Так сказать, до скончанья их лет.
Но вот напали на их след
Охотники со своими борзыми,
Быстрыми и бесконечно злыми.
Учуяв опасность, Гинце-кот
К отцу обратился, крича во весь рот.
Мол, дядюшка милый, в минуты эти
Мы крайне нуждаемся в добром совете.
Отец говорит ему в ответ:
«Что это значит: добрый совет?»

У меня советов целый мешок
(Так, по крайней мере, гласит стишок),
Могу поделиться любым советом,
Только дело сейчас не в этом,
Сейчас совсем не об этом речь,
А о том, как нам клятву нашу сберечь,
Как нам в беде пособить друг другу,
Излишнему не предаваясь испугу».
Гинце сказал: «Ну что ж, так и быть.
Уж я-то смогу сам себе пособить».
И вскоре залез на высокое дерево.
А ну, попробуй схвати теперь его!
Так он спасся от гончих псов,
Которые, выскочив из-за кустов,
Бросились за моим отцом.
Дело запахло плачевным концом.
Ватага охотников приближалась.
У лиса от ужаса сердце сжалось.
А Гинце, едва подавив смешок,
Кричит: «Не пора ль развязать мешок,
Куда вы благие советы спрятали?»
А, впрочем, смотрите — не поздноато ли?»

Несчастный отец мой спасался как мог.
А что он мог? Бежал со всех ног.
Шкура его истекала потом —
Охотники были за поворотом.
Гончие! Их словно ветер нес.
Отца моего прохватил понос.
Он скорость устроил с потерей веса
И дальше помчался, в гущу леса,
Он нору увидел в самую пору
И юркнуть успел в эту самую нору.
Так, вероломством друга волнуемый,
Спасся от смерти он неминуемой.
Понятно, что, перед отцом в долгу,

Я этого Гинце простить не могу,
И хоть много лет с тех пор миновало,
Его предательство вспомню, бывало,
И словно пропасть лежит между нами,
Согласно стихам и рисункам на раме...»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*О том, как Рейнеке
придумал новую байку,
якобы увиденную им
на зеркале,— историю
про журавля и волка*

«Была там картинка еще одна:
Рисует волчьи нравы она.
Волк, в соответствии с этой картиной,
Наткнулся однажды на труп лошадиный.
Скорее, это был лошадиный скелет:
Остались лишь кости, а мяса уж нет.
Но волка это ничуть не смущало:
Его сиятельство отощало.
Поэтому в приступе лютой злости
Волк принялся обглаживать кости.
И вдруг — о, ужас! — поперек горла
Застряла кость и дыханье сперла.
По всей округе гонцы скакали,
Лекарей знаменитых скликали.
Однако плачевнейшим был итог:
Кость извлечь никто не смог.
Какую бы волк ни сулил награду,
Не было с костью злосчастной сладу.

Лютке-журавль, услышав про несчастье,
К страждущему проявил участие.
(Кстати, он в красном берете ходил
И чем-то на доктора походил.)
Горестно волк возопил: «Тащите!
Нуждаюсь именно в вашей защите.
Несметным богатством вас одарю.
Поверьте мне! Истинно говорю!»
Журавль, внимая этому вою,
Тут же засунул свой клюв с головою
Бедному волку в раскрытую пасть,
Дабы не дать пациенту пропасть.
Кость извлек чрезвычайно проворно.
Однако волк завопил притворно:
«Ой, как болит! Что за ужас! Ой!
Беги отсюда, пока живой!
На этот раз я тебя прощаю,
Однако в другой раз — не обещаю.
Ты тяжкое мне нанес поврежденье,
Скажи спасибо за снисхожденье,
За то, что домой уходишь живой!»
Лютке в ответ покачал головой:
«Не гневайтесь, вы совершенно здоровы.
Но вы заплатить за лечение готовы?
Насчет оплаты я слов не слыхал».
Волк возмутился: «Каков нахал!
За что платить? За мое увечье?
Ведь это ж — глупейшее противоречье!
Он грязный клюв свой мне сунул в зев,
При этом больно меня задев,
Я запросто мог откусить ему голову,
Однако же пощадить предпочел его,
Хотя не простил бы родному брату...
Так кто с кого должен требовать плату?!
Я — с него или он — с меня?!»
И Лютке-журавль ушел, семеня.

Вот так проходимцы не ценят заслуг
Своих испытанных, верных слуг!
Все это на зеркале было изложено.
Ужель это зеркало уничтожено?
Бесценна каждая там виньетка.
Резьбу столь искусную встретишь редко.
Я считал, что мне слишком много чести
Владеть этой рамой с зеркалом вместе,
И решил отослать его нашей владычице,
Чья слава во всех веках возвеличится.
Помню, как детки мои огорчались,
Когда они с зеркалом разлучались.
Они перед ним резвились, глядя
На то, как болтаются хвостики сзади,
Любили корчить пред зеркалом рожицы.
Поверьте: от жалости к ним мне неможется.
Но разве я мог догадаться тогда,
Какая стряется с Лямпе беда,
А также с другом моим Беллином,
Как здесь утверждают, в убийстве повинном.
Но, потрясенный, рыдая над ним,
Спрошу: «А по праву ль его мы виним?»
День придет, настанет час,
И тогда узнает каждый из нас,
В чем тайная суть преступления кроется.
Когда-нибудь истина все ж откроется!
Кто был убийцей, кто воровал,
Кто у Лямпе сокровища вырывал,
Кто он? Кому он родней приходится?
Может быть, он в этом зале находится?
Может, пробрался он в высшую знать,
И мы не можем его узнать?
Да! Мы не знаем его пока,
Но его мы узнаем наверняка,
И перед лицом владыки верховного
Мы наконец назовем виновного...»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*О том, как Рейнке
разлагольствует перед
королем о заслугах сво-
его отца, и о том, как
отец короля был исце-
лен печенью семилет-
него волка*

«Мой государь! Есть всему предел!
Перед вами проходит множество дел,
Вникаете в каждое вы подробно,
Но память не все удержать способна.
Может быть, вы за делами забыли,
Какими друзьями отцы наши были.
Существует мнение такого рода,
Что всегда враждовали два наших рода,
А на самом-то деле — наоборот:
Дружили львиный и лисий род!
Да будет мне в прошлое экскурс позволен.
Ваш батюшка был смертельно болен
И в предвиденье близящегося конца
К себе призвал моего отца.
Смею напомнить, что мой родитель
Весьма замечательный был целитель,
Новые средства леченья открыв.
Спустить мочу, проколоть нарыв,
Зуб удалить иль наладить зренье —
На все у него хватало уменя.
Но вы, конечно, забыли его:
В ту зиму вам было три года всего.

Ваш августейший отец умирал.
Он множество лекарей перебрал,
Известных и, можно сказать, безвестных,
Римских светил и целителей местных,
Но так и подняться не смог с одра,
Как видно, пришла умирать пора.
Призвали тут моего папашу.
«Болезнь,— говорит,— излечу я вашу,
Но для начала взглянуть хочу
На августейшую вашу мочу.
Извольте, пожалуйста, помочиться,
Ну, а потом уж начнем лечиться!»

И вот, в соответствии с притчей печальной,
Изображенной на раме зеркальной,
Родитель мой тогда произнес:
«Да... Вы больны... И притом — всерьез.
Вы в самом деле у двери гроба:
Сплошную кровь показала проба.
И все же искомое средство есть.
(Какое? — На зеркале можно прочесть!)
Это — заветное средство таинственное,
Верное средство, к тому же единственное —
Печень семилетнего волка.
Иначе мы не добьемся толка».
Волк, стоявший в кругу приближенных,
В мысли печальные погруженных,
Весь затрясся от этих слов,
Он в окошко выпрыгнуть был готов.
«Вы слышали? — волку сказал ваш родитель.—
Печень свою мне не отдадите ль?
Все же придется вам с нею расстаться,
Иначе кончусь я, может статься».
Волк пролепетал в ответ:
«Мне покамест всего пять лет.

Чтоб моя печень могла вас спасти,
Мне еще нужно два года расти». —
«Ах вот как! Ну это не вам решать,—
Сказал король. — Попрошу не мешать
Моему быстрейшему излечению.
Ваша печень сейчас подлежит извлечению,
А сколько вам лет, мы определим
По вашей печени — как удалим». —
И волк на кухню побрел печально,
Там печень ему вырезали моментально.
Едва король эту печень съел,
Как в ту же секунду повеселел,
Сняло хворь с него как рукой,
Он снова счастье обрел и покой.

Мой отец был в ту пору в большом почете
(Об этом на зеркале прочтете),
При дворе его привечали,
«Господином доктором» величали.
В вельможном кругу, представляя науку,
От короля сидел он по правую руку
И — помню — носил до старости лет
Золотую пряжку и алый берет,
Покойным родителем вашим подаренный.
А я перед вами стою как ударенный.
Сейчас иные пошли времена,
Упала на преданных слуг цена,
Ни верность, ни доблесть не помогают.
Одних только выскочек выдвигают.
Как говорится: «Из грязи да в князи!..»
Не подступиться к иному пролазе —
От чванства глупого нос дерет,
А если подступишься — обдерет.
Уже невозможно подать прошение
Без крайне солидного подношения.

Не поднесешь — так не проси;
А поднесешь — так еще неси.
Сколько волков развелось кровожадных,
Алчных, завистливых и беспощадных!
Верша надо всеми неправый суд,
От себя ни крошки не отдадут;
В жажде добычи по свету шаря,
Ничем не пожертвуют для государя,
Как тот, упомянутый выше волк,
Не пожелавший исполнить свой долг.
А по мне, пусть хоть двадцать подохнет волков,
Лишь бы монарх наш был жив-здоров.
Пусть сколько угодно волков околет,
Только монарх пусть ничем не болеет,—
Разумеется, все, что мной произносится,
К его венценосной супруге относится.

Государы! Эту повесть минувших лет
Давно уже позабыл весь свет.
Вам, конечно, вспомнить ее трудновато,
Ибо лет вам было тогда маловато.
Но я-то историю эту знаю
И с восхищением вспоминаю
Величье и роскошь того двора,
Как если бы все это было вчера.
Все, что мной сказано, слово в слово,
На зеркале воспроизведено толково
В мозаике из драгоценных камней,
Как мудрая повесть далеких дней.
Все изложено чрезвычайно внятно.
Жаль, зеркала нам не вернуть обратно!..»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О том, как Рейнеке продолжал лгать, пытаясь обелить себя и очернить других, а именно: рассказ о том, как волк и лис сообща поймали свинью и теленка

Король сказал: «Ну, Рейнеке, ладно.
Говорить ты умеешь довольно складно.
Признаюсь, я слушал с большим вниманием,
Захваченный давним повествованием.
Много ты своему отцу приписал добродетелей,
Хотя не осталось живых свидетелей
Истории, ныне тобою рассказанной,
Так что трудно ее объявить доказанной.
Итак, свидетели не сохранились живые,
Да и сам я об этом слышу впервые.
Но при чем здесь наши с тобою родители,
Если только и слышишь, что все вы — грабители,
Если род твой чернит любой?
Не накинешь платок на роток чужой!
Допускаю, что здесь и клеветы, и сплетни,
И слушки, что достаточно долголетни,
Но объясни положение такое:
Почему говорят о вас только плохое?
Почему — вопрошаю снова и снова —
Никто не сказал о вас доброго слова?
Неужели вы только всю жизнь грешили
И поступка доброго не совершили?..»

Рейнеке молвит на свой манер:
«С удовольствием приведу вам пример

Того, что я, а никто другой,
Совершил поступок весьма благой.
Быть слугой вашим верным сулил мне рок —
Не сочтите слова мои за попрек.
Где только нужно и где только можно,
Служу вам преданно и надежно,
Каждый день и каждый час
С безмерной любовью пекусь о вас.
Надеюсь, что вы еще помните сами,
Как собственными своими зубами
С Изегримом (в чем его не виню)
Загрызли жирную мы свинью,
Дабы полакомиться свининой.
Тут вы с августейшей своей половиной
Явились, оказав нам высокую честь,
Молвили, что хотите есть.
И спросили, исполненные величия,
Не поделится ли мы с вами добычею.
Изегрим процедил сквозь зубы тогда
Нечто, напоминавшее «да».
Но сей непочтительнейший ответ
Можно было понять, как «нет».
Тут я вмешался: «Все что угодно
Вы вправе взять совершенно свободно!
Свинья, которая здесь лежит,
Вам по праву полностью принадлежит,
Да если б тут было целое стадо,
Мы бы и стадо отдать вам рады».
Вы, как только тогда я умолк,
Изволили молвить: «Пусть делит волк!»
И тотчас же волк приступил к дележу,
Вернее, к бессовестному грабежу:
Четверть — вам, королеве — другую
(Поверьте: я и сейчас негодую!),
А половину себе забрал
И тут же чуть ли не всю сожрал.

Вот какие бывают низкие души!
Мне достались одни только ноздри и уши
И, кажется, половина легкого:
Не располнеешь от ужина легкого!
Меж тем и вы свою долю съели,
Однако насытились еле-еле
И вместе с женой венценосной ждали,
Чтоб вам еще хоть что-нибудь дали.
Почему бы не дать хоть еще кусок
Тому, кто столь безмерно высок?
Изегрим видел: вас мучит голод,
Но в сердце у волка один лишь холод,
А душа его чрезвычайно низка —
Он не добавил вам ни куска,
Продолжая долю свою уписывать
(Мне, право, все это больно описывать).
Наконец, вы, лапу воздев громадную,
По макушке огрели гадину жадную,
Кровью поганая плешь сочилась.
Смекнул негодяй, что беда случилась.
Крутя окровавленной головою,
Он затрусил скуля и воя.
А вы закричали: «Назад! Садись!
И собственной жадности устыдись!
Научись делить и умеи делиться!
А не научишься — буду злиться.
На этот раз господь тебя спас,
Легко отделался... А сейчас
Беги и добудь побыстрее нам еду!»
Я молвил: «Дозвольте и я пойду!
Мне ведомо, где найти пропитание.
Я с честью выдержу испытание».

И вот побежали мы с Изегримом,
Тяжелым раненьем и болью томимым.
Он по дороге стонал и выл.

Теленок мной вскорости пойман был.
Я знал, вы — любитель телячьего мяса,
От него — удовольствия масса.
И действительно: не было в том ошибки,
Ваше лицо расплылось в улыбке,
Когда примчался я с этою ношею,
И вы убедились: мясо — хорошее.
Теленок вами был получен,
А дележ теленка был мне поручен.
Ну что ж, взгляните, как я делю:
Одна половина идет королю,
Королеве — другая идет половина,
Сердце, печень и легкие — для их сына.
Себе оставляю я при дележке
Всего четыре телячьих ножки,
Голову получает волк —
Во вкусной пище он знает толк!
Дележ понравился, я гляжу.
«Кто тебя, Рейнеке, учил дележу
С соблюдением всех придворных правил?»
С ответом я ждать себя не заставил.
«Сей муж!» — с почтением я сказал
И на волка побитого указал.
«Когда он свинью делил, я извлек
Презамечательнейший урок,
Которому искренне сердце радо.
Я понял тогда, как делить *не надо!*»
Ответ мой был, полагаю, толков.
И все же сколько у нас волков
Прожорливых, жадных, дьяволу проданных,
Готовых сожрать даже собственных подданных!
Горе стране, где стоят у власти
Гнусные волки различной масти,
Несчастливы те земли и те города,
Где волки — всеильные господа!
А я живу по другим законам:

Прежде всего — трепещу перед троном,
Среди обитателей мира сего
Для меня король мой — превыше всего!

История про свинью и теленка
И малого убедит ребенка,
Что именно Рейнеке — не Изегрим —
В верности трону несокрушим;
Что волк не только подл и коварен,
Но исключительно неблагодарен,
Поскольку вы предпочли его мне:
Он ведь главный лесничий у нас в стране.
Ему — почет, ему — и отличия,
А вам от него — одно безразличие.
Он только о собственном брюхе хлопочет,
А о монархе своем и думать не хочет.
Браун и Изегрим здесь — обожаемые,
А Рейнеке вместе с семьей — обижаемые.
Да, государь! Здесь меня обвиняют,
Ужасные вещи в вину мне вменяют,
Смертью готовы меня наказать,
Но вину не могут мою доказать!
Я требую от этой клики:
Пускай они предъявят улики!
Пускай пред вами предстанут свидетели,
Кои хоть что-либо заприметили!
Пусть, чтобы даром не горячиться,
Обвиняющий меня поручится —
Коли дела не хочет кончить добром —
Ухом, жизнью своей или добром.
Я то же самое выставляю,
О чем здесь торжественно заявляю.
И, надеюсь, только тот победит,
Кто ваше величество убедит.
В моем сугубо законном праве
Никто мне здесь отказать не вправе».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Молвил король: «С правосудьем в ладу,
Предоставим дело решать суду.
Это стремленье во мне исконно:
Всегда и везде поступать законно!
Будешь, не будешь ли ты повешен —
Уверяют: ты в гибели Лямпе замешан.
Бедного зайчика я любил,
Да и баран мне любезен был,
И какое же я испытал огорчение,
Когда пережил головы вручение!
Не к тебе протянулись незримые нити ли?
Отчего же молчат господа обвинители?
Кто попросить желает слово,
Чтобы Рейнеке заклеить сурово?
Почему я не вижу здесь никого,
Кто бы посмел обвинить его?
Тогда я Рейнеке вновь прощаю
И милость ему свою возвращаю.
Я верю — он верноподданный истинный,
Что является непреложной истиной.
Однако — подчеркиваю — тем не менее
Желающие предъявить обвинение
Имеют здесь полное право выступить,
С условием — надежных свидетелей выставить».

Рейнеке молвил: «О государь!
Вам подсудна самая малая тварь.
Я, кто здесь перед вами стою,
Своей благодарности не таю,
Припадаю я к роднику чистейшему —
К милосердию вашему августейшему.
Я снова готов подтвердить под присягой,

Что не я расправился с Лямпе-беднягой,
А также, что гибель Беллина-барана
Мне сердце терзает, как злая рана.
Если б я знать, если б ведать мог,
Что грозит им опасность — я им бы помог!..»
Так плел наш Рейнеке басню за басней.
Никто не умел говорить прекрасней.
Он стоял так грустен и так несчастен,
Как если б действительно непричастен
Он ко всей истории был
И не он злосчастного зайца убил.
Затем опять, в притворной досаде,
Он речи повел о похищенном кладе,
Почти всех присутствующих убедив,
Сколь его лживый рассказ правдив.
Некоторые даже его утешали
(Чем, кстати, немало его потешали),
А слезы все лились у него и лились...
Король сказал: «Вот что, Рейнеке-лис,
Слезами горю мы не поможем,
А клад навеки утратить можем,
Сокровища могут порастаскать.
Одно остается: идти искать.
Расспрашивать надо о них повсюду.
И почему б не случиться чуду,
Вдруг нападешь ты на верный след...»
Рейнеке-лис произнес в ответ:
«В моем несчастье — одно утешенье:
Вами принятое решенье.
Пусть я благодарственных слов не найду —
Украденный клад я искать пойду,
В своем усердии не устану,
Хоть на краю света его достану,
Выспрашивать буду каждого встречного,
Пока не добьюсь успеха конечного.
Обязуюсь искать я денно и ночью,

Хотя здоровье мое маломощно.
Лишь об одном бы вас я просил:
Если вдруг у меня не хватит сил
Сокровища найденные отобрать,
В подмогу мне снарядите рать.
И за усердые одна мне будет награда:
Возвращенье владельцу законного клада!»

Король был той речью весьма доволен,
Рейнеке был от дознанья уволен,
И мог тотчас же идти восвоеси,
Имея хоть тысячу дней в запасе.
Вопрос о Лямпе остался вопросом,
А король, как видим, остался с носом.
И только волк — господин Изегрим —
Не мог примириться с исходом таким.
Он, как всегда, скрежетал зубами,
К королю обратившись с такими словами:
«Ваше величество, неужели
Вы обманщика гнусного пожалели?
Неужто снова уверил вас
Тот, кто обманывал столько раз?
Неужто отъявленный проходимец
Отныне — ваш друг, а вернее — любимец?
Да он вокруг пальца всех обводит,
Он лжет и сухим из воды выходит!
Нет! Я этого дела так не оставлю.
Я его отвечать заставляю.
Он — лиходей, разбойник и вор
Такой же, каким был и до этих пор.
Я в трех преступленьях его уличаю
И за слова свои отвечаю.
Во мне жажду истины не притупить!
Я с ним готов в поединок вступить.
Он требует, чтобы пришли свидетели
И на вопросы его ответили.

Но свидетели не всегда бывают,
Когда кого-нибудь убивают.
К тому же открыть попробуй рот,—
Он всех убедит, что свидетель врет.
Он все так повернет, извратит, исказит,
Что жертву убийцей изобразит.
Вы его считаете верным другом,
Он сегодня обласкан придворным кругом,
Но ничьим он другом быть не способен,
Ибо он низок, коварен, злобен.
Он всех мечтает нас сжить со свету.
Я призываю его к ответу!»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О том, как волк Изегрим продолжал обвинять Рейнеке-лиса

Волк Изегрим продолжал свою речь:
«Я обязан всех здесь предостеречь,
Что от Рейнеке ждать невозможно добра
Сегодня так же, как и вчера.
От него только низость одна исходит,
Отчего много мерзостей происходит.
Совершив неслыханное злодейство,
Чернит он мой род и мое семейство,
Никого он столь яростно не чернил,
Как нас, коим столько зла причинил.
Он надругается надо мною.
А что он сделал с моею женою?
Я вам следующий пример приведу.
Однажды он с ней подошел к пруду.

Они к пруду подошли вдвоем,
Он ей предложил свесить хвост в водоем,
Так сказать, с целью добычи рыбы.
Как так? — додуматься не смогли бы.
Рыбу прельстит ее хвост красивый,
Мол, будет она с богатой поживой.
«Только вцепятся в хвост они —
Ты,— говорит ей,— скорей тяни!»
Он ей сулил роскошный улов,
Не жалея на это красивых слов:
«Ни я, мол, ни ты, ни твой муж Изегрим
Столько рыбы сразу и не съедим.
Только, мол, хвост опускай поглубже».
(Ну, Рейнеке! Ну и душегуб же!)

Лис настоял, жена уступила:
С берега в воду хвост опустила,
Чем погубила себя сама...
Крепчал мороз — началась зима.
Постепенно пруд затянуло льдом
(Пусть это отмечено будет судом).
Хвост у волчицы примерзает,
Лютый холод ее терзает.
Боязно ей, приближается ночь.
А хвост-то примерз — шевельнуться невмочь.
Показалось ей, что он рыбой обвешан.
А ветер воет! А мрак кромешен!..
Тут Рейнеке чести ее лишил —
Над ней насилие совершил.
Суду не приходится удивляться
Ее неспособности сопротивляться.
Она, кто в супружестве всех постояннее,
Тогда в неподвижном была состоянии.
Суду отметить необходимо,
Что я пробежал в эту пору мимо,

Присутствовал при ужасной драме,
И всю ее видел своими глазами...

Из лесу, помнится, я бреду,
Вдруг слышу: кто-то кричит на льду.
Бегу! И вижу всю эту сцену!
Представьте моим терзаниям цену!
Я всю картину обрисовал.
Лед к месту жену мою приковал,
Посему не могла она защититься.
Я готов был Рейнеке в горло вцепиться.
Но он уже убежал поспешно.
Жена моя плакала безутешно.
Полночи я провозился тогда,
Чтоб хвост ее вытащить изо льда,
Полночи купался в воде холодной —
Попытка моя оказалась бесплодной.
Рванулась жена, несмотря на усталость,—
Четверть хвоста подо льдом осталась.
На крик моей дорогой супруги
Сбежались крестьяне со всей округи
С лопатами, вилами и баграми,
С дубьем, с дрекольем и с топорами,
Мужики со своими палками,
Бабы — со своими прялками.
Кричали: «Лови их! Трави их! Бей!»
Сроду я так не дрожал, ей-ей.
С госпожой Гирмундой мы вместе дрожали
И еле до дому добежали.
Холодный пот меня прошиб,
Под конец я еще получил ушиб.
Стремясь в родимое наше логово,
Удирали от парня мы длинноногого.
Он тыкал в нас здоровенною пикою,
Оба мы боль испытали дикую.
К счастью, в ту пору еще не светало,

А то не знаю, что б с нами стало.
Мужичье нас бесспорно убить хотело,
Оттого и бесилось так оголтело.
Бабы их, например, орали,
Что мы-де ихних овец сожрали.
Чуем: все кончено! Быть беде!
Мы тогда побежали назад, к воде,
И, полуживые, едва дыша,
Спрятались в зарослях камыша.
Преследователи повернули обратно,
Бранясь и ругаясь невероятно.
Так, слава господу, мы спаслись.
Вот что наделал Рейнеке-лис!
Это — насилие, разбой, измена,
Он должен наказан быть всенепременно!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как оправдывался Рейнеке, отвечая на обвинения волка, а также занятная история о том, как Рейнеке однажды надсмеялся над волчицей Гирмундой возле колодца

Молвил король: «В существо вашей жалобы Судьям вникнуть не помешало бы.
Что бы эта история означала?
Но послушаем Рейнеке для начала!»
Рейнеке молвил с угрюмым лицом:
«Я был бы бесчестнейшим подлецом

И меня повесить бы надлежало,
Если б все сказанное содержало
Истины хоть невеликую долю.
Но клеветать на себя не позволю!
Легко доказать без большого труда,
Что я с Гирмундой стоял у пруда,
И я действительно дал ей совет,
Как рыбу ловить. Но греха в этом нет.
Можно рыбу ловить и хвостом.
Но только все, что случилось потом,
Изложено в подлой, волчьей манере
И не соответствует правде ни в коей мере.
Волчица, услышав мое предложение,
Вильнула хвостом и — без промедления,
Она от жадности вся дрожала, —
Не дослушав, к воде подбежала.
Вывод отсюда предельно прост:
Вовремя надо вытаскивать хвост!
Вернемся, однако, к сути дела.
Был сильный мороз, а она все сидела.
Тогда, пытаюсь ее спасти,
Я начал ее толкать и трясти,
Причем работал неутомимо.
Волк пробежал в это время мимо
И, увидев все это на бегу,
Остановился на берегу,
Осыпая меня непотребною бранью,
О чем высокому следует знать собранью.
Он грозился меня разорвать, убить.
Я тогда не знал: как мне дальше быть?
Волка приходится опасаться!
Бегством тогда я решил спастись.

Если двое в припадке злости
Из-за одной перегрызлись кости,
Кому-то приходится кость отдать —

Это разумней, чем пропадать.
Я оставить Гирмунду сперва не решался,
Но видя, что Изегрим помешался,—
Несмотря на желанье Гирмунде помочь,
Вынужден был улепетывать прочь.
А что касается мужиков,
Кои всегда ненавидят волков,
То они дубьем Изегрима с супругой огрели
И тем их застывшую кровь разогрели,
Иначе бы не было им спасения,—
С моей, разумеется, точки зрения.
Теперь Изегрим суд высокий морочит
И гнусно родную жену порочит
С единственной целью: меня оболгать.
Однако, следует полагать,
Госпожа Гирмунда взяла бы слово,
Коль была бы меня обличить готова.
Госпожа Гирмунда присутствует тут.
Пусть ее спросит высокий суд.
Что касается моего ответа,
То мне потребуется на это,
Я думаю, ну, не меньше недели,
Чтоб до конца разобраться в деле
И, посоветовавшись с друзьями,
Снова предстать, государь, перед вами,—
Чтоб аргументы найти всевозможные
И отместить обвинения ложные».

Но вот Гирмунда слово просит
И речь нижеследующую произносит:
«Рейнеке, все, что вы творите,
Все, что вы думаете и говорите,
Вообще все, чем вы занимаетесь,— сплошь
Есть лиходейство, обман и ложь!
Словам вашим верить безмерно опасно,
И, чтобы суду это было ясно,

Мне с отвращеньем напомнить придется
То, что случилось со мной у колодца,
Какая возникла меж нами игра.
Два над колодцем висели ведра.
В одно из тех ведер, затеяв предательство,
Вы и засели, ваше сиятельство!
Вдруг это ведро — да, да, — оно
Вместе с вами спустилось на самое дно.
Как же наверх вам подняться?
Куда же вам из ведра податься?
И вроде никто не спешит помочь,
А между тем наступает ночь.
Тогда вы мне стали кричать, чтобы смело
Я в то ведро, во второе, села
И к вам туда, на дно опустилась —
Рыбкой невиданной угостилась.
Мол, дно оно, конечно, дно,
Да только рыбы на дне полно.
Возможно, я умом помешалась
Иль в дело нечистая сила вмешалась,
Нечистая сила в полночный час, —
Но я почему-то послушалась вас.
Вы меня убедить не смогли бы,
Но мне померещился запах рыбы,
Которою будто объелись вы.
И я поверила вам... Увы!
Я съехала вниз, вы вверх поднялись
И утешать меня принялись:
«Матушка, что за плаксивый тон?»
Не плачьте! Таков мировой закон.
И уготовило провиденье
Подъем одному, другому — паденье.
Один — наверху, другой — внизу:
И нечего даром пускать слезу.
Один возвышен, другой унижен,
Один возвеличен, другой обижен,

И, как вы сейчас убедились сами,
Именно это случилось с нами.
А пока что пусть будет вам бог подмогой...»
И прочь побежали своей дорогой.
Я целые сутки в ведре просидела
И от ужаса чуть ли не поседела,
Особенно увидав в вышине
Двух мужиков, склоненных ко мне.
И они подбадривали друг друга:
«Вот он! Попался, проклятый ворюга —
Лютый губитель наших овец.
Теперь злодею пришел конец!»
«Тащи его наверх!.. Давай!..» — «Тащу!
Сейчас я разбойника угощу!»
Страшно сказать, как меня угощали!
Все было так, как они обещали.
Я еле-еле от них спаслась,
Но от злобы к предателю вся тряслась
И требую должного наказания
Тому, кто дал подлые мне указания!»
Рейнеке молвит: «Всерьез говоря,
Вам всыпали в меру и вовсе не зря.
На пользу пошли вам побои эти.
Уж так ведется на белом свете:
Когда-нибудь кто-нибудь должен быть бит.
Пусть урок этот не будет вами забыт.
Двоим не подняться одновременно,
Один должен был пострадать непременно.
Благодарите меня за урок примерный,
Что нельзя быть всегда такой легковерной!»

«Да,— отвечивал Изегрим,— так и есть.
Миром правят обман и лесть.
Миром зло верховодит бесстыдно,
Это по Рейнеке-лису видно.
Сколько вреда причинил он нам!

Сколь часто ходил он за мной по пятам!
Вы знаете только долю сотую
Того, о чем рассказал бы с охотою.
Например, вспоминаю, как сон дурной,
Что он в Саксонии сделал со мной,
Когда под каким-то предлогом странным
В пещеру завлек меня к обезьянам.
Он знал, что меня там ждет беда,
И все же меня заманил туда.
И если бы я бежать не решился,
Слуха и зрения бы лишился.
Он тогда говорил со мной ласково, кротко:
Меня, мол, его приглашает тетка
(То есть имелась в виду обезьяна).
Я в речи его не почувал обмана.
Однако он лгал на обычный свой лад.
Где я очутился,— был сущий ад!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*О том, как Рейнеке
рассказывает о макаках,
или мартышках, к ко-
им он попал вместе с
волком*

Рейнеке сказал тогда:
«Поверьте, он тронулся, господа!
Видно, рассудок его в тумане.
О какой это он говорит обезьяне?
И почему так сердито, так злобно?!
Придется все объяснить подробно.
Ад, говорит он. При чем тут ад?!

Примерно три года тому назад
И вправду в Саксонию он подался.
Он там наслажденьям мирским предался,
Он кутежей всевозможных ждал.
А я его тихо сопровождал.
Что было — то было... Но все остальное
Рисует воображеньяе больное,—
Никаких там не было обезьян.
Я в здоровом уме. И притом — не пьян!
Насчет обезьян — это просто враки!
Не обезьяны там были — макаки!
И ответ мой на это предельно четок:
Среди макак у меня нет и не было теток!
Повторяю, в глаза государю глядя:
Обезьяна Мартын — это да, мой дядя,—
Он, кто прославлен трудами своими,
Сейчас, как известно, находится в Риме,
За скорбную молится нашу юдоль.
А тетка моя — госпожа Изволь,
Супруга славного дяди Мартына.
Неужто еще неясна картина?!
Господин Изегрим здесь чернит макак,
Но он чернит их не просто так,
Он, конечно, в виду обезьян имеет
(Ах, отчего он не онемеет!).
Я опять суду напомнить обязан,
Что с макаками я совершенно не связан.
Макаки, хотел бы напомнить суду,
Для меня страшнее чертей в аду.
Не была моей тетушкой та старуха,
Лишь лакомой пищи алкало брюхо,
Желудок от голода изнывал.
Посему я ее тетушкой и назвал.
И должен признаться: поел я прилично.
Пусть хоть сдохнет она — мне теперь безразлично!..»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*О том, как Рейнеке
привел волка к мака-
кам, подвергая его не-
обычайному риску*

«Однажды мы заблудились с волком,
Шастая по дальним проселкам.
Мы сбились с пути и по этой причине
Оказались вместе в глухой долине.
Пещеру мрачную мы узрели —
Глубокую, узкую, вроде щели.
Волка голод ну просто глодал!
Волк, как водится, голодал,
Ибо сколько и чем волков не корми,
Они вечно голодны, черт их возьми!
Сказал я волку: «В этой пещере
Отыщется пища, по крайней мере.
Особа, живущая в этой яме,
Верно, едою поделится с нами.
Уж не обойдется без угощения
В случае нашего посещения».
Изегрим молвил: «Племянник милый,
Вид у меня уж больно унылый!
Боюсь, ничего мне не подадут.
Посему я лучше останусь тут,
А вы мне что-нибудь принесите
И тем от смерти меня спасите.
Вы-то намного меня ловчей!»
Льстивее я не слышал речей.
Он лезть в пещеру меня заставил:
«Ступайте скорей!» А потом добавил:
«Если еда там взаправду есть,
Уж потрудитесь — подайте весть!»

Я двинулся длинным, извилистым ходом,
Пришлось продвигаться под мрачным сводом.
Смертельный ужас мне сердце сжал.
Однако я шел, а порою — бежал,
Чтоб поскорей добраться до цели
И оказаться в той страшной щели.
Признаться я вынужден, господа,
Что больше меня не заманишь туда,
В глухие, зловонные эти норы —
Пусть даже сулят мне золотые горы.
Итак, увидел я там мартышек:
Макак-стариков и макак-детишек.
Все там воняло, вопило, стенало,
Чем ад, разумеется, напоминало.
Осмелюсь признаться: казалось мне,
Что я попал к самому сатане.
Это были твари гнуснейшей масти:
Длинные зубы, широкие пасти,
Огромные лапы, когти драконьи
(Для совершения беззаконья),
Длинные, мерзостные хвосты
(Для пущей, так сказать, «красоты».)
Я этих мартышек и их детей,
По правде сказать, принял за чертей.
Вот куда волк заманил, иуда!
Только бы выбраться мне оттуда!

Да, посмотрелся я нечисти всякой!
И вот повстречался со старой макакой.
Она была на ведьму похожа —
Просто на редкость гнусная рожа.
Она с Изегрима-волка была
(То есть ростом весьма мала).
В этом на редкость ужасном доме
Детишки спали на прелой соломе.
От лютого страха готов преставиться,

Я поспешил негодяйке представиться
И сказал, пораскинув умом,
Что бесконечно мне нравится этот дом
(Кто на моем окажется месте,
Не упрекнет меня в грубой лести).
Я сказал макаке: «Храни вас бог!
Сколь я счастлив, вступивши на ваш порог!
Какие у вас красивые детки!
Такие сейчас воистину редки.
Видно, они королевской породы».
И прочие начал слагать ей оды.
Потом я внушил, что она мне — тетья
(Вы мою хитрость легко поймете).
И она — воплощенье земного зла —
Меня племянником назвала.

«Как поживаете, мой дорогой?
Отчего это вы ко мне ни ногой?
Мы все ужасно без вас скучаем,
Потому что в вас мы души не чаем.
Вы самый желанный из наших гостей,
Просветите малых моих детей,
На истинный путь моих деток наставьте,
В темноте и в невежестве их не оставьте,
Преподайте им житейские правила!
А пока — угоститесь!» — она прибавила.
И вот принесли всевозможную снедь:
Надо же так готовить уметь!
Все вправду было на редкость вкусно
(Хоть на душе у меня было гнусно).
Рыбу внесли, оленину, козулю...
Все перечислить сейчас смогу ли?
«Рейнеке, милый племянничек мой,
Кусок оленины снесите домой,
Лакомства вы не найдете слаще.
И приходите сюда почаще!»

Я взял оленину и — задал драла!
Душа от ужаса замирала.
От этого мерзостного зловония
Чуть не случилась со мной агония.
В общем, бежал назад без оглядки,
До того макаки мне были гадки.

Хорошо, что спасся. Могло быть хуже!
Изегрим ждал меня там, снаружи.
Он встретил меня протяжным стоном,
Затем сказал недовольным тоном,
Что требует тотчас же еды,
Во избежанье большой беды.
Я видел его прескорбную мину
И отдал ему всю свою оленину.
Он от восторга едва дышал
И, нажравшись досыта, вопрошал,
Кто обитает в данной пещере,
Кто там хозяева, что за звери,
Чем они потчуют гостей
И нет ли каких-нибудь новостей?
Я рассказал ему все как было,
Как меня зловонье чуть не убило,
Рассказал, сколь противна старуха макака,
Сколь она отвратительна, и, однако,
Умаслить ведьму способ есть:
И этот единственный способ — лезть.
«Нет,— сказал,— вы в пещеру лучше не лезьте,
Не обучившись искусству лести,
А сунетесь — лгите напропалую!
Дозвольте, мол, рученьку поцелую,
Вы, мол, удивительно хороши,
Вы затронули тайные струны моей души,
Ах, струны сердца, причем нежнейшие».
И продолжайте брехать дальнейшее,
Хвалите, с честью простясь и стыдом,

Весь ее выводок, весь ее дом,—
И вас, назвав дорогим соседом,
Надеюсь, накормят отменным обедом.
В общем, самое главное — врите!
Врите и правду не говорите!
Правда бывает порой излишней
(Да простит мне эти слова всевышний!),
Ненужной бывает правда порой,
Бывает смертельно опасной игрой.
Теперь вы видите, господа:
Я все ему разжевал тогда,
Точнейшие он получил указания,
Считаю, что наглы его притязания.

Итак, он ринулся к той пещере,
Где обитали гнуснейшие звери;
Надеясь на то, что обед будет лаком,
Полез он в пещеру к вонючим макакам.
Желал он радость доставить брюху.
И вот, как увидел он ту старуху
И мерзких, вонючих ее детей,
Мороз продрал его до костей.
И он спросил: «Какой вы породы?
Отчего вы все такие уроды?
Вы, старуха, и детки тоже,—
Все вы здесь на чертей похожи.
Таких детей утопить бы надо!
Вы что, скажите мне, вышли из ада?
Удавил бы собственной вас рукой!..»
Макака спросила: «Да кто вы такой?
Какого дьявола вы к нам вторгаетесь
И столь непристойно при детях ругаетесь?
Кто вас, ответьте, прислал сюда?
У вас — ни совести, ни стыда!
Вот Рейнеке-лис был здесь нынче с визитом,
Отнюдь он не был таким сердитым.

Он бранью не осквернил свой рот,
А все, разумеется,—наоборот.
Он покори́л нас своим обхожде́ньем,
А также нам близким происхожде́ньем.
Он — сме́ем горди́ться! — сородич наш». —
Тут волк вошел в небыва́лый раж.
«Тащи́те,— кричит он,— мне вкусную пи́щу!
Не то я вам всем здесь мозги прочи́щу!
Тащи́те скорее сюда еду́!
И потораплива́йтесь — я жду!»
«После столь страшного поноше́ния
Вы еще просите подноше́ния?» —
Сказала макака, хвостом помахала
И прыгнула на волка-нахала,
Когтями ему вонзилась в шкуру,
Изрядно подпортив его фигуру.
Добавлю, что в этой лихой атаке
Уча́стие приняли дети макаки.
Кусали, царапали спереди, сзади.
Волк заскулил, стал молить о пощаде,
При этом весь истекал он кровью.
Такие визиты — во вред здоровью!
Побитый, с израненной головой,
Все же удрал он, едва живой.

Я, конечно, его спросил:
«Ты какой-нибудь дерзостью их взбесил?»
Может, ты резать стал правду-матку?
Вот и призвали тебя к порядку.
Я тебя честно предупреждал.
Все так получилось, как я и ждал». —
Волк мне ответил в то же мгновение:
«Я высказал им свое честное мнение.
То, что я думал, то и сказал». —
Не сам ли он этим себя наказал?
Я говорю: «Да вы что, смеетесь?»

Вы что, не знали, куда вы суетесь?
Разве я этому вас учу?
Поверьте, я вам добра хочу!
Почему, придя, куда вас не звали,
Старуху вы тетушкой не назвали,
Не похвалили ее детей,
Чтоб избежать вам ее когтей?»
Но Изегрим в ответ заявляет:
Ему, мол, достоинство не позволяет
Звать старую ведьму своею теткой,
Он обладать не желает сметкой,
Когда о гордости речь идет!
Мол, он свое племя не подведет
И не желает макаке нравиться.
Скорее он к дьяволу в ад отправится!
Так в чем, скажите, монарх обожаемый,
Подвох состоит мой воображаемый?
Пусть объяснит господин Изегрим,
В чем я все-таки виноват перед ним?!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

*О том, как Изегрим,
исчерпав свои обвинения,
бросил Рейнеке-
лису перчатку, вызывая
его на поединок*

Изегрим произнес свирепо:
«Дальше спор продолжать нелепо.
Пусть наш спор поединок решит,
Который нисколько меня не страшит,
Ибо я знаю, что правда за мною,

А вы мне заплатите страшной ценою.
Я имя свое от бесчестья спасаю
И вам перчатку свою бросаю!
Вызов покажет, кто прав, кто неправ,
Хоть исход, безусловно, будет кровав
И чьим-то окончится поражением.
Но с существующим положением
Я не согласен мириться дале.
Меня вы сегодня вновь оболгали.
Какую вы мне оленину дали?
Кость, которую вы обглодали!
От вас терплю я одни издевки,
Меня продаете вы по дешевке,
Вы клеветою меня черните!
Ах! Честное имя мое мне верните!
Вы королю с королевой поведали,
Будто мы с Брауном их подло предали
И даже сгубить монарха хотели!
Что ж это творится на самом-то деле?!
Нет! Прочь терпение, прочь пощада!
Кстати, как быть с пропажей клада?
Вы нагло и подло дурачили нас,
Однако пробил расплаты час!
Далее ставлю вам в вину
Позор, что лег на мою жену,
А также детей моих ослепление!
Это не гнусное ли преступление?!
Итак, объявляю всему свету,
Что я призываю вас к ответу
Как убийцу, мерзавца и подлеца.
Мы будем драться! И — до конца!
Согласно предписанному порядку,
Я вам бросаю свою перчатку.
Ваше величество, стране нужен мир.
Его принесет сей грозный турнир.
Сей мною назначенный поединок,

Не терпящий никаких заминок.
И тот, кто здесь наконец победит,
Вас в полной своей правоте убедит.
Посему заклинаю вас, господа,
Мошенника не отпускать никуда!»

Подумал Рейнеке: «Плохо дело.
Здесь может с душою расстаться тело.
Не помогут ни хитрость, ни болтовня:
Он ростом выше, он крепче меня.
Боже, тут некуда деться просто!..
А впрочем, что это я насчет роста?
Ведь он — по милости по моей —
Остался давно без передних когтей.
Он, очевидно, забыл об этом.
Теперь я готов поспешить с ответом».
И Рейнеке молвил: «Видит создатель:
Вы сами — убийца, вор и предатель.
Я вызов ваш без раздумий приму,
Поскольку искренне рад ему.
Не будь я только что вызван вами,
Вы были б вызваны мною сами.
И королю перчатку свою,
Согласно закону, в залог отдаю».

Король от обоих взял по залогу
И молвил: «Ну что ж, мы подходим к итогу.
Теперь поручителей ваших представьте
И до завтра меня в покое оставьте.
Действительно, слишком запутано дело.
Разбирать ваши тяжбы мне надоело.
Деритесь! И кончим сей вечный спор!
Велите назавтра созвать весь двор».
И вот являются поручители.
Познакомиться с ними вы не хотите ли?

Поручители волка: медведь и кот,
А от Рейнеке — Гримбарт-барсук и тот
Сын обезьяны Мартына — М ó н к е,
Который дотоле стоял в сторонке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*О том, как обезьяна
наставляла Рейнеке-ли-
са, и о том, как они
вместе с его друзьями
провели ночь перед по-
единком*

Мадам Изволь сказала: «Мужайтесь.
Благоразумием вооружайтесь.
В любом поединке хладнокровие —
Важнейшее, можно сказать, условие.
Мой супруг — ваш дядя, отбивший в Рим
(Вы по пути повстречались с ним), —
Обучил меня тайной одной молитве,
Которая вам пригодится в битве.
Господин аббат Ж р а л ь молитву составил
И моему Мартыну на память оставил,
Записав слова на клочке бумаги.
Она должна вам придать отваги,
Ибо кто натошак перед битвой ее прочтет,
Вовеки кровью не истечет,
Любая рана на нем затянется,
И он, безусловно, в живых останется,
Поскольку молитва должна уберечь его.
Так что печалиться, Рейнеке, нечего.
Я утром над вами молитву прочту».

«О, я за высокую честь почту,—
Ответил Рейнеке, — вашу подмогу.
Но уповаю также на верность богу.
И смею сказать, к поединку готовясь:
Мне силы придаст моя чистая совесть!»

С лисом всю ночь друзья оставались,
Но только с советами зря совались.
Госпожа Изволь его позвала
И самый верный совет дала.
Госпожа Изволь его обожала
И лучше всех прочих соображала,
Что надо делать, и оттого
Велела слугам постричь его —
Немедля, в течение этой ночи,
Притом, по возможности, покороче,—
Постричь от головы до хвоста
(Всё, разумеется, неспроста).
Затем его смазали маслом и салом —
Кругленьким, гладеньким, скользким стал он.
Далее, с целью ему помочь,
Она сказала, чтоб пил он всю ночь:
«Пейте сегодня как можно больше
И не мочитесь как можно дольше.
Попридержите в себе мочу,—
Я вас плохому не научу.
А завтра, как на поединок выйдете,
Жидкость эту на хвост себе выльете.
Хлестать супротивника выгодно очень нам —
Прямо по зенкам хвостом намоченным!
Супротивник, естественно, тут же ослепнет,
От чего, конечно, никак не окрепнет.
Тогда побольней вы его укúсите,—
Сперва показав, что вы якобы трусите,
Чтобы он убедился: лис, мол, бежит!
Но вам *против ветра* бежать надлежит.

Пылью обдайте его и песком
И — шмыг в сторонку — одним броском!
Пока он в крошечном пребудет мраке,
Вы изготовьтесь к новой атаке:
В морду ему направьте струю.
Клянусь: он судьбу проклянет свою!
А теперь, дорогой мой, пора вам спать.
Утром я вас позову опять.
А сейчас, хотя уже поздновато,
Услышите святые слова аббата».
Она ему лапу кладет на главу
И произносит: «Селереву́
Гаудо стацци бунфенио —
Касбу горфуаз сольфенио!»¹
Как видите, милый Рейнеке-лис,
Чудодейственным образом вы спаслись».

В последнюю ночь разделил с ним досуг
Также друг и сородич — Гримбарт-барсук.
Затем уложили его в кровать
(Поскольку он начал уже зевать).
А утром барсук и выдра вместе,
Согласно законам рыцарской чести,
Разбудили его и его одели
И, ничего не говоря о деле,
А скорей забавляя сородича шуткой,
Его угостили молоденькой уткой.
Рейнеке ел с большим аппетитом.
Сказал, что считает себя теперь сытым.
И вскоре их привела тропинка
К месту решающего поединка.

¹ Набор ничего не значащих звуко сочетаний. (Прим. персв.)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*О том, как Изегрим и
Рейнеке сошлись в по-
единке и какие произ-
носили они клятвы*

Когда король увидел, что лис
Острижен, то есть почти что лыс,
Что покрыт он жиром заместо меха,—
Великий монарх чуть не лопнул от смеха.
Потом спросил громогласно: «Ну-ка,
Откуда пришла к тебе эта наука?
Откуда взялись эти чудеса?
Какая ж ты, Рейнеке-лис, лиса!
Ты слишком хитер для моих дураков.
Что делать — ум у тебя таков.
Везде у тебя найдется лазейка.
На сей раз выкрутиться сумей-ка!
Но ты никогда не шел ко дну
И отыщешь лазейку еще одну».

Лис и впрямь был отменно весел.
Вот он два низких поклона отвесил:
Один — государю, а другой —
Венценосной супруге его дорогой,
И выбежал вприпрыжку на круг,
Где ожидал его старый «друг»,
Клыками острыми вооруженный,
Родными и близкими окруженный.
Все они Рейнеке смерти желали,
И для того сюда прибежали
Изегримовы сестры и братья.
Рейнеке слушал сплошные проклятья

(Правда, он слушал их без испуга).
Между тем пришли зрители круга —
Леопард и ягуар
(Один был молод, другой был стар).
Чинно святыни они внесли,
Присягу противники принесли,
Причину вызова объявляя,
Само возмущенье собой являя.
Изегрим первым присягал.
Он на предательство налегал,
На вероломство, разбой, лиходейство
И на вторжение в его семейство,
То есть — на гнусное прелюбодеяние.
Рейнеке присягнул в оправдание,
Что все это — вымысел, все это — вздор,
Что волчья клятва — сплошной наговор.
Но тут сказали зрители круга:
«Хватит вам обвинять друг друга!
Не лучше ль, скорей поединок начав,
Доказать нам, кто из вас все же прав?»

Все расступились. И вот они
Остались на кругу одни.
Минута решающая настала.
Мадам Изволь, торопясь, шептала,
Чтоб Рейнеке помнил ее советы.
Рейнеке-лис отвечал на это:
«Советы ваши весьма хороши,
Я вам благодарен от всей души.
Но за меня вам не следует опасаться.
Не раз мне случалось от смерти спастись,
И в предстоящем сейчас бою
Уж как-нибудь я за себя постою.
От лютых врагов убегал я, несхваченный,
Взяв кое-что в долг (до сих пор не оплаченный),
От сатаны уходил, не боясь!

Так не страшна мне и эта мразь!
Ударом одним его гибель ускорю.
Я весь его род осрамлю, опозорю
И тем прославлю свой собственный род.
Мой гнев его в порошок сотрет!
Будет ему за обман расплата!»
Речь была несколько длинновата,
Мы это слышали еще вчера.
Однако вперед, начинать пора!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*О том, как начался по-
единок и к каким гнус-
ным уловкам прибегал
Рейнеке-лис*

Гневно ринулся Изегрим в бой,
Выставив лапы перед собой.
С разинутой пастью, сверкая клыками,
Большими двигался он прыжками.
Лис был проворен и быстроног.
Он увертывался как мог
И сразу свой хвост намочил пушистый
Жидкостью, что не назовешь душистой,
Хорошенько его протащил по песку,
Готовясь к решительному броску,
И так волка хвостом по глазам ударил,
Как если б его кипятком ошпарил.
Волк несчастный не взвидел света
(Известна лисья уловка эта.
При этом известно: лисья моча
Бывает для многих страшней меча.
Не так ли волчата незрячими стали,

О чем здесь рассказано в самом начале?
И вот теперь ослеплен их отец).
В поединке ослепнуть — это конец.
Песок передними лапами роя,
Лис мокрым песком обдаёт «героя»,
Изеграм от лютой боли орёт
И, плача, глаза иступленно трет,
Пытаясь от лисьей мочи избавиться.
А лису чего бы не позабавиться?
Не сострадав волчьим слезам,
Он хлещет и хлещет его по глазам,
Он и кусает его, и лупит,
И, видно, победу свою не уступит.
У волка все в голове мешается,
А Рейнке стоит перед ним, потешается:
«Господин Изеграм, благородный боец!
Сколько вы в жизни украли овец?
Сколько вы бедных ягнят сожрали
Помимо того, что вы их украли?!
Надеюсь, любезный губитель овец,
Что вашим зверствам пришел конец.
Надеюсь, много зверюшек невинных
Избавятся от когтей ваших длинных.
Надеюсь, вы совесть в себе пробудите
И больше, надеюсь, их грабить не будете.
Поэтому, думаю, вам полагается
В злодействах своих предо мною покаяться.
А я — послушаю, погляжу
И — весьма возможно — вас пощажу.
И хоть я знаю вашу натуру,
Может быть, еще не спущу с вас шкуру».

Лис благородство изображал,
А сам Изеграма за горло держал,
Надеясь свалить его наземь вскоре
И победителем выйти в споре.

Однако еще ликовать рановато,
У него против волка сил маловато,
Волк тоже не был таким простачком,
Он вырвался было резким толчком —
Он, поднапрягшись, рванулся раз,
Но тут же опять получил промеж глаз.
Рейнеке его за голову хватъ
И начал кусать его, начал рвать,
И в результате сей страшной пытки
У волка глаз повис, как на нитке.
Лис, усмехаячись, любовался:
Кровью Изегрим заливался.
Изегрим был, безусловно, взбешен:
Поединок проигран, спор безуспешен.
Он остался израненным, одноглазым.
Улыбается счастье одним пролазам!
Побеждают разбойники, воры, мошенники!
И он в отчаянье прыгнул на Рейнеке
И повалил его, радостно взыв,
О страшном увечье своем забыв,
Даже о боли своей мучительной.
(Пример действительно поучительный!)
Теперь на траве уже лис лежал,
А волк, как клещами, его сжимал,
Всем телом на него навалился.
(Кому только Рейнеке не молился?)
Придавил ему лапы задние,
С передними же поступил беспощаднее;
Правую лапу засунул он в рот —
Скверный дело приняло оборот!
Верх одержал волк, а не лис,
Который в предсмертной истоме скис,
Тщетно пытаясь взмахнуть хвостом.
А Изегрим-волк с набитым ртом
Говорил, что говорить полагается:
Мол, Рейнеке сдаться тотчас предлагается

Или мгновенная смерть его ждет.
Уж теперь-то от кары он не уйдет!
И он говорил: «Ну что, дождался?
Не слишком ли долго ты наслаждался?
Нет! Не намерен ни в коем разе я
Тебе прощать твои безобразия.
Я тебе полностью отплачу
За все, включая твою мочу.
Не стану гладить тебя по головке
За все твои мерзостные уловки.
Не ты ли, разбойник, в грехах погряз?
Не ты ли, изверг, мне вырвал глаз?»

Подумал Рейнеке: «Надо бы сдаться,
Поскольку надо в живых остаться.
Себя от позора не уберечь!»
И вот повел он такую речь:
«Дорогой мой и обожаемый дядя,
Униженно я вас молю о пощаде,
Вы безмерно сильны, я безмерно слаб.
Навеки теперь я ваш верный раб
Со всем семейством моим и имуществом,
Покоренный бесспорным вашим могуществом.
Если прикажете, хоть сегодня
Ради вас отправлюсь ко гробу господню,
В святую землю, по всем церквам,
Чтоб принести отпущение вам.
Вам, и жене вашей, и вашим деткам,
А также всем вашим покойным предкам.
Клянусь, воздымая кверху лапу,
Что буду чтить вас, как римского папу.
Отныне всем родом я вам служу,
А надо — так жизнь за вас положу.
Королю, при всем к нему уважении,
Я не сделал бы подобного предложения.
О, только не побрезгуйте мной

И править вы станете всюю страной!
Навеки поставщиком вашим буду
И все, что поймаю или добуду
Из лесу, из монастыря, из села, —
Для вашего приволоку стола.
Рыбу, кур, индюшек, гусей...
Я мог бы продолжить перечень сей.
Ваша светлость! А не хотите ли
Взять меня в ваши телохранители?
Клянусь, если это вам подойдет,
Ни один с вас волос не упадет.
Ах, есть ли прок в оголтелой мести?
Право, не лучше ли быть нам вместе,
Не противореча ни в чем естеству?
Могучи вы. Я хитроумным слыву.
И в содружестве разума с грубой силой
Мы неборимы, дядюшка милый!
Ведь мы же родичи, крайне близкие.
И вот — друг на друга — наветы низкие.
Не понимаю я до сих пор,
Из-за чего начался наш спор?
Чего мы с вами не поделили?
Я счастлив, что вы меня победили.
Вообще-то, ежели разобраться,
Не имел я намеренья с вами драться.
Я помириться хотел, но — увы! —
Первым перчатку бросили вы.
И все равно, вы настолько мне мйлы,
Что я и дрался-то в четверть силы.
Я не давал себе разойтись,
Тем самым давая вам спастись.
Я превратил поединок в шалость,
Не то вам совсем бы не так досталось.
Вы, правда, лишились глаза пока —
Но все восстановится наверняка.
Поверьте, я сам огорчен отчаянно,

Поскольку глаз вам выбил нечаянно.
Но я знаю верный способ лечения,
Так что нет повода для огорчения.
А впрочем, мне говорит мой разум,
Не так уж и плохо быть одноглазым.
Ведь обычно, после захода солнца,
Закрывать приходится два оконца,
Не проще ли закрывать лишь одно —
Тем, у которых одно окно?
У вас прощенья вместе со мною,
А также вместе с моею женою
Просят мои дорогие дети.
Все перед вами сейчас в ответе:
Дядюшки, тетушки и племянники —
Все пребывают в ужасной панике
И готовы явиться сюда просить
Падшего Рейнеке-лиса простить.
И если я получу прощение,
То клятвой, которой нет священнее,
Поклянусь публично самым творцом,
Что я бесчестнейшим был лжецом,
Что все мои гнусные обвинения
Есть ложь, не более и не менее,
Что я возвел на вас гнусный навет,
О чем ныне должен узнать весь свет.
Неужто вам и этого мало?
Неужто во что бы то ни стало
Вы хотите меня убить
И вражду вековечную усугубить
С моими родичами, друзьями?
Ведь зная, что я уничтожен вами,
Они постараются отомстить.
Кому это нужно, дозвоьте спросить.
Нет места в душе моей для испуга,
Но, дядя, не лучше ли верного друга
Найти, чем вновь обрести врага?

Отныне я преданный ваш слуга.
А впрочем, мне безразлично: жить
Или голову в честном бою сложить!»

Волк сказал: «Ах ты, хитрая бестия!
Ты думал, поддамся дешевой лести я?
Как же, ты вырваться хочешь на волю!
Но я тебе вырваться не позволю!
Да ты мне что угодно сули,
Даруй мне золото всей земли,
Ты меня не проймешь, милоч!
Отныне попался ты в мой силоч,
Из коего ты никогда не выйдешь
И света белого не увидишь.
Да что ты думаешь: я дурак,
Что отпущу тебя просто так,
Чтоб ты надо мною же насмехался.
Ты в верности тысячи раз мне клялся.
Коль я отпущу тебя, подлеца,
Ты не дашь мне и выеденного яйца.
Кто-кто, а уж я хорошо тебя знаю,
Все твои гнусности вспоминаю.
Попробуй другого поди обмани!
И не страшусь я твоей родни.
Плевать хотел я на лисье племя,
Отныне кончается ваше время!
О, как был бы ты счастлив, весел,
Когда бы я уши сейчас развесил
И тебя на волю вдруг отпустил.
Ты сам бы мне этого не простил!
Твердишь ты, что дрался со мною гуманно.
Такие глупости слушать странно.
Или на нитке мой глаз не болтается?
А шкура, которая не латается,
Продрана в местах двадцати.

И ты еще смеешь просить: «Отпусти!»
Ты, зная, что я страдал от одышки,
Ни разу не дал мне передышки,
Меня чуть ли на смерть не загонял!
И чтобы я лживым речам твоим внял?
Прослыл бы болваном по меньшей мере я,
Испытай я к тебе хоть крупицу доверия.
Я был бы проклят супругой моей.
Так умри же, предатель! Умри, злодей!»

Торжественно эта речь прозвучала.
Пожалуй, Изегрим-волк сначала
Ее для монарха исполнить бы мог.
Но тут победителю между ног
Просунул Рейнеке левую руку
(Надо ж удумать такую штуку!).
Несчастнейший волк закатил глаза,
Ибо схватил его Рейнеке за ...
Нет! Не скажу! Догадайтесь сами!
Несчастнейший волк залился слезами.
Волк взревел, обреченный на муку.
Тут Рейнеке мигом правую руку
Вынул из волчьих разжатых зубов.
Он снова бой продолжать готов.
Он волка в покое теперь не оставит!
Руками обеими тянет, давит,
Мнет, царапает, щиплет, крутит.
Волк понимает, что лис не шутит.
От страшной натуги брызнула кровь.
Ужель понос прохватил его вновь?
Да, к величайшей его досаде,
Течет как спереди, так и сзади,
Лису почти уже ясен исход.
Теперь он и зубы пускает в ход.
Кто бы вынес такие терзания?

Изегрим бедный лишился сознания
И на траву бездыханный упал.
А лис все сильнее его трепал.
Волк, вероятно, больше не встанет.
А лис все тянет его и тянет.
Волк истекает холодным потом,
Волк исходит кровавым пометом.
Не ожидал он такого провала.
Тут волчья семья к королю воззвала
С верноподданнейшей мольбой,
Чтобы он повелел протрубить отбой.
И король сказал: «Что ж, по вашей воле
Продолжать сражение не станем доле!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как лис одержал победу с помощью хитрости

И, выполняя приказ государя,
Конец кладя бесконечной сваре,
Леопард, ягуар — двое преданных слуг —
Немедленно выбежали на круг
И обоих противников остановили,
Чем мир между ними восстановили,
Согласно объявленному отбою.
Затем обратились к лису, герою:
«Рейнеке, король повелел передать,
Что он решил поединок прервать,
Дабы мир восстановить между вами.
Он хочет, говоря иными словами,

Чтобы вы радость ему доставили
И Изегрима в покое оставили,
Ибо если один из вас мертвым падет,
То и другой стороне попадет.
Смерть одного — удар для обоих.
А сегодня хóдите вы в героях,
И, по всеобщему мнению молвы,
Единственный победитель — вы!
Вас прославляют и стар и мал!»
«Ну что же, — Рейнеке-лис сказал, —
От чистого сердца вам благодарен.
А что касается слов государя,
То выше нет для меня ничего,
Чем августейшая воля его.
Меня не тешат чужие беды,
С лихвою мне хватит моей победы.
Однако дозвоьте мне — правды во имя —
Посоветаться с друзьями моими.
У них возражений каких-либо нет?»
И, конечно, был единодушен ответ:
«Да будет все подвластно воле
Монарха, сидящего на престоле!»

И сбежались туда, где высился трон,
Сторонники лиса со всех сторон:
Барсуки, обезьяны, выдры бежали —
Все нынче Рейнеке заобожали,
В том числе ласки, бобры, куницы,
А также прочие звери и птицы,
В том числе даже те, кто ранее
Были рады отдать его на заклание,
Его вчерашние обвинители,
Его хулители и гонители.
Теперь к нему каждый в родичи лез,
Увидев, на чьей стороне перевес.

По лесным тропинкам или дорожкам
Спешили скорее припасть к его ножкам,
Бежали порознь, бежали гурьбой,
Детей и жен волокли за собой
(Малюток несли на руках родители),
Ибо вышел Рейнеке-лис в победители,
А победителю полагаются почести,
И каждому первым воздать их хочется.
Друзей у нас множество в час удачи,
А проиграешь — все будет иначе.

Пусть эта картинка потешит ваш взор:
«Слава тебе!» — надрывается хор,
Кто в бубен колотит, кто песню заводит,
Кто колесом перед Рейнеке ходит,
Желая улыбки его удостоиться.
(Кто знает, как еще все устроится?)
И все произносят наперебой:
«Вы, Рейнеке, с честью выиграли бой.
Вы не только себя, но и нас прославили.
Если б вы только себе представили,
Как мы тряслись, как дрожали в тот миг,
Когда казалось, волк своего достиг!
И вдруг негодяю настал каюк.
О, это был замечательный трюк!»
«Да,— молвит Рейнеке,— мне повезло.
Добро торжествует, наказано зло».
И под славословья и песнопенья,
Исполненный трепетного почтения,
В сопровожденье высоких лиц,
Рейнеке пал пред престолом ниц.
Но великий король повелел ему встать
(Всеобщий восторг нелегко описать)
И молвил, к своим обращаясь баронам
И к другим чрезвычайно высоким персонам,

Что Рейнеке честно в бою победил
И его в своей правоте убедил.
И король к победителю обращается,
Мол, все, что было, ему прощается,
Пока что он просто освобожден.
Но будет вдобавок еще награжден,
Поскольку он теперь вышел в сильнейшие,
Его поощрения ждут дальнейшие.
А какие — это пока секрет.
Еще не созван баронский совет.
Но, впрочем, за этим дело не станет,
Как только Изегрим на ноги встанет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*О том, как Рейнеке
рассказал королю притчу
о собаке с целью
посрамления свекоры-
стия*

Рейнеке молвил: «О государь!
Я перед вами — ничтожная тварь.
И все, что вы скажете, все, что прикажете,
Свято меня выполнять обяжете.
О высокочтимейший король,
Позвольте вам только напомнить: давно ль
Те, что сейчас меня привечали,
«Распни его!» с остервененьем кричали?
Я был оболган, оплеван, гоним,
Надо мною куражился Изегрим,

И всем этим шкурникам и подхалимам
Не терпелось выслужиться пред Изегримом,
Потому что все они были уверены,
Что вы поощрить Изегрима намерены,
И, конечно, не знал этот жалкий сброд,
Что дело примет иной оборот.
Я убеждаюсь ежеминутно,
Что правду выслушивать неуютно.
Истина многим только мешает,
Она их уверенности лишает.
Клянусь вам: все это именно так.
Мне вспоминается свора собак,
Что возле кухни стояла часами
В надежде (как вы понимаете сами),
Что повар вынесет им еду.
Так они ждали на холоду,
Нетрудно представить, что там творилось.
Но вдруг кухонная дверь отворилась,
И оттуда вырвался некий пес,
Который мясо в зубах унес.
Да, огромный кусище держал он в зубах,
Но счастлив он не был, увы и ах!
Повар его кипятком обварил,
Прежде, чем пес эту дверь отворил,
Повар обдал кипятком ему спину,
То есть всю заднюю половину.
Но, видя в зубах его столько мяса,
Заволновалась вся прочая масса,
И кто-то лает: «Пусть не таит,
Что в дружбе он с поваром состоит!
Какой тот кусище ему подарил!»
«Братцы! — ошпаренный проговорил.—
Я спереди являю собой красоту:
Гладкая морда, мясо во рту.
Но посмотрите же, бога ради,

Что я собою являю сзади!
Мой бедный хвост кипятком обварен,
Дубиной я по спине ударен,
Почти все повывлезли волоса...»
«Бежимте-ка прочь! — раздались голоса.—
Подальше держитесь от кухни этой!
Итак, прощай, брат! Уж не посетуй!»
Государь! О низости вел я речь:
Из притчи можно урок извлечь.
Коль силу являете вы собою,
От верных «друзей» у вас нет отбою.
Поскольку мясо у вас во рту,
За честность вас хвалят, за доброту,
Величают высоким вас мудрецом,
Будь вы хоть ничтожеством, подлецом,
Потому что знают: ссориться с властью,
Значит — себя подвергать несчастью.
И все перед вами юлят посему.
Конец, однако, приходит всему:
И нашей силе, и нашей власти,
А также вкусному мясу в пасти.
Глядишь — как тут же тебя забыли
Те, кто так пылко тебя любили.
Друзья вчерашние пропадают —
Они, как волоса, выпадают.
И вот ты стоишь одинокий, затравленный,
Как пес этот бедный, друзьями оставленный,
Испытав безмерно жестокую боль.
Обожаемый и великий король,
Я насквозь лицемеров вижу
И никогда их к себе не приближу.
Друга надо уметь отличать от врага.
О король! Я — ваш раб, а не просто слуга».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О том, что ответил король Рейнеке-лису и как он вновь вернул ему все привилегии

«Что проку в словах? — молвил Нобель-король.—
Мне понятно, в чем вашей притчи соль.
Рассмотрев ваш случай со всех сторон,
С сей минуты, мой дорогой барон,
Я вам прежний титул возвращаю,
А также торжественно обещаю,
Что отныне вы вводитесь в тайный совет,
Где без вас, как я вижу, порядка нет.
Многое там меня крайне тревожит,
Двор без вас обойтись не может.
Так явите ж собою (что важно весьма)
Сплав добродетели и ума!
Присовокупите к уму добродетель,
И клянусь вам — всевышний тому свидетель!—
Способны вы справиться с целым светом
Остротою мысли и мудрым советом.
А тот, кто вас в чем-то винить отважится,
От этой затеи пусть нынче откажется.
Я вас канцлером назначаю,
Вам речи держать за меня поручаю,
На просьбы и жалобы отвечать,
И я вам вручаю свою печать,
И население чтить обязано
Все, что будет написано вами и сказано».
Так Рейнеке силу обрел и власть.
С его умом невозможно пропасть,
Того ужасные ждут лишения,
Кому не по нраву его решения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О том, как Рейнекелис с превеликим почетом покинул королевский двор, облеченный высочайшим доверием

Монарха Рейнеке благодарил.
Он с обожанием говорил:
«Прославлен будь, о монарх всемогущий,
Своих верноподданных берегущий!
Милости вашей я ввек не забуду,
До гроба верно служить вам буду».
Поэт, рассказавший историю эту,
Также поведал нам по секрету,
Как себя чувствовал Изегрим,
Чего и от вас мы не утаим.

Он продолжал лежать на арене,
Израженный, жалкий, слабее тени.
Возле него в бесконечной печали
Друзья и родственники стояли:
Гирмунда, Гинце и Браун-медведь,
А также (ну как тут не зареветь?)
Дети, племянники, тети, дяди
И так, пришедшие зрелища ради.
Затем на носилках волчья прислуга
Его, полумертвого, вынесла с круга.
Говорят: лежал он на мягком сене.
(Сам я не был при этой сцене.)
Стали раны его считать:
Набралось двадцать шесть или двадцать пять.
Явились тут мастера хирургии,
А вслед за ними светила другие,

Перевязали его на койке
И дали выпить ему настойки,
Чтобы он не помер ни в коем разе,
Втерли в уши зелья и мази.
Он сзади и спереди стал чихать
Так, что было вокруг слышать.
Сказали врачи: «Чтобы вылечить раны,
Ему мы назначим целебные ванны —
Большого не будет от них вреда.
А пока что он должен поспать, господа!»
Волк поспал, но, правда, немного.
Большая его охватила тревога:
Что ж это все-таки получается?
Лис торжествует, а он кончается.
Он охотно бы отдал свое имущество,
Чтоб вернуть себе прежнее преимущество.
Но от мыслей этих ему лишь вред,
Они перешли в горячечный бред.
Госпожа Гирмунда — его жена —
Была поистине сражена.
Ведь волк по правде лишился всего —
Так Рейнеке-лис обработал его.
Страшней не придумаешь наказания!
Изегрим-волк уже был без сознания.

А Рейнеке между тем ликовал.
О, как же он смело атаковал,
Добившись победы и оправданья!
Теперь он друзьям говорил: до свиданья!
Важный шел про меж них разговор,
Ибо лис собирался покинуть двор,
Соскучившись по жене и детям.
Король был согласен с желаньем этим
И предложил, чтоб, цветами увитый,
Лис шествовал, сопровождаемый свитой.
«Рейнеке! Возвращайтесь скорей! Непременно!»

Рейнеке-лис преклонил колено:
«Государь, просто трудно высказать мне,
Сколь вам и высокой вашей жене
Бесконечно я благодарен и предан.
Был в прошлом нелегкий мной путь изведен,
Но помогали мне вы одни.
Да продлит всемогущий господь ваши дни!
Я обожаю вас невероятно!
Однако пора мне идти обратно,
Чтобы жену и детей обнять».
Король сказал: «Вас легко понять.
Вы можете совершенно свободно
Идти или ехать куда вам угодно».

Государь милосерднейший был готов
Сказать еще много прекрасных слов.
Был Рейнеке-лис ему всех дороже
(И королеве, конечно, тоже).
Рейнеке был в преогромном фаворе,
Себе — на радость, врагам — на горе.
Вы еще услышите или прочтете,
В каком сегодня большом почете
При дворах монархов или князей
Лис и орава его друзей.
Такой, как наш Рейнеке, всюду нужен,
Он с королями и папами дружен,
Везде и повсюду из-за кулис
Всем верховодит Рейнеке-лис.
И надо отметить: весь лисий род
В почете у самых больших господ.
Но кто не является родичем лисьим,
Кто целиком от него зависим,
Не назовет эту землю раем...
Он всеми оплеван и презираем.
Кто прекословить лису решится?
Каждый нынче его страшится.

Не спорь с ним! Не оберешься беды!
Без рыжей сейчас не прожить бороды.
Все стараются быть на него похожим.
А что мы иначе сделать можем?
Симон¹ и Хапус землю правят.
Любого задушат, любого затравят:
Ныне могучими в мире слывут
Лишь те господа, к кому деньги плывут.
Деньги любые грехи покроют,
Деньги любую вам дверь откроют,
Плати, не скупись! И тебе будет дан
Любой и титул, и чин, и сан.
Тот процветает сейчас, кто платит,
Впрочем, довольно об этом! Хватит!
О чем мы, собственно, речь ведем?
Вновь к нашей повести перейдем.

Итак, еще разок не поглядите ль?
Домой возвращается победитель,
Сородичей свита (число их — сорок,
Тех, кто ему особенно дорог)
Чинно, торжественно движется сзади.
У Рейнеке-лиса гордость во взгляде.
Он небывало свой хвост распушил.
Ведь только подумать: кого сокрушил,
Какой превеликой добился чести!
Несет жене он благие вести.
И вот назидание молодежи:
Любого золота ум дороже!

¹ Намек на симонию — широко распространенную куплю и продажу церковных должностей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

О том, как Рейнеке вместе со своими друзьями прибыл в крепость Малепартус, после чего распростился с ними

Итак, возвращается он в свой
Малепартус, в замок свой родовой,
К жене и к детям своим возвращается
И с дорогими друзьями прощается.
Любезной улыбкой он их одарил
И тех от сердца поблагодарил,
Кто, в пору гонений его и тревог,
Его не отверг — поддержал и помог.
«В благодарность за верную вашу дружбу
И я сослужу вам когда-нибудь службу,
Поскольку отныне в почете и в славе я,
А пока что желаю вам доброго здравия!»

Рейнеке пришел к госпоже Эрмелине,
К своей драгоценнейшей половине,
После того как они обнялись,
Жена спросила: «Ах, Рейнеке-лис,
Как же ты вырвался на свободу?»
Ответил Рейнеке: «Святым в угоду
Из безвыходного выбрался я положения,
Добившись монаршьего расположения.
Теперь заседаю я в тайном совете.
Подчинены мне все звери на свете,
От малых тварей до знатных господ,

Чем возвеличен наш лисий род.
Имперским канцлером я назначен,
Чем я нисколько не озадачен:
Взяв государственную печать,
Можно любого заставить молчать!
И все, что написано мной или сказано,
Все население чтить обязано.
Что же касается волка, то волк
Очень надолго, надеюсь, смолк,
Надеюсь, более он не встанет,
Своих доносов строчить не станет.
Я на поединке его поборол,
Буквально насквозь его пропорол!
Впрочем, что до него нам за дело?
Мне говорить о нем надоело.
Он и друзья его в прах разбиты.
Так пусть они будут скорей забыты!»
Выслушав эту новость, лисица
От всей души принялась веселиться.
Заплясали, запрыгали лисенята,
Вот уж воистину бесенята!
И закричали они вдвоем:
«Папенька! Ну теперь — заживем!»
Так лисье началось возвышение
Нашей истории в завершение.

А вы, читатели, взрослые, дети ли,
Зла избегайте, служа добродетели.
Для этого книга сочинена,
Что правдой и вымыслом начинена.
Пусть она вдоволь вас позабавит,
Избавит от дури, ума добавит,
Чтоб наконец, расставаясь с ней,
Вы все-таки сделали чуть умней.
Мы так и советуем всем поступить:
Скорей эту мудрую книгу купить,

Она мировой вам порядок раскроет.
Цена небольшая — она вас устроит.
На этом автор подвел итог.
Да поможет нам всемогущий бог!

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика 5

РЕЙНЕКЕ-ЛИС

Книга первая

- Глава первая. *О том, как Нобель — король всех зверей — решил созвать свой двор и велел скликать своих подданных* 11
- Глава вторая. *О том, как Рейнеке-лис был обвинен волком Изегримом и многими другими зверьми и как они пожаловались на него королю* 12
- Глава третья. *О том, как барсук Гримбарт вступился перед королем за своего дядю Рейнеке-лиса и обвинил волка Изегрима в целом ряде совершенных им преступлений* 17
- Глава четвертая. *О том, как петух в великой скорби предстал перед королем, чтобы принести жалобу на Рейнеке-лиса и уличить его в ужасающих преступлениях* 22
- Глава пятая. *О том, как король держал совет со своими приближенными по поводу того, какому возмездию подвергнуть коварного Рейнеке-лиса, как бы предать его скорейшему суду, и также о том, как была похоронена мертвая насадка* 27
- Глава шестая. *О том, как медведь Браун был послан к Рейнеке-лису с королевским посланием, как ему удалось разыскать лиса и что он ему сказал* 29

- Глава седьмая. О том, как Рейнеке с осторожностью предавался своим размышлениям, после чего вышел из укрытия, отпер ворота и дружественно приветствовал медведя Брауна 31
- Глава восьмая. О том, как Рейнеке привел медведя к тому месту, где он должен был отвезти меда, что кончилось для него в высшей степени скверно, а также о том, как лис обманным способом заставил медведя всунуть голову и лапы в расщелину дерева, а потом, разумеется, бросил его в беде 35
- Глава девятая. О том, как пойманный Браун был избит крестьянами, как он наконец спасся от них и бросился в воду 37
- Глава десятая. О том, как Рейнеке нашел избитого медведя лежащим на берегу реки, как он стал потешаться над ним, и о том, как Браун молча удалился 42
- Глава одиннадцатая. О том, как медведь Браун в плачевнейшем виде пришел ко двору и обвинил Рейнеке 45
- Глава двенадцатая. О том, как кот Гинце был направлен посланцем к Рейнеке с приказом доставить его на другой день ко двору, и о том, как кот Гинце отправился в путь . . 46
- Глава тринадцатая. О том, как кот Гинце был подло предан Рейнеке-лисом, и о том, как Рейнеке-лис посетил волчицу Гирмунду . . 51
- Глава четырнадцатая. О том, как попавший в капкан Гинце был избит и опозорен, и о том, как ему все же удалось вырваться 55
- Глава пятнадцатая. О том, что ответил Рейнеке барсуку, который уговаривал его явиться ко двору и предстать перед судом 59

Глава шестнадцатая. О том, как <i>Рейнеке</i> прощался со своей женой и вместе с барсуком пошел ко двору и как он по пути исповедовался	61
Глава семнадцатая. О том, как <i>Рейнеке</i> продолжал свою исповедь, повествуя о страшных своих грехах, особливо о том, как он обманул волка	63
Глава восемнадцатая. О том, как <i>Рейнеке</i> и <i>Гримбарт</i> продолжали свой путь к королевскому дворцу и как по дороге им встретился святой монастырь	68
Глава девятнадцатая. О том, как <i>Рейнеке</i> явился к королю, смиренно пред ним преклонился и как обнаружил многих из тех, кто пришел на него с жалобой	71
Глава двадцатая. О том, как <i>Рейнеке</i> был обвинен своими противниками, как пытался он оправдаться, но в конце концов, изблеченный свидетелями, был приговорен к смерти	75
Глава двадцать первая. О том, как связанного <i>Рейнеке</i> повели на казнь, и о том, как друзья <i>Рейнеке</i> покинули двор	77
Глава двадцать вторая. О том, как <i>Рейнеке</i> попросил отсрочить казнь с целью дать ему возможность публично исповедаться и как он стал исповедоваться, пытаясь избежать возмездия	81
Глава двадцать третья. О том, как король приказал, чтобы воцарилось молчание, а затем повелел <i>Рейнеке</i> спуститься с помоста и приблизиться к королевской чете для дачи исчерпывающих показаний	85
Глава двадцать четвертая	86
Глава двадцать пятая. О том, как <i>Рейнеке-лис</i>	

продолжал свой лживый рассказ о якобы похищенном кладе	92
Глава двадцать шестая. О том, как Рейнеке продолжал рассказ о своем отце, о его гибели и как он закончил эту выдуманную им историю	94
Глава двадцать седьмая. О том, как Рейнеке продолжал вводить в заблуждение короля и королеву лживыми рассказами о якобы имеющемся у него кладе, разжигая в них пагубную алчность	96
Глава двадцать восьмая. О том, как Рейнеке отблагодарил короля и королеву, продолжая рассказывать им свои небылицы	98
Глава двадцать девятая. О том, как Рейнеке выдвигал насквозь лживые, но с виду правдоподобные доводы, по коим он не мог сопровождать короля к месту нахождения клада	100
Глава тридцатая. О том, как король публично простил Рейнеке-лису его преступления и повелел каждому воздавать почести Рейнеке и его родичам	103
Глава тридцать первая. О том, как противники Рейнеке пережили великий испуг, выражая свое недовольство освобождением лиса, а также о том, как Браун и Изегрим были схвачены и подверглись пыткам	105
Глава тридцать вторая. О том, как содрали кожу с передних ног у господина Изегрима и с задних ног у госпожи Гирмунды для того, чтобы изготовить сапоги господину Рейнеке-лису, а также о том, как вырезали кусок шкуры со спины господина Брауна, чтобы изготовить для Рейнеке суму	107
Глава тридцать третья. О том, как Рейнеке распрощался с королевским двором, сделав	

<i>вид, что собирается совершить паломничество, и как баран вручил ему котомку и посох .</i>	108
Глава тридцать четвертая	110
Глава тридцать пятая. <i>О том, как Рейнеке заманил Лямпе в свой замок и убил несчастного зайца, а также, как он рассказывал жене о своем чудесном спасении</i>	113
Глава тридцать шестая. <i>О том, как баран Беллин ждал возвращения зайца Лямпе, как звал его домой и какую ложь он услышал от Рейнеке-лиса</i>	118
Глава тридцать седьмая. <i>О том, как Рейнеке обманул барана и как тот сдуру попался в ловушку</i>	119
Глава тридцать восьмая. <i>О том, как баран Беллин принес в сумке голову бедного Лямпе, сам не подозревая об этом</i>	121
Глава тридцать девятая. <i>О том, как Браун и Изегрим были выпущены из темницы и как король, в искупление и в возмещение, отдал им барана вместе со всем его родом . . .</i>	124

Книга вторая

<i>Ко двору короля прибыли на великий сбор все звери и птицы, дабы обвинить Рейнеке. Между собою они говорили следующее . .</i>	129
Глава первая. <i>О том, как король созвал свой двор, куда прибыли всевозможные звери и птицы</i>	130
Глава вторая. <i>О том, как безмерно разгневался король, выслушав кролика и ворона, и о том, что он сказал</i>	134
Глава третья. <i>О том, как король, пребывая в великом гневе, обсуждал со всеми зверями и птицами способ поимки Рейнеке к великому удовлетворению Изегрима и Брауна . . .</i>	135

- Глава четвертая. О том, как барсук направился к Рейнеке и предостерег его 138
- Глава пятая. О том, что говорил Рейнеке Гримбарту о своих детях, и о том, как на следующий день Гримбарт и Рейнеке пошли ко двору 142
- Глава шестая. О том, как Рейнеке со своим племянником-барсуком вновь пошел ко двору короля и как Рейнеке по пути исповедовался 144
- Глава седьмая. О том, как Рейнеке исповедовался еще в нескольких грехах и как он пустился в размышления о дурных прелатах 148
- Глава восьмая. О том, как Рейнеке продолжал свою исповедь, и о хорошем и дурном духовенстве 153
- Глава девятая. О том, как Мартын-обезьяна отправился в Рим, как он по пути встретил Рейнеке и как взялся вести его дела в Риме 158

Книга третья

- Глава первая. О том, как Рейнеке и барсук Гримбарт прибыли ко двору и как Рейнеке предстал перед королем 167
- Глава вторая. О том, как Рейнеке были прощены все его преступления, особливо то, что касалось вороны и кролика 169
- Глава третья. О том, как огорчились волк и медведь, когда увидели, что кролик и ворон отказались от своей жалобы и ушли, а также о том, как король допрашивал Рейнеке 174
- Глава четвертая. О том, как обезьяна рассказала историю о человеке и змее, для того чтобы вызвать в короле расположение к Рейнеке 177
- Глава пятая. О том, как король вновь стал спрашивать в присутствии членов суда об обстоятельствах гибели Лямпе, и о том, как

<i>Рейнеке бесстыдно лгал королю в надежде добиться оправдания</i>	183
Глава шестая. <i>О том, как Рейнеке солгал о первом из якобы похищенных у него сокровищ, сказав, что это — перстень, украшенный драгоценными камнями, чьи чудесные свойства он расписывал с беззастенчивой ложью . .</i>	185
Глава седьмая. <i>О том, как Рейнеке продолжал рассказывать лживые байки сначала о драгоценном гробне, затем — о зеркале</i>	187
Глава восьмая. <i>О том, как Рейнеке в подкрепление своей лжи рассказывает о чудодейственном, прекрасном и драгоценном зеркале, о его достоинствах и свойствах и о различных историях, изображенных на зеркальной раме, прежде всего о человеке, лошади и олене . .</i>	190
Глава девятая. <i>О том, как Рейнеке рассказал про осла и собаку, умножая число лживых басен по поводу зеркала</i>	192
Глава десятая. <i>Здесь Рейнеке рассказывает третью историю, написанную на зеркале: о своем отце — старом лисе и о диком коте, коего он чернит как только может</i>	195
Глава одиннадцатая. <i>О том, как Рейнеке придумал новую байку, якобы увиденную им на зеркале,— историю про журавля и волка . .</i>	197
Глава двенадцатая. <i>О том, как Рейнеке разглагольствует перед королем о заслугах своего отца, и о том, как отец короля был исцелен печенью семилетнего волка</i>	200
Глава тринадцатая. <i>О том, как Рейнеке продолжал лгать, пытаясь обелить себя и очернить других, а именно: рассказ о том, как волк и лис сообща поймали свинью и теленка .</i>	204
Глава четырнадцатая	209

Книга четвертая

- Глава первая. О том, как волк *Изеграм* продолжал обвинять *Рейнеке-лиса* 215
- Глава вторая. О том, как оправдывался *Рейнеке*, отвечая на обвинения волка, а также занятая история о том, как *Рейнеке* однажды надсмеялся над волчицей *Гирмундой* возле колодца 218
- Глава третья. О том, как *Рейнеке* рассказывает о макаках, или мартышках, к коим он попал вместе с волком 223
- Глава четвертая. О том, как *Рейнеке* привел волка к макакам, подвергая его необычайному риску 225
- Глава пятая. О том, как *Изеграм*, исчерпав свои обвинения, бросил *Рейнеке-лису* перчатку, вызывая его на поединок 231
- Глава шестая. О том, как обезьяна наставляла *Рейнеке-лиса*, и о том, как они вместе с его друзьями провели ночь перед поединком 234
- Глава седьмая. О том, как *Изеграм* и *Рейнеке* сошлись в поединке и какие произносили они клятвы 237
- Глава восьмая. О том, как начался поединок и к каким гнусным уловкам прибегал *Рейнеке-лис* 239
- Глава девятая. О том, как лис одержал победу с помощью хитрости 247
- Глава десятая. О том, как *Рейнеке* рассказал королю притчу о собаке с целью посрамления своекорыстия 250
- Глава одиннадцатая. О том, что ответил король *Рейнеке-лису* и как он вновь вернул ему все привилегии 253

Глава двенадцатая. О том, как Рейнеке-лис с превеликим почетом покинул королевский двор, облеченный высочайшим доверием . . .	254
Глава тринадцатая и последняя. О том, как Рейнеке вместе со своими друзьями прибыл в крепость Малепартус, после чего распрос- тился с ними	258

Р35 Рейнеке-лис. Поэма XV века. В пер. Льва Гинзбурга. Худ. Л. Чернышев. М., «Худож. лит.», 1978.

«Рейнеке-лис» — знаменитая немецкая поэма XV века, принадлежащая перу неизвестного автора. До сих пор она была известна советскому читателю лишь в великолепной обработке великого Гете. Переводчик Лев Гинзбург впервые пытается воссоздать на русском языке это произведение в его первоизданном виде, передавая несколько неуклюжий, но живой и бойкий народный стих, пестроту, яркость, озорной дух оригинала XV века.

Р $\frac{70404-333}{028(01)-78}$ 168-77

И(Нем)

РЕЙНЕКЕ-ЛИС

Поэма XV века

Редактор Е. Маркович

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Л. Ковнацкая

Корректор

Л. Коншина

ИБ № 612

Сдано в набор 2/II 1977 г. Подписано в печать 20/IX 1977 г. Бумага типографская № 1. Формат 70×90¹/₃₂. 8,5 печ. л., 9,92 усл. печ. л., 12,238 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз.

Заказ 2484. Цена 1 р. 20 к.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21

